РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

"НАУКА"

МОСКВА – 2002

СОДЕРЖАНИЕ

О.Н. Трубачев (Москва). Вместо предисловия 3
В.М. Алпатов (Москва). Пятьдесят лет журнала "Вопросы языкознания" 4
О.В. Лукин (Ярославль). Дискуссии о частях речи и "Вопросы языкознания" в 1950-е годы 35
О.А. Лаптева, Г.Ф. Благова, М.М. Маковский, Г.В. Строкова (Москва). Как это было 48
Г.Ф. Благова (Москва). О работе В.М. Жирмунского в журнале "Вопросы языкознания" и о его роли в подготовке "Диалектологического атласа тюркских языков" 58
И.И. Ковтунова (Москва). Проблема несобственно прямой речи в трудах В.В. Виноградова (Из истории отечественной научной мысли) 65
Г.В. Строкова (Москва). История нашей журнальной повседневности 72

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Н.И. Толстой. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз 81
О.В. Никитин (Москва). Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и А.М. Селищева (неизвестные страницы истории московской лингвистической школы) 91

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В.В. Потапов (Москва). Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии 103

Рецензии

Д.И. Эдельман (Москва). *И.М. Стеблин-Каменский.* Этимологический словарь ваханского языка 131
А.В. Зеленин (Москва). *Л.П. Крысин.* Толковый словарь иноязычных слов 136
В.Д. Девкин (Москва). *W. Müller.* Das Gegenwort–Wörterbuch. Ein Kontrastwörterbuch mit Gebrauchshinweisen 141
Л.Л. Шестакова (Москва). *Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: "Птицы" 145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 149

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), *М.М. Маковский* (отв. секретарь), *А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (зам. главного редактора), *Ю.В. Откупщиков, О.Н. Трубачев* (главный редактор), *А.М. Щербак*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© Российская академия наук,
Отделение литературы и языка РАН, 2002 г.

№ 1 2002

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сейчас уже мало кто вспоминает (из более молодых поколений, думаю, даже вообще не вспоминает никто) о том, почему и при каких обстоятельствах возник наш журнал "Вопросы языкознания", давно и неоспоримо главный периодический орган нашей науки, а точнее сказать, наук, объединяемых обширным названием ЯЗЫКОЗНАНИЕ. Первотолчком послужило выступление в 1950 году самого высокого лица тогдашнего государства ("Марксизм и вопросы языкознания"...). Эта связь казалась в те годы, видимо, самой тесной и естественной; говорили, что на начавшийся выходом с 1952 года журнал немедленно подписались все райкомы партии... Все-таки это было очень давно, полвека тому назад. Впрочем, довольно скоро стало ясно, что речь идет о специальном академическом журнале. И хотя с тематикой "марксизм et quodlibet" никто по условиям времени не думал расставаться, тем паче от нее отмежевываться (и так было во многих, если не во всех журналах эпохи), все же в новый журнал постепенно нашли и находили доступ многие научные проблемы. И именно это составило лицо нового, единственного в своем роде, всех объединяющего органа, знаменуя его великое предназначение. Он был Главным журналом моего поколения, входившего в науку в 50-х, он остался им для всех последовавших поколений. Некоторые, при желании, находили потом в его истории периоды упадка, я не знаю таких периодов. Он был и остается для нас журналом Виноградова, оставаясь всегда по большому счету достойным детищем своего подлинного первооснователя.

В своем кратком напутственном слове я и не помышляю о том, чтобы обозреть этот пятидесятилетний путь, даже просто перечислить вершинные публикации и заметные дискуссии во всех этих трехстах (6 × 50) номерах. Для этого потребуются специальные исследования, и мы (я и мои сотрудники по журналу) счастливы уже тем, что смогли здесь привлечь голоса немалого числа лиц, причастных журналу с самого его начала и по сей день. Их чувства и мысли помогают лучше осознать праздник Науки, каковым в наших глазах всегда будет пятидесятилетие наших "Вопросов", журнала, который, надобно отметить, встречает эту дату, как кажется, в неплохой форме.

О.Н. Трубачев,
Главный редактор журнала

№ 1 2002

© 2002 г. В.М. АЛПАТОВ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ЖУРНАЛА "ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ"

Исполнилось 50 лет со дня выхода первого номера журнала "Вопросы языкознания". Публикации журнала отразили многие этапы развития отечественной науки о языке за половину столетия.

Журнал "Вопросы языкознания" был создан на основании решения Президиума Академии наук СССР, принятого 01.07.1950 г., через несколько дней после публикации в газете "Правда" статьи И.В. Сталина "Относительно марксизма в языкознании". После столь чрезвычайного события наука о языке оказалась на некоторое время в нашей стране (отчасти и в других странах) в центре общественного внимания. В числе мер, которые предполагалось принять для развития языкознания в СССР, было и создание специального лингвистического журнала.

Такого журнала до того времени не было ни в дореволюционной России, ни в СССР. В наибольшей степени подобную роль играли "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", однако в этом издании печатались (и печатаются до сих пор) не только лингвисты, но и литературоведы, и объем, приходившийся там на языкознание, – невелик. Имелись также журналы с более специализированной тематикой ("Русский язык в школе", "Иностранные языки в школе"), ученые записки филологических факультетов университетов и непериодическое издание Института языка и мышления АН СССР "Язык и мышление" (прекратившееся после начала выхода "Вопросов языкознания" – далее ВЯ). Безусловно, издание всесоюзного журнала по языкознанию было необходимым. Перед новым изданием встала задача стать печатным органом, объединяющим ученых из разных союзных республик и городов, академическую и вузовскую науку.

Главным редактором нового журнала был утвержден академик В.В. Виноградов, ставший в это время главой филологических наук в СССР. Безусловно, для того времени это была наилучшая кандидатура. Крупный ученый–русист, человек обширных знаний и высокой культуры, он относился к своим обязанностям в журнале очень ответственно и много сделал для того, чтобы журнал действительно отражал наиболее значительные достижения советской науки о языке. Виктор Владимирович руководил журналом более семнадцати лет, до конца своей жизни.

В первый состав редколлегии ВЯ вошли С.Г. Бархударов, Н.А. Баскаков, Е.А. Бокарев (секретарь журнала), Р.А. Будагов, А.И. Ефимов, Н.А. Кондрашов, Н.И. Конрад, В.Г. Орлова, Г.Д. Санжеев (зам. главного редактора), В.М. Филиппова, А.С. Чикобава, Н.Ю. Шведова. В целом этот состав был хорошо продуман, в редколлегию были включены специалисты по разным языкам и языковым группам: русисты, славист, романист, кавказоведы, тюрколог, монголист, Н.И. Конрад был китаистом и японистом. Наряду с уже известными учеными в нее вошли совсем тогда молодые Н.А. Кондрашов и Н.Ю. Шведова. Этот состав в основном сохранился до конца 1955 г., когда произошла первая значительная реорганизация редколлегии; лишь в конце 1954 г. вместо Р.А. Будагова в нее вошел Б.А. Серебренников.

Перечисленный состав редколлегии вел журнал весь первый период его существования" 1952–1955 гг. Эти годы, особенно 1952–1953 гг., проходили в нашей науке о языке под сильным влиянием событий июня–июля 1950 г., когда появились

публикации И.В. Сталина по вопросам языка. Передовая первого номера журнала называлась «Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал "Вопросы языкознания"», а в начале ее говорилось: «Советское языкознание, возрожденное трудом И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания" к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути, переживает в настоящее время пору своего обновления, своей перестройки во всех основных своих частях» (1952, 1: 3)[1]. Так обо всем связанном с именем И.В. Сталина писали тогда везде. Но перестройка советского языкознания действительно шла. Важно выяснить, как она отражалась в журнале.

Как известно, значение сталинских работ было двояким: в них отвергалось признанное до того официально "новое учение о языке" Н.Я. Марра и выдвигались некоторые позитивные идеи. ВЯ начал выходить через полтора года после появления этих работ. За это время развенчание марризма как в главных его положениях, так и конкретных деталях в основном уже состоялось. Характерно приводимое в ВЯ (1953, 1: 148) высказывание А.И. Смирницкого о том, что уже нет смысла критиковать марровские положения. И действительно, с самого начала издания журнала антимарровская проблематика не занимает там большого места. Хотя почти в каждой статье первых лет ВЯ есть фразы и абзацы, осуждающие марризм, но нет ни одной публикации, тематика которой исчерпывалась бы его критикой. Несомненно, редактор журнала старался, чтобы в нем преобладали позитивные результаты исследований.

Еще одно, явно бросающееся в глаза отличие журнала, например, от "Известий АН СССР" того же времени: в нем очень мало публикаций "проработочного" характера в отношении советских языковедов (при иногда очень резкой критике зарубежных ученых, о чем речь пойдет ниже). Одно из очень немногих исключений – хроника, посвященная проработке выдающегося ираниста и теоретика языкознания В.И. Абаева на ученом совете Института языкознания АН СССР (1952, 2: 156–159). В данном случае отмолчаться было нельзя: против ученого появилась статья в "Правде", где он в числе прочего обвинялся в "осетинском национализме". Однако при резкости ряда выступлений итог заседания оказался неожиданным с точки зрения нынешних представлений о проработках сталинского времени: "оргвыводов" не последовало, а В.И. Абаеву было предложено "активно включиться" в работу по перестройке советского языкознания и опубликовать статью в журнале "Вопросы языкознания". Вскоре (1952, 5: 56–69) действительно появилась статья "О принципах этимологического словаря", ставшая началом почти полувекового сотрудничества В.И. Абаева с журналом. В статье нет никакого покаяния. Отметим, что в ВЯ с самых первых лет публиковались и другие языковеды, ранее критиковавшиеся за марристские идеи: А.В. Десницкая, М.М. Гухман, Л.И. Жирков и др. Обратим внимание и на появление в ВЯ некоторых запретных тогда имен: Р.И. Аванесов (1952, 6: 33) упоминал расстрелянного Н.Н. Дурново, а Б.В. Горнунг, В.Д. Левин и В.Н. Сидоров – находившуюся в заключении Г.М. Василевич (1952, 1: 44).

Хотя работы И.В. Сталина внешне выглядели как сочинения по вопросам марксизма в языкознании, но собственно марксистская проблематика в ВЯ первых лет занимает очень небольшое место (речь, разумеется, не идет о частых появлениях слов "марксизм" и "марксистский" во многих статьях самой разной тематики). Можно отметить лишь статью Г.С. Кнабе о законах диалектики в языке (1953, 1) и статью Э.Я. Егерман, посвященную отражению вопросов языка в теоретических работах видного итальянского марксиста А. Грамши (1954, 5). Вероятно, редактор журнала и многие его авторы ощущали, может быть, и не до конца осознанно, что И.В. Сталин по существу снял с повестки дня вопрос о построении особой марксистской лингвистики, активно у нас обсуждавшийся в 20-е гг. и начале 30-х гг. В его публикациях достаточно явно предлагалось развивать идеи и методы русской науки о языке

[1] Здесь и далее ссылки на ВЯ даются в тексте с указанием года, номера журнала и страницы.

дореволюционного периода. В.В. Виноградов и многие советские языковеды тех лет, как бы они ни относились к И.В. Сталину, безусловно одобряли такую постановку вопроса. Ориентация на постулаты науки XIX в. и начала XX в. четко проявилась во многих публикациях ВЯ 1952–1955 гг.

Уже в упомянутой передовой статье, открывавшей первый номер журнала, постоянно говорится об историзме как обязательном свойстве научного языкознания. "Отход от историзма, отказ от исторического изучения языка" признается здесь основной тенденцией "идеалистической зарубежной лингвистики" (1952, 1: 6), а изучение разных языков вне генеалогического родства отождествлялось с марристским "единством глоттогонического процесса" (1952, 1: 7). Среди основных проблем, впрочем, упоминается вопрос о грамматической структуре языка, но вместе с вопросом о законах развития этой структуры (1952, 1: 11). В статье также говорится о необходимости изучать язык в тесной связи с изучением истории народа (1952, 1: 7), о важности знакомства с наследием русских дореволюционных языковедов (1952, 1: 35–36). Если идеи русских дореволюционных историков в те годы использовались со значительными оговорками, а немарксистская русская философия оставалась под запретом, то классическое русское языкознание после выступления И.В. Сталина стало как бы полностью реабилитированным. Его идеи активно использовались во многих работах, в том числе в ВЯ; некоторые труды были переизданы или изданы впервые; см. публикацию (1953, 1) о подготовке к печати двухтомника трудов Ф.Ф. Фортунатова.

Ориентация на исторические и сравнительно-исторические проблемы очень заметна в первые годы ВЯ, особенно в 1952–1953 гг. Статьи такого рода явно преобладают. При этом, конечно, надо учитывать, что в то время многие области языкознания, прежде всего индоевропеистика, только-только начали возрождаться после запрета при господстве марризма, поэтому ряд публикаций, особенно в первых номерах журнала, имел не только исследовательские, но и просветительские задачи. См., например, статью Б.В. Горнунга, В.Д. Левина и В.Н. Сидорова в первом номере журнала с изложением традиционной методики компаративного исследования или статью А.В. Десницкой (1952, 4), где рассказывается о принадлежности хеттского и тохарского к индоевропейской семье. "Перекос" в сторону исторического и сравнительно-исторического языкознания несомненно находил обоснование в теоретических статьях главного редактора. Так, в статье о внутренних законах развития языка (1952, 2) В.В. Виноградов сводил понятие лингвистического закона к законам исторического характера, возвращаясь к идеям младограмматиков. Для того времени это был шаг назад не только по сравнению с Ф. де Соссюром, но и с Н.В. Крушевским, выделявшим как "динамические", так и "статические" законы.

С самого начала существования ВЯ большое место в журнале заняло рассмотрение идей и методов зарубежной лингвистики. В то время оно, безусловно, не могло быть объективным. Сказывались два фактора: общая ориентация советского языкознания тех лет на вопросы языковой истории и влияние конъюнктуры, связанной с находившейся тогда в самом разгаре "холодной войной".

Вершиной мировой науки о языке в ВЯ, как и в советской лингвистической историографии тех лет вообще, считалась русская наука. В некоторых публикациях речь шла о приоритете русских ученых над зарубежными; например, А.П. Баранников писал о приоритете А.Х. Востокова и автора анонимной книги 1811 г. "О сходстве санскритского языка с русским" перед Ф. Боппом и Я. Гриммом (1952, 2: 46). Однако компаративистика XIX в. от Ф. Боппа до младограмматиков все-таки оценивалась в целом положительно, а учет ее результатов признавался необходимым.

Сложнее обстояло дело с лингвистикой XX в., особенно современной. Уже в передовой статье первого номера в соответствии со стандартами эпохи "холодной войны" говорилось о необходимости борьбы с западной "идеалистической" лингвистикой, для которой характерны "духовное оскудение" и "маразм" (1952, 1: 5–6). Однако не вся западная наука о языке XX в. считалась "маразматической". См., например, положи-

тельную рецензию В.Ф. Шишмарева на русское издание книги уже покойного Э. Бурсье (1954, 1) или лояльную рецензию К.В. Горшковой на книгу Х. Станга (1954, 2). В одной из статей Б.В. Горнунг проводил деление западных ученых на более и менее приемлемых для советского языкознания (1952, 4). К числу более приемлемых он причислил таких действительно крупных лингвистов, как Е. Курилович, Э. Бенвенист, В. Пизани. Нетрудно видеть, что выше оценивались те ученые, которые продолжали (полностью или частично) традиции науки XIX в. Б.В. Горнунг одобрял деятельность перечисленных лингвистов за то, что они не отказались от занятий сравнительно-историческим языкознанием.

Гораздо более суровым было отношение к структурализму, в то время безусловно господствовавшему на Западе. Уже в передовой статье первого номера Ф. де Соссюр резко осуждается за "антиисторизм", ставший "знаменем идеализма современной зарубежной лингвистики", за разделение синхронии и диахронии, внутренней и внешней лингвистики (1952, 1: 8). Из поставленных Ф. де Соссюром проблем заслуживающей внимания признается лишь проблема языка как системы знаков, которая может быть решена "и в материалистическом, и в идеалистическом духе", а подход Ф. де Соссюра – "идеалистический", характеризующийся "абстрактным психологизмом" (1952, 1: 9) (ср. критику "абстрактного объективизма" Соссюра у В.Н. Волошинова). Последователи швейцарского ученого (В. Брёндаль, Л. Ельмслев) сопоставляются с авторами "универсальных грамматик", разруганными в "Анти-Дюринге" (1952, 1: 6). Сходство здесь однако только внешнее: Ф. Энгельс противопоставлял передовые для того времени идеи классиков компаративистики концепциями эпигонов грамматики Пор-Рояля, тогда как в середине XX в. идеи синхронной лингвистики отражали новый этап развития науки и никак не повторяли эти устаревшие концепции.

Наконец, в статье выдвигалась и идея о вреде общелингвистического подхода к языку и поиска "общечеловеческих" фактов, поскольку "материалистическая" лингвистика обязательно должна отражать специфику тех или иных национальных языков (1952, 1: 7). Здесь чувствуется подход не столько В.В. Виноградова, сколько А.С. Чикобава, роль которого в советской лингвистике тех лет была очень значительной. Этот языковед особенно последовательно отстаивал крайний эмпиризм, свойственный многим младограмматикам.

В последующих номерах журнала мы находим немало статей или фрагментов в более общих по тематике статьях, где содержится уничтожающая критика Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Э. Сепира, Ж. Вандриеса, К. Фосслера и др. Эта критика нередко переходила все допустимые границы, иногда ученым предъявлялись совершенно фантастические обвинения. Например, М.М. Гухман обвиняла Э. Сепира в расизме, но поскольку советскому читателю была известна книга Э. Сепира "Язык", где расизма безусловно нет, то говорилось, что эта книга не так показательна, а наиболее реакционны поздние неназванные работы ученого (1954, 1: 110).

Однако одни и те же ученые могли оцениваться по-разному в зависимости даже от тематики их исследований. Из работ Ф. де Соссюра "реакционным" именовался лишь "Курс общей лингвистики", а выдвинутая им в компаративистике ларингальная гипотеза оценивалась вполне положительно (1952, 1: 58). Даже у эмигранта Н. Трубецкого по-разному оценивалась концепция языковых союзов: наряду с языковедами, отвергавшими ее (Т.С. Шарадзенидзе), были и ее сторонники (Б.А. Серебренников) (1952, 5: 124).

Однако даже в те годы позиция отыскивания в западной науке лишь свидетельств "маразма" и "духовного оскудения" поддерживалась далеко не всеми лингвистами в СССР. Уже в № 1 за 1953 год в хронике обсуждения ВЯ на ученом совете Института языкознания АН СССР отмечена критика в ряде выступлений трактовок западной науки в журнале; в частности, говорили, что часто неясно, что собственно критикуется; редакция признала эти замечания правильными и анонсировала статью О.С. Ахмановой против глоссематики, в которой критикуемая концепция будет изложена достаточно подробно (1953, 1: 146).

Статья О.С. Ахмановой, вскоре напечатанная (1953, 3), шла еще дальше. Резкая критика действительно довольно подробно пересказываемых идей глоссематики (которые отвергали многие лингвисты и за рубежом) соседствует здесь с пересмотром ряда оценок в предшествующих номерах ВЯ. Хотя идеи Ф. де Соссюра характеризуются как "шаг назад" по сравнению с Н.В. Крушевским и И.А. Бодуэном де Куртенэ, но предлагается отдавать "в полной мере дань де Соссюру как одному из крупнейших представителей современной лингвистики" (1953, 3: 26). Здесь же О.С. Ахманова вполне принимает разграничение синхронии и диахронии, без которого, по ее мнению, невозможно изучение фонем. В статье чувствуется полемичность по отношению к передовой статье первого номера и ряду других публикаций.

В 1953–1955 гг. в журнале все более заметна прямая или косвенная полемика между авторами в оценках западных ученых. С одной стороны, упомянутая статья М.М. Гухман против Э. Сепира или оценки А.В. Десницкой в ее выступлении в дискуссии о курсе истории лингвистики (1954, 5). Здесь, пожалуй, четче, чем где-либо, выражено разграничение "приемлемой" лингвистики XIX в. и "идеалистической" лингвистики XX в. В курсе истории лингвистики А.В. Десницкая предлагала вполне серьезно рассматривать развитие лингвистики с древности до младограмматиков, А. Мейе и раннего Ф. де Соссюра, автора ларингальной гипотезы. А дальше предлагалось лишь разоблачать идеи позднего Ф. де Соссюра, "воинствующий идеализм" К. Фосслера и т.д. Это было очень похоже на обычный в советское время подход к истории философии, где предшественники К. Маркса и Ф. Энгельса рассматривались всерьез, а философов-немарксистов последующих эпох трактовали лишь с точки зрения выражения ими "оскудения" и "маразма".

С другой стороны, в это время появляются гораздо более дифференцированные оценки у той же О.С. Ахмановой, которая еще при жизни С. Карцевского подробно и вполне сочувственно пересказала его концепцию асимметричного дуализма (1955, 3); в той же статье положительно охарактеризован и А. Мартине. Отметим и пересказ без какой-либо критики идей того же К. Фосслера и его последователя Л. Шпитцера у Р.А. Будагова (1955, 3). Постепенная смена вех видна и в обзоре ведущего американского лингвистического журнала "Language" за 1952–1953 гг., написанном Л.С. Бархударовым и Г.В. Колшанским: "Структуральный метод – это не метод исследования языка, а лишь способ формально-математического изложения результатов исследования, причем эта форма изложения нисколько не прибавляет знания о языке" (1954, 5: 131). С этими словами трудно согласиться, но в обстановке тех лет такая оценка структурализма открывала возможность пользоваться результатами исследований американских дескриптивистов. Любопытны и такие слова в обзоре: «Всё то действительно ценное, что американское языкознание практически делает в области изучения языков (историческое языкознание), – все это заслуга скорее "старого доброго компаративизма", а не модного, но, видимо, недолговечного направления – "дескриптивной лингвистики"» (1954, 5: 136). При неверных посылках последний вывод оказался верным: действительно, "модный" тогда в США дескриптивизм, господствовавший почти четверть века, уже через несколько лет после появления обзора стал терять популярность. Но, конечно, на смену ему вовсе не вернулся "старый добрый компаративизм": пришла пора порождающих грамматик.

Все эти половинчатые и часто робкие попытки более объективного рассмотрения западной науки уже с 1956 г., как мы дальше увидим, сменились очень быстрым пересмотром всего взгляда на развитие мировой лингвистики у многих авторов журнала.

Недооценка современной лингвистики Запада сопровождалась в ВЯ первых лет весьма большим вниманием к тем ответвлениям науки о языке, которые до того часто игнорировались: к лингвистическим традициям стран Востока, а также к лингвистике стран, оказавшихся в составе, как тогда говорили, "стран народной демократии".

Уже в первой передовой статье имелся целый раздел, посвященный изучению языков на Востоке и восточных лингвистических традиций (1952, 1: 16–17). В форму-

лировках этого раздела чувствуется голос Н.И. Конрада, вероятно, автора данной части коллективной статьи. Этот ученый не раз высказывался в те годы в ВЯ по данным проблемам. Упомянутая выше статья А.П. Баранникова (1952, 2) при одиозности ряда формулировок ценна обращением к идеям Панини, Катьяяны и других классиков индийской науки о языке. В том же номере Н.И. Фельдман в статье "О специфике небольших двуязычных словарей" рассматривала не только русскую, но и японскую лексикографию. В 1954–1955 гг. в уже упоминавшейся дискуссии о курсе истории языкознания все авторы сходились на необходимости включать в курс восточные традиции; особо интересна в этом отношении статья Г.С. Ахвледиани (1955, 2).

Большое место в журнале с первых лет уделялось языкознанию восточноевропейских стран, КНР, КНДР, Вьетнама, Монголии. Начиная с № 3 за 1952 в ВЯ регулярно печатались обзоры лингвистических исследований в этих странах, их авторами были ведущие специалисты по соответствующим языкам: С.Б. Бернштейн, И.М. Ошанин, К.Е. Майтинская, Ю.Н. Мазур и др. Довольно скоро стали появляться и первые статьи иностранных авторов. С самого начала ВЯ строился как международный журнал на русском языке, хотя первоначально там публиковались лишь авторы из соцстран. Первой была статья известного болгарского ученого В. Георгиева о происхождении алфавита (1952, 6); ее автор активно сотрудничал с ВЯ и в последующие десятилетия; см. в частности его большую статью о родстве средиземноморских языков (1954, 4). Отметим публикации нескольких статей китайских ученых (1953, 4; 1955, 3). В 1955 г. в ВЯ впервые опубликовали статьи видные польские ученые Е. Курилович (1955, 3) и Т. Лер-Сплавинский (1955, 1), известный венгерский ученый Л. Лигети (1955, 5).

Если наука таких стран, как Китай, в то время впервые становилась известной в нашей стране, то в отношении Польши и особенно Чехословакии остро стоял вопрос об оценке всемирно известной науки о языке в этих странах, сложившейся еще до Второй мировой войны. Показательна здесь статья чехословацкого лингвиста О. Лешки (1953, 5). Критикуя по нормам того времени идеи Р. Якобсона, он в то же время брал под защиту труды политически более нейтральных представителей Пражского кружка, прежде всего В. Матезиуса, и отстаивал право использовать содержавшиеся там идеи.

Что касается подбора отечественных авторов, то он в первые годы существования журнала (а во многом и позже, пока главным редактором был В.В. Виноградов) безусловно был продуманным и целенаправленным. Как не раз указывалось, в большинстве инициатива в подготовке тех или иных статей, обзоров и рецензий, принадлежала редакции; большая часть статей заказывалась авторам. К сотрудничеству в ВЯ были привлечены многие языковеды разных поколений. Печатались и ученые старшего поколения, сформировавшиеся еще до революции: В.Ф. Шишмарев, М.Н. Петерсон, Г.С. Ахвледиани, Р.А. Ачарян и др. Наиболее видное место в журнале занимали лингвисты, находившиеся в то время в расцвете сил – поколение, вошедшее в науку в 20–30-е гг. Среди них были специалисты разного профиля и разных теоретических взглядов: от В.В. Виноградова до А.А. Реформатского, от О.С. Ахмановой до М.И. Стеблина-Каменского, от В.И. Абаева до Т.П. Ломтева. Публиковались, и чем дальше, тем все больше, представители молодежи, только начинавшие свой путь: Н.Ю. Шведова, Г.В. Степанов, Э.А. Макаев, С.Е. Яхонтов, Вяч.В. Иванов, В.М. Солнцев и др.; многие из них будут связаны с ВЯ долгие годы. Отметим и выступления в журнале видных ученых иных специальностей. Среди них были и ученые, соприкасавшиеся в своих исследованиях с лингвистикой, как психолог Н.И. Жинкин (1955, 3), и ученые, казалось бы, далекие от вопросов языка, как академик в области горного дела А.М. Терпигорев, возглавлявший тогда Терминологическую комиссию при Президиуме АН СССР и интересовавшийся проблемами научной терминологии (1953, 1). Несомненно, и состав авторов, и рассматривавшийся круг проблем хорошо отражали уровень советской лингвистики тех лет.

Этот уровень был достаточно неоднородным. Обширная эрудиция многих авторов

и необходимость заново учиться азам компаративистики. Внимание к лингвистическим традициям на Востоке и нигилизм к ведущим направлениям науки Запада. Немало оригинальных идей и тут же догматический пересказ достаточно упрощенных и по сути не новых сталинских положений. Введение в оборот новых фактов, особенно восточных языков и языков народов СССР, и несомненная русификация многих языковых явлений, особенно бросавшаяся в глаза на фоне постоянных призывов к борьбе с европоцентризмом. Последний недостаток, достаточно обычный для советского языкознания тех лет, особенно явно проявился в статье Н.И. Конрада "О китайском языке" (1952, 3), не принадлежащей к лучшим публикациям этого выдающегося ученого, активно выступавшего в ВЯ в его первое десятилетие. В статье говорилось, что китайский язык будто бы обладает развитой морфологией, включая словоизменение, надо только уметь его искать. А вскоре после этого была опубликована статья того же автора "О литературном языке в Китае и Японии" (1954, 3), вводившая в научный оборот очень ценный материал и не потерявшая до сих пор научного значения.

Одной из задач, поставленных редакцией с самого начала, была организация научных дискуссий. Здесь можно было использовать высказывание И.В. Сталина о "свободе критики", появившееся в его работах по языкознанию. Поначалу дискуссии в ВЯ не получались, о чем говорилось при обсуждении журнала на ученом совете Института языкознания (1953, 1). В частности, не получилась первая из объявленных в журнале дискуссий: о внутренних законах развития языка, начатая статьей В.В. Виноградова (1952, 2). Возможно, не очень удачна была сама тема. Но вполне удачной оказалась попытка организовать дискуссии по вопросам формирования вузовских лингвистических курсов.

К 1952–1953 гг. ситуация с учебниками по языкознанию была крайне тяжелой. Учебники, которыми пользовались до 1950 г., были забракованы как марристские, а новых не было. Временно читали сокращенный курс "Основы сталинского учения о языке". По некоторым дисциплинам, в частности, по истории языкознания, учебной литературы не было и раньше. И уже с № 4 за 1952 г. началась дискуссия о том, каким должен быть курс введения в языкознание, в следующем номере речь зашла и о курсе общего языкознания. Дискуссия длилась весь 1953 год, ее итоги были подведены в № 1 за 1954 год. В 1954–1955 гг. осуждали проблемы построения еще двух курсов: история языкознания и современного русского языка (дискуссия о курсе истории языкознания уже упоминалась выше). По этим вопросам высказались многие видные ученые. Дискуссия сыграла определенную роль в том, что в течение 50-х годов по трем из четырех предметов появились учебники. Например, по введению в языкознание из нескольких изданий конкурентоспособным оказался значительно переработанный вариант впервые вышедшего в 1947 г. учебника А.А. Реформатского (участника дискуссии в ВЯ). По истории языкознания стабильный учебник так и не появился; его роль отчасти смогла выполнить появившаяся в это же время хрестоматия В.А. Звегинцева.

Еще одной дискуссией, уже чисто научного характера, стала дискуссия по вопросам стилистики, проходившая с № 2 за 1954 по № 1 за 1955 гг. Здесь, вероятно, в выборе темы сыграли роль научные интересы главного редактора. Дискуссия также прошла весьма живо.

Выбор для дискуссий тематики, связанной с преподаванием, отражал заявленную с самого начала ориентацию ВЯ на связь с практикой, на установление контактов со специалистами смежных профессий. Здесь первоначальные планы оказались нереальными. И уже в № 1 за 1953 год редакция была вынуждена признать, что не удалось привлечь к сотрудничеству Министерство просвещения. Академию педагогических наук, а также академические институты философии и истории. Если проблемы преподавания различных лингвистических курсов в вузах активно обсуждались, то проблематика связи между наукой о языке и школой не получила в ВЯ отражения ни тогда, ни позже, отчасти из-за существования специальных журналов.

В условиях, когда языковеды СССР работали в разных городах и подчинялись разным ведомствам (Академии наук, Министерству высшего образования, Министерству просвещения и пр.), журнал стремился стать центром, объединяющим всех. В первые годы предпринималась даже попытка перечисления основных и наиболее актуальных лингвистических тем. Мы имеем в виду печатавшийся дважды (1954, 6; 1955, 5) примерный перечень проблем, которые предполагалось освещать в журнале на следующий год. В условиях того времени такие перечни давали ориентацию не только для авторов журнала. Показательно, как всего за один 1955 год уже стали меняться приоритеты: в первом списке на первых местах историческая проблематика с формулировками из "сталинского учения": "история языка и история народов в связи с проблемой внутренних законов развития языка" (1954, 6: 155); в то же время там уже присутствует такая тема, как "вопросы разграничения языка и речи": идеи Ф. де Соссюра всё более признавались. Во втором перечне на первом месте уже проблематика, связанная с системой языка: синхрония начинала преобладать над диахронией. Однако сама идея рекомендательных списков скоро стала казаться слишком сковывающей развитие науки, и с 1956 г. от таких списков отказались.

Более реальной была задача утверждения ВЯ в качестве информационного центра советской науки о языке. С самого начала в журнале были созданы отделы рецензий, хроники и библиографий. Первоначально дважды в год давалась библиография всей отечественной литературы по языкознанию, выходившей в течение полугодия; потом от этого пришлось отказаться из-за слишком большого числа публикаций. В большом количестве давалась информация о проходивших конференциях, дискуссиях, обсуждениях, в те годы почти исключительно внутри СССР; первая хроника о мероприятии за рубежом – конгрессе славистов в Восточном Берлине – появилась лишь в № 2 за 1955 год. Большое место в информационной части журнала занимали и упоминавшиеся выше обзоры зарубежной лингвистики, поначалу лишь в странах соцлагеря.

Журнал старался откликнуться на все важные события в стране, так или иначе связанные с языком. Периодически (1952, 3; 1953, 4; 1954, 3) в ВЯ давалась информация об открытии в Новгороде первых берестяных грамот в 1951 и последующих годах. Эта проблематика оказалась одной из сквозных в журнале, к новым открытиям берестяных грамот ВЯ обращался (с перерывами) на протяжении полувека вплоть до наших дней. Отметим отражение и таких событий, как значительное изменение в 1951 г. литературной нормы в Молдавии (1952, 1), введение одного из хронологически последних алфавитов для языков народов СССР – дунганского (1953, 5, статья А.А. Реформатского). В то же время журнал отказался от таких жанров, как юбилейные статьи и некрологи, информация о смерти тех или иных ученых если и давалась, то косвенно: например, была дана хроника заседания памяти А.И. Смирницкого с характеристиками деятельности покойного (1954, 6).

Исключение, разумеется, составила смерть создателя "сталинского учения о языке"; опубликован был однако лишь официальный некролог, перепечатанный из газет (1953, 2). Вплоть до этого времени фамилия И.В. Сталина встречалась практически в каждой публикации журнала, чаще либо во фразах общего характера, либо в сопровождении той или иной цитаты из сталинских публикаций, в отношении которых быстро сложился (как и раньше в отношении сочинений Н.Я. Марра) определенный канон. В то же время некоторые высказывания И.В. Сталина старались не упоминать, особенно явно ошибочную формулировку о курско-орловском диалекте как основе русского литературного языка. Некоторые русисты поспешили заняться подбором иллюстративного материала к сталинскому заявлению, однако в ВЯ так и не появилось ни одной статьи специально на эту тему, а все ее упоминания в журнале сопровождались оговорками о ее сложности и неизученности; все же публикации о курско-орловском диалекте резко критиковались (1952, 1: 18; 1953, 2: 47–70).

После смерти И.В. Сталина его имя быстро исчезает со страниц журнала. Уже в № 3 за 1953 год, следующем после номера с некрологом, помещена большая рецензия А.П. Евгеньевой на второе издание словаря С.И. Ожегова, где эта фамилия

не упомянута. К концу года таких статей уже довольно много, в № 1 за 1954 год И.В. Сталин назван лишь в четырех статьях, а в № 3 за этот год впервые не упомянут вообще. За весь 1955 год мы обнаружили это имя лишь в четырех статьях, в последний раз в статье Ш.И. Микаилова "Литературные языки Дагестана" (№ 6), после чего в № 4 за 1956 год о работах И.В. Сталина по языкознанию уже говорится критически.

Отказ от ссылок на "сталинское учение о языке" сам по себе еще не означал изменений по существу. В целом ВЯ за 1954 и 1955 годы не так сильно отличается от ВЯ за два предыдущих года, хотя некоторые изменения, как отмечалось выше, уже происходили. В 1956 г. все меняется очень значительно. Начинается новый период работы журнала, в целом продолжавшийся вплоть до реорганизации его редакции в 1971 г.

Началом нового периода стали изменения в составе редколлегии, объявленные в № 1 за 1956 год. Сменились заместитель главного редактора и секретарь: ими стали (в итоге так и оставшись с приставками "и.о.") соответственно Вяч.Вс. Иванов и В.П. Григорьев (Г.Д. Санжеев и Е.А. Бокарев остались в составе редколлегии). В редколлегию также вошла О.С. Ахманова, вышли из нее С.Г. Бархударов и В.М. Филиппова. С начала 1957 г. членом редколлегии также стал Н.И. Толстой, в 1958 г. выбыл Н.А. Кондрашов.

Впрочем, три первых номера ВЯ за 1956 г. не содержат принципиально особенно нового, разве что с № 3 появляется просуществовавший затем в журнале долгие годы раздел "Из истории отечественного языкознания". Отметим и статью О.С. Ахмановой и Вяч.Вс. Иванова "О некоторых вопросах и задачах описательной, сравнительной и сравнительно-исторической лексикологии" (1956, 3), где повторены высокие оценки Е. Куриловича и уже покойного С. Карцевского и, кажется, впервые у нас упоминается (вполне сочувственно) метод глоттохронологии М. Сводеша.

Все резко меняется с № 4, подписанного к печати 22 августа 1956, вскоре после первого появления в открытой печати формулировок XX съезда о борьбе с культом личности. В передовой статье номера говорилось: "Свобода и широта конкретно-исторических исследований и их теоретических обобщений во многих случаях ограничивались и стеснялись догматической верой в непреложную истинность всех положений работы Сталина"; осуждалось "неумеренное применение цитат из работ И.В. Сталина, некритическое отношение к ним" (1956, 4, 3). Перечисляются ошибки Сталина: неверные оценки роли французского языка в средневековой Англии и, разумеется, курско-орловский диалект (1956, 4: 4); другие же положения его работы названы неоригинальными: например, о внутренних законах развития языка ранее писал Ж. Вандриес (1956, 4: 4). Отметим, что в дальнейшем антисталинская тема не получила в ВЯ особо большого развития и о сталинских публикациях писали лишь время от времени, более всего в первой половине 60-х гг.

В то же время в статье подтверждалась ошибочность марризма. Речь не шла о каком-либо возврате к нему, предлагалось другое: "критическое изучение методов современной структурной лингвистики и математической логики" (1956, 4: 6). В статье предлагалось учитывать различие направлений структурализма и оценить его место в синхронном и историческом языкознании; подчеркивался и тот факт, что некоторые видные структуралисты, как Е. Курилович, уже печатались в ВЯ. Прямо пересматривались некоторые конкретные оценки журнала, например, с Э. Сепира снималось обвинение в расизме, предъявленное ранее М.М. Гухман; наоборот, ученый всегда боролся с расизмом и антисемитизмом (1956, 4: 5). Упомянута роль машинной лингвистики. В статье было сказано, что в журнале предполагается начать обсуждение вопросов структурализма.

Уже в том же номере журнала было заметно резкое изменение тона, становившегося все более академичным. Расширялась информация о зарубежной науке: Т.В. Булыгина и Д.Н. Шмелев публиковали очень положительную рецензию на работы английского ученого Р.К. Метьюса по русскому языку: Н.И. Фельдман продолжала начатую в № 3 информацию о современной лингвистике в Японии; много

говорилось о польском языкознании. Отметим еще одну новую для журнала тему, не поощрявшуюся в позднесталинское время: эсперанто и другие международные вспомогательные языки (вскоре продолженную в № 6); по этим вопросам основным автором ВЯ был Е.А. Бокарев. С 60-х гг. она надолго исчезла из журнала.

Уже в следующем номере началась дискуссия о структурализме, причем открыла ее статья активного сторонника структурных методов С.К. Шаумяна. В основном она имела просветительский характер, заключая в себе изложение трех концепций: Н. Трубецкого ("Основы фонологии"), Л. Ельмслева ("Пролегомены к теории языка") и З. Харриса ("Метод в структурной лингвистике"), которые, как особо подчеркивается, не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. В то время ни одна из этих книг не была издана по-русски (книга З. Харриса не издана до сих пор) и совсем не были у нас известны. Кратко также упомянуты Е. Курилович и А. Мартине. В итоге С.К. Шаумян указывал на "всестороннее развитие структурной лингвистики как нового этапа в истории науки о языке" (1956, 5: 54).

В том же номере началось обсуждение и другой новой проблемы: машинной лингвистики и специально машинного перевода, на который тогда у нас и за рубежом возлагалось столько надежд; была опубликована постановочная статья П.С. Кузнецова, А.А. Ляпунова и А.А. Реформатского "Основные проблемы машинного перевода", где подчеркивалась большая научная и практическая важность этих исследований. Впрочем, первый обзор американских работ по данной тематике появился в ВЯ еще в № 6 за 1955 год.

Дискуссия о структурализме продолжалась в журнале два года. Не все ее участники соглашались с признанием структурализма "новым этапом в истории науки о языке"; см., в частности, весьма скептическую статью В.Г. Адмони (1956, 6). Но все-таки преобладал тон, резко отличный от прежнего. Особенно четко новые подходы выразил М.И. Стеблин-Каменский. Если прежде критика структурализма была прежде всего связана с его "методологией", то в данной статье говорилось, что это "течение в языкознании, а не философская система... Даже если тот или иной представитель лингвистического структурализма и высказывается в чисто философском плане, это не определяет роли соответствующего течения в развитии науки" (1957, 1: 35). М.И. Стеблин-Каменский здесь не совсем был прав: каждый лингвист осознанно или неосознанно исходит из некоторых общих представлений о мире, влияющих на его концепцию (другой вопрос – то, что философские основы разных школ структурализма бывали очень разными). Однако в условиях СССР тех лет такая точка зрения давала возможность использовать достижения структурализма, отмахиваясь от обвинений профессиональных методологов в "пропаганде идеализма". Как указывал М.И. Стеблин-Каменский, структурализм – "не какая-либо законченная система взглядов", а "все оригинальные методологические искания последних 30 лет в области языкознания" (1957, 1: 35). Сейчас ясно, что и здесь имело место некоторое преувеличение: "последние 30 лет" – это и Л. Шпитцер, и неогумбольдтианцы, а у нас – совсем тогда забытые В.Н. Волошинов и М.М. Бахтин. Но безусловно именно структурализм определял тогда развитие мировой науки о языке, и М.И. Стеблин-Каменский одним из первых указал на это (по иронии истории, почти одновременно с появлением "Синтаксических структур" Н. Хомского, знаменовавших начало новой эпохи). И как справедливо подчеркивал ленинградский ученый, эти искания происходили не только за рубежом: в частности, полемика с некоторыми положениями Ф. де Соссюра у А.И. Смирницкого выдавалась за критику структурализма, но "ведется фактически с позиций структурализма" (1957, 1: 37). М.И. Стеблин-Каменский вовсе не считал, что структуралисты всегда и во всем правы, не соглашаясь, в частности, с "устранением значения" у некоторых дескриптивистов и трактовкой русских падежей у Р. Якобсона, однако положительное значение структурной фонологии бесспорно. В любом случае идеи структурализма заставляют "критически пересмотреть старые догмы" (1957, 1: 40), что важно, так как у нас "засилье" догматизма "особенно укрепилось после дискуссии 1950 г." (1957, 1: 40).

В дискуссии о структурализме участвовали в основном ученые среднего и старшего поколения; помимо упомянутых выше отметим еще статью А.А. Реформатского (1957, 6). Для нового поколения лингвистов обоснования правомерности структурного подхода не представляли интереса: они просто работали в структурной системе координат.

Дискуссия (в отличие от предыдущих дискуссий в ВЯ) перешагнула и национальные рамки. Среди иностранных участников дискуссии отметим крупного французского лингвиста, ближайшего ученика А. Мейе, М. Коэна. Его выступление оказалось одним из самых критических к структурализму. Ф. де Соссюру с его "геометрическим умом" он противопоставлял своего учителя, всегда считавшегося с фактами (1958, 2: 57–58). Признавая допустимость синхронных исследований языков, М. Коэн был решительно против отрыва языка от речи, грамматики и лексики – от употребления (1958, 2: 60). Статья М. Коэна любопытна и как одна из очень редких в те годы в ВЯ попыток всерьез рассуждать о марксистской и материалистической лингвистике: "Перед нами не стоит задача – создать целостную марксистскую лингвистику рядом с обычной (традиционной) лингвистикой. Но лингвисты, которые осознали ценность диалектического материализма для прогресса науки вообще, должны подумать о решительном и последовательном применении его для дальнейшего прогресса науки о языке" (1958, 2: 64). В целом же в ВЯ в те годы, как и раньше, марксистская проблематика сводилась к общим фразам, преимущественно в статьях к знаменательным датам. В те годы в СССР о марксизме в языкознании уже больше писали не лингвисты, а философы, чьи построения лингвисты чаще отвергали. Показательно в том же номере ВЯ, что статья М. Коэна, рецензия философа А.А. Зиновьева и лингвиста И.И. Ревзина на философский сборник под редакцией Д.П. Горского, резко отрицательная (1958, 2).

После 1956 г. круг авторов ВЯ, и ранее достаточно широкий, еще более расширился. Окончательно были сняты ограничения на публикацию работ ученых, подвергшихся критике в 1950 г.: с № 3 за 1958 г. в ВЯ начал печататься подвергшийся наиболее суровым нападкам И.И. Мещанинов. Еще в большей степени, чем раньше, к сотрудничеству привлекались ученые смежных специальностей: психолог С.Л. Рубинштейн, психолог и нейрофизиолог А.Р. Лурия, акустик Н.И. Дукельский, литературовед И.И. Голенищев-Кутузов, философы А.А. Зиновьев и Г.П. Щедровицкий и др. Среди зарубежных авторов наряду с продолжавшими сотрудничество В. Георгиевым и др. появились многие новые: В. Дорошевский, В. Кипарский, Ф. Микуш, П. Ивич, А. Граур, Ж. Фурке, упомянутый выше М. Коэн и др. Печатались некоторые из языковедов, чье доброе имя было только что восстановлено, в частности, Е.А. Крейнович. Но более всего состав авторов расширился за счет молодежи. Во второй половине 50-х гг. в ВЯ дебютировали (некоторые – еще лишь рецензиями или обзорами), Ю.Д. Апресян, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, Д.Н. Шмелев, В.А. Дыбо, Т.М. Николаева, Е.В. Падучева, И.И. Ревзин, В.В. Шеворошкин, Т.В. Булыгина, В.М. Иллич-Свитыч, Г.А. Климов, Т.Н. Молошная, Ю.С. Мартемьянов, И.А. Мельчук, А.А. Леонтьев и др. Сотрудничество этих лингвистов с ВЯ в большинстве случаев продолжалось (иногда с перерывами) многие годы. Одни из них развивали структурные методы, другие занимались историей языков или компаративистикой, но все завоевали заметное место в науке.

В то же время заметно расширились публикации, связанные с историей науки, прежде всего отечественной. Некоторые из посмертных публикаций оказывались очень актуальны, как статья Г.О. Винокура "Эпизод идейной борьбы в американской лингвистике" (1957, 2), где материалистические идеи Л. Блумфилда признавались заслуживающими внимания, тогда как идеалистическая антиструктуралистская концепция Л. Шпитцера полностью отвергалась. Если имена Г.О. Винокура, А.И. Смирницкого и др. были хорошо известны, то наследие других ученых по тем или иным причинам оказалось забыто или вообще не известно, стояла задача его введения в научный оборот. Вяч.Вс. Иванов (1957, 3) впервые написал о научной деятельности

тогда еще не реабилитированного Е.Д. Поливанова, дав оценку его основных трудов; там же впервые была напечатана работа Е.Д. Поливанова о конвергенциях в языке. Восстанавливалась справедливость и в отношении языковедов-эмигрантов. Впервые был опубликован (правда, с существенными купюрами) русский вариант статьи Н. Трубецкого "Мысли об индоевропейской проблеме" (1958, 1); в редакционном комментарии, впрочем, было выражено несогласие с выделяемыми ученым признаками индоевропейских языков. См. также статью Н.С. Поспелова о лингвистическом наследии С. Карцевского (1957, 4). Обращалось внимание и на труды ученых, никогда не бывших ни эмигрантами, ни "врагами народа", но оказавшихся забытыми: С.Б. Бернштейн опубликовал статью о Б.М. Ляпунове с приложением списка его работ (1958, 2). В передовой статье в связи с 40-летием Октября (1957, 5) впервые за долгое время была дана высокая оценка трудов Н.Ф. Яковлева.

С точки зрения восстановления реальной картины истории нашей науки важную роль сыграла статья В.И. Абаева к 25-летию со дня смерти Н.Я. Марра (1960, 1). В ней один из ближайших учеников академика отдал должное его талантам и эрудиции, но в то же время критически оценил как "новое учение о языке", к тому времени уже окончательно ушедшее в историю, так и некоторые личные качества Н.Я. Марра, у которого при замечательных творческих способностях отсутствовал "центр торможения". По сравнению с первой половиной 50-х гг. в ВЯ несколько отошла на второй план русская дореволюционная лингвистика, но и здесь бывали важные публикации: переписки Ф.Ф. Фортунатова с А.А. Шахматовым (1958, 3), студенческих конспектов полностью не дошедшего до нас Дерптского курса общей фонетики И.А. Бодуэна де Куртенэ (1959, 6).

Много писали в те годы и о зарубежной лингвистике. В отличие от предыдущего периода почти не было критики западных концепций и совсем не появлялись отрицательные рецензии. В это время не только лингвисты младшего поколения, но и, например, О.С. Ахманова высказывалась о лингвистике Запада очень положительно: см. ее рецензии на книгу Р. Якобсона и Г. Халле (1957, 3) или (совместно с Н.И. Конрадом) на вышедшую в Японии "Энциклопедию английского языка" (1959, 2). Чуть ли не единственный пример резкой и в данном случае убедительной критики – отзыв Л.П. Жуковской на публикацию так называемой "Велесовой книги" (1960, 2), которая однозначно оценивается как подделка. Среди упомянутых в ВЯ имен зарубежных ученых отметим Н. Хомского. Еще до появления "Синтаксических структур" И.И. Ревзин упоминал его раннюю работу 1955 г. (1957, 2), а "Синтаксические структуры" очень скоро после их выхода отрецензировала Е.В. Падучева (1959, 1). Довольно подробно пересказав работу, отметив, что для Н. Хомского главное – "не сами доказательства, а постановка задач исследования, выбор аксиом, полученная система определений и выводы" (1959, 1: 137), и похвалив его за внимание к семантике, рецензентка все же тогда еще не могла в полной мере оценить научное новаторство американского ученого. Книга оценена лишь как попытка создания формального синтаксиса, а очень важное, как показало время, обращение Н. Хомского к интуиции носителя языка оценено отрицательно (1959, 1: 137).

Если в США к тому времени формализация лингвистических описаний уже была привычной и, наоборот, возврат на более высоком уровне к учету лингвистической интуиции был новаторством, то в СССР, наоборот, наиболее важным считался переход от традиционных, нестрогих, основанных на интуиции исследований к формализованным и математизированным. Многие лингвисты, особенно принадлежавшие к младшему поколению, тогда считали, что в идеале лингвистика должна полностью строиться по образцу естественных наук. Не все, разумеется, были с этим согласны, а в подобной программе был элемент утопизма. Однако осваивать сделанное в этой области в мировой науке было безусловно нужно. Во многом стояли такие же просветительские задачи, как в отношении освоения сравнительно-исторического метода несколькими годами ранее. В ВЯ появился специальный раздел "Консультации", где популярно излагались идеи и методы современной западной, в первую

очередь американской лингвистики: метод непосредственно составляющих, трансформационный анализ, разработка метаязыка лингвистики и др. Кроме того, в журнале появился раздел "По страницам зарубежных изданий", где перепечатывались наиболее интересные, с точки зрения, редакции, западные публикации, часто обзорного характера.

Интерес к современной западной науке далеко не исчерпывался освоением дескриптивизма и раннего генеративизма. Немало писалось в ВЯ о зарубежных исторических и сравнительно-исторических исследованиях. Отметим, например, обсуждение только что появившегося словаря М. Фасмера (1960, 3), в котором приняли участие В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев. Была помещена подробная информация о знаменитом открытии тех лет: расшифровке критского линейного письма Б (1959, 6). Первая попытка организовать в полном смысле слова международную дискуссию осуществилась в конце 1950-х гг. по вопросу сравнительно-исторического изучения армянского языка, по просьбе редакции в ней приняли участие ведущие западные армеристы. Продолжалось знакомство советских читателей с лингвистикой на Востоке: см. статью Т.Я. Елизаренковой о языкознании в Индии (1956, 6) и обзор индийской лексикографии (1959, 1), обзор арабских работ по лингвистике (1959, 2). Продолжали активно публиковаться ученые из КНР вплоть до ухудшения советско-китайских отношений в середине 60-х гг. Надо также отметить важную статью Н.И. Конрада "О национальной традиции в китайском языкознании" (1959, 6), где помимо китайской традиции кратко рассматривалась и японская.

Активно собиралась и публиковалась информация о развитии языкознания в СССР, в том числе на периферии и в союзных республиках. Постоянным стал раздел "Над чем работают ученые", в котором участвовали многие лингвисты как из Москвы и Ленинграда, так и из других городов. В разделах хроники подробно освещалось участие советских ученых в международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, в те годы впервые ставшее относительно регулярным. Многие материалы ВЯ были посвящены первым после большого перерыва крупным научным форумам с участием лингвистов, проходившим в нашей стране: Международному конгрессу славистов 1958 г. и Международному конгрессу востоковедов 1960 г.

Много давалось и информации о начавшихся в те годы в СССР исследованиях по автоматическому поиску информации и машинному переводу. Эти исследования были тесно связаны с развитием точных методов в лингвистике, о которых упоминалось выше. Помимо материалов, названных выше, отметим подробную хронику первого семинара в МГУ по математическим методам в лингвистике (1957, 3), статью Т.Н. Молошной о машинном переводе (1957, 4), хронику конференции в Московском институте иностранных языков по машинному переводу (1958, 5) и другие публикации.

Но конечно, главным для журнала продолжала быть публикация научных статей, многие из которых вызывали значительный резонанс. Приведем лишь некоторые из них: статья И.П. Мучника о русском виде (1956, 6), статьи П.С. Кузнецова "О дифференциальных признаках фонем" (1958, 1) и "Об основных положениях фонологии" (1959, 2), статья В.А. Дыбо "О древнейшей метатонии в славянском глаголе" (1958, 6), "Лингвистическая география и этимологические исследования" О.Н. Трубачева (1959, 1), «О некоторых рефлексах индоевропейских "ларингальных" в праславянском» В.М. Иллича-Свитыча (1959, 2), "Опыт теории подклассов слов" А.А. Холодовича (1960, 1), "О двухступенчатой теории фонемы" С.К. Шаумяна (1960, 5), статьи И.А. Мельчука об устойчивости и идиоматичности (1960, 4), о внутренней флексии и чередованиях (1963, 4), стиховедческие исследования А.Н. Колмогорова (1962, 3; 1963, 6); можно было бы упомянуть и многие другие. Отметим и статью С.И. Бернштейна "Основные понятия фонологии" (1962, 5), изданную спустя четверть века после написания и оказавшуюся актуальной. Безусловно, большую роль в развитии советской науки играли и статьи В.В. Виноградова, активно продолжавшего печататься в руководимом им журнале.

Состав редколлегии за эти годы несколько раз менялся по разным причинам, в том числе внешним. С № 2 за 1959 г. по политическим причинам пришлось покинуть пост заместителя главного редактора Вяч.Вс. Иванову, одновременно перестал быть секретарем журнала и В.П. Григорьев (как авторы они продолжали выступать в ВЯ и позже). Для укрепления авторитета журнала В.В. Виноградов тогда пригласил на должности своих заместителей двух видных ученых старшего поколения: академика Н.И. Конрада и члена-корреспондента АН СССР (позднее академика) В.М. Жирмунского (последний тогда же и впервые вошел в редколлегию), ответственным секретарем стал Н.И. Толстой. Некоторые изменения произошли в 1961 г.: выбыли из состава редколлегии В.Г. Орлова и Н.Ю. Шведова, появился М.В. Панов. Значительно изменился состав редколлегии с № 4 за 1964 год, когда ее покинуло большинство ветеранов, входивших туда с первого номера (Н.И. Конрад, Н.А. Баскаков, Е.А. Бокарев, А.И. Ефимов, Г.Д. Санжеев, А.С. Чикобава); из первоначального состава остался лишь главный редактор. Их сменили новые люди, уже давно сотрудничавшие в журнале, в большинстве принадлежавшие к более молодому поколению: П.С. Кузнецов, Э.А. Макаев, В.З. Панфилов, И.И. Ревзин, Ю.В. Рождественский, О.Н. Трубачев. Новый состав редколлегии, кроме умерших в 1968 г. П.С. Кузнецова и в 1969 г. В.В. Виноградова, сохранялся до 1971 г.

Все эти годы, несмотря на указанные изменения в руководстве журналом, сложившиеся в 50-е гг. традиции не очень менялись. Безусловно, их поддерживал прежде всего главный редактор. В опубликованных в ВЯ (1992, 1) воспоминаниях бывшего члена редколлегии Э.А. Макаева рассказывается о том, как Виктор Владимирович до самых последних дней жизни держал в своих руках руководство журналом, как продумывал содержание каждого номера. Э.А. Макаев подчеркивает и то, как главный редактор старался быть выше личных симпатий и антипатий. В.В. Виноградов никогда не скрывал своего достаточно прохладного отношения к структурализму и математическим методам в лингвистике, но понимал, что они занимают значительное место в советской и мировой науке о языке, поэтому должны быть представлены в журнале. При личном несогласии с рядом публикаций, в том числе со статьей самого Э.А. Макаева об изоморфизме в языке (1961, 5), он способствовал их включению в журнал. Сам подбор членов редколлегии, среди которых были ученые разных взглядов, структуралисты и противники структурализма, свидетельствовал о широте подхода и большой терпимости. К тому времени В.В. Виноградов был отстранен от руководства сначала Отделением литературы и языка АН СССР, а потом и Институтом русского языка АН СССР, но журнал оставался под его руководством до конца его жизни, и он отдавал ему свои силы.

В 60-е гг. в журнале продолжал печататься сложившийся в 50-е гг. постоянный круг авторов, пополнявшийся в основном за счет молодежи. Среди новых авторов отметим А.А. Зализняка, В.Б. Касевича, А.Е. Кибрика, О.С. Широкова, Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани, А.Я. Шайкевича, В.Г. Гака и др. В то же время публиковались в ВЯ и такие ученые старшего поколения, как А.Ф. Лосев. По-прежнему приглашались в журнал представители смежных специальностей, разброс опять-таки был широк: с одной стороны, в статьях Ю.М. Лотмана (1963, 3), М.Л. Гаспарова (1967, 3), М.Г. Тарлинской (1967, 3) и др. обсуждались проблемы, пограничные между лингвистикой и литературоведением; с другой стороны, в ВЯ сотрудничали математики, строившие модели языка: В.А. Успенский (1964, 6), А.В. Гладкий (1969, 2) и др. Еще богаче, чем в 50-е гг., в ВЯ были представлены лингвисты из-за рубежа. Вот далеко не полный список (некоторые статьи, правда, представляли собой перепечатки): Е. Курилович (1967, 6; 1969, 3), А. Богуславский (1962, 1), С. Роспонд (1965, 3) Б. Гавранек (1961, 1), В. Скаличка (1966, 4), Ф. Данеш (1964, 6), М. Докулил (1967, 6) А. Исаченко (1961, 1; 1966, 6), Р. Ружичка (1966, 4), О. Семереньи (1967, 4), Э. Бенвенист (1961, 3), А. Мартине (1969, 2), В. Пизани (1961, 5; 1966, 4), Э.М. Уленбек (1968, 3), Р. Якобсон (1965, 1), Дж. Гринберг (1964, 4), Ю. Найда (1970, 4), Р.Б. Лиз (1961, 3; 1961, 6; 1962, 4), У. Леман (1961, 2; 1961, 4; 1966, 1). Наряду с обще-

лингвистическими публикациями появлялись и работы по более конкретной тематике, например, по вопросам алтаистики в ВЯ выступали М. Рясянен (1968, 1), Ю. Немет (1968, 2), Дж. Клоусон (1969, 5).

По-прежнему в журнале активно обсуждались проблемы, связанные со структурной и математической лингвистикой. Существовал специальный раздел "Прикладное и математическое языкознание", где печатались и математики, и лингвисты. Раздел "Консультации", правда, прекратил существование. Количественно публикаций по данным вопросам было много, причем просветительские все более уступали место исследовательским. Однако в отличие от конца 50-х – начала 60-х г. в ВЯ вновь стали проявляться критические голоса в отношении структурных методов и возобновилась дискуссия по этому поводу.

Застрельщиком этой дискуссии выступил постоянный автор ВЯ В.И. Абаев (1965, 3). Он выступил с резкой критикой структурализма (а также хомскианства, которое он не отграничивал от дескриптивизма). Его критика бывала в журнале и раньше, но обычно велась либо с "методологических" позиций, либо целиком с позиций традиционного исторического подхода к языку (несколько иначе подходил разве что М. Коэн). В.И. Абаев предъявлял структурализму несколько иные претензии: в том, что он назвал "дегуманизацией". Речь шла прежде всего об изгнании из науки о языке человека. Как указывал В.И. Абаев, ученые XIX в., прежде всего В. фон Гумбольдт, учитывали неотделимость языка от говорящего на нем человека, а структурализм последовательно начал рассматривать язык как внешнее по отношению к исследователю явление, как готовый продукт, что, по мнению ученого, неприемлемо. В.И. Абаев помещал "дегуманизацию" лингвистики в общий культурный контекст XX в., сопоставляя его с "дегуманизацией" в литературе модернизма и др. Критика структурализма в статье перекликалась с тем, что ранее писали В.Н. Волошинов и М.М. Бахтин, с высказываниями Л. Шпитцера, в свое время отвергнутыми и Л. Блумфилдом, и Г.О. Винокуром. Но время было уже другое. Структурный этап в мировой лингвистике заканчивался, а возврат к идеям В. фон Гумбольдта уже провозгласил Н. Хомский (впрочем, его декларации мало повлияли на его собственные конкретные модели).

В СССР однако в 1965 г. еще шло восходящее развитие структурализма. Это проявилось в дискуссии в ВЯ после статьи В.И. Абаева, где большинство участников решительно отвергли ее идеи с позиций структурализма. На этом сходились достаточно разные в других отношениях ученые: И.И. Ревзин и Ю.В. Рождественский (1965, 3), А.В. Гладкий и Л.Р. Зиндер (1966, 3), П.С. Кузнецов и Т.П. Ломтев (1966, 4). Г.И. Мачавариани даже сближал статью В.И. Абаева с марризмом (1965, 6: 133). С другой стороны, почти единственным защитником идей статьи оказался ученик Н.Я. Марра И.В. Мегрелидзе, столь же неосновательно увидевший в ее публикации первый шаг к реабилитации марровского учения (1966, 4). Особенно четким выражением структурного подхода стала статья П.С. Кузнецова, оказавшаяся в какой-то степени его научным завещанием. В критике структурализма у В.И. Абаева он увидел попытку поставить предел развитию науки, стремление держать ее в рамках традиционных методов. Как нередко бывает, при противоположности точек зрения обе стороны были по-своему правы: П.С. Кузнецов отстаивал принципы структурализма как передового направления в науке, действительно тогда в нашей стране не исчерпавшего свой потенциал, а В.И. Абаев указывал на существенную неполноту структурного подхода, в те годы уже становившуюся все более заметной.

Отметим и обращение обеих споривших сторон к сталинской теме, нечасто, как мы отмечали выше, звучавшей в журнале. В.И. Абаев, вовсе не призывая вернуться к марризму, резко критиковал как идеи В.И. Сталина, так и общую обстановку "периода культа личности" в лингвистике. П.С. Кузнецов возражал ему, указывая, что брошюра И.В. Сталина содержит лишь две частные ошибки и в целом вполне научна, а ее публикация все-таки улучшила положение дел в советском языкознании (1966,

4: 67). После этого обсуждение данной проблемы в ВЯ прекратилось более чем на два десятилетия, даже сама работа И.В. Сталина почти не упоминалась, хотя подспудное ее влияние несомненно сохранялось.

В те же годы с резкой критикой структурных методов в ВЯ выступил и другой известный ученый: А.Ф. Лосев (1965, 5; 1967, 1; 1968, 1). Эта критика была весьма нестандартной и зачастую остроумной, но не вызвала такого резонанса, как критика В.И. Абаева, во многом, видимо, из-за того, что велась не с лингвистических позиций.

В США и отчасти в Европе 60-е гг. были переходным периодом от структурализма к новому этапу, начавшемуся после публикаций Н. Хомского. Постепенно этот переход стали осознавать у нас, хотя и не сразу: собственно структуралисты и их противник В.И. Абаев в равной степени считали хомскианство одной из разновидностей структурализма. Как часто бывает, позиция "со стороны" здесь иногда помогала. Во всяком случае, в ВЯ первым на принципиальную новизну идей Н. Хомского указал не лингвист, работавший в рамках новых подходов, а лишь отчасти испытавший влияние структурализма Б.А. Серебренников. В хронике Международного конгресса лингвистов в США в 1962 г. он особо выделил пленарный доклад Н. Хомского, отметив в нем то, что не видели другие: полемику с Ф. де Соссюром, постановку вопроса о творческом характере языка (1963, 1: 158–159). Ср. статью С.К. Шаумяна в следующем номере (1963, 2), где главным достоинством "Синтаксических структур" признана критика модели непосредственно составляющих.

Впрочем, постепенное осознание отличий хомскианства от структурализма уже в те годы стало давать прямо обратный эффект: началась резкая и обычно бездоказательная критика "модных" идей Н. Хомского и его сторонников. По тону она напоминала обвинения начала 50-х гг. по адресу структурализма, хотя теперь современная западная лингвистика рассматривалась более дифференцированно. Показательна позиция О.С. Ахмановой, которая, как указано выше, в 50-е гг. играла у нас в целом положительную роль в отношении знакомства с западной лингвистикой. В рецензии на книгу Ю. Найды она писала: "Стремление школы Хомского к тому, чтобы выступить в качестве единственно научного, единственно правильного, передового и вполне современного направления ничем не уступает наиболее воинствующим периодам в развитии дескриптивного бихевиоризма" (1968, 1: 135). Ю. Найда, споривший с крайними дескриптивистами и не принявший хомскианство, противопоставляется в качестве положительного примера.

Приведенные слова О.С. Ахмановой сами по себе даже были справедливы: в хомскианстве многих и у нас, и на Западе раздражали агрессивность, стремление вытеснить другие направления науки о языке. Но эмоции необходимо было подкрепить доказательным разбором положений хомскианцев. Однако другим психологическим фактором была сложность формального аппарата, который у нас, пожалуй, никто или почти никто из лингвистов до конца не освоил. Брешь пытались заполнять публикацией западных антихомскианских сочинений в уже упоминавшейся рубрике "По страницам зарубежных журналов", где появились статьи Дж. Хердана (1968, 2), Э.М. Уленбека (1968, 3). Эти статьи бывали спорны по идеям: Дж. Хердан решительно отвергал идеи о творческом характере языка и неуважительно отзывался о В. фон Гумбольдте (1968, 2: 117), за честь которого пришлось вступаться редакции ВЯ (1968, 2: 112). Но и это было бы не страшно, если бы в журнале были представлены и другие точки зрения. Но очевидным было желание редакции "разоблачать" хомскианство, выбирать из моря публикаций именно те, где идеи Н. Хомского подвергались критике. В 1968 г. это еще вряд ли (по крайней мере, полностью) определялось внешним давлением. Специального разговора требует несомненный факт: собственно хомскианство в СССР не получило распространения (и сейчас в России далеко не господствует); к тому несомненно были не только внешние, но прежде всего внутренние причины. Это не значит, что у нас не происходил постепенный переход от структурализма к генеративизму в широком смысле. Во многом он, в частности, проявился в известной модели И.А. Мельчука и др.

Нельзя не учитывать и того, что не только хомскианство, но даже классический структурализм и формализация лингвистики тогда многими отвергались с позиций, проявлявшихся еще в начале 50-х гг. Поэтому столь важным казалось П.С. Кузнецову и др. выступить в защиту структурализма, хотя позиция В.И. Абаева на деле была иной. В те годы в ВЯ безусловно положительное отношение к структурализму преобладало, но показательна, например, хроника об обсуждении журнала на бюро Отделения литературы и языка АН СССР 7 апреля 1964 г. (1964, 4: 141–144). Основной спор развернулся по поводу структуралистских публикаций. В их защиту выступали не только И.И. Ревзин и П.С. Кузнецов, но и Н.И. Конрад, однако М.М. Гухман говорила о "математикообразности" ряда статей, а В.З. Панфилов резко отозвался относительно статьи Ю.К. Лекомцева о глоссематике (1962, 4), где этот подход полностью принимался. В итоге было принято решение, в котором говорилось о том, что такого рода статей "излишне много".

Тогда нападки удалось отбить. Видимо, именно после этого заседания прошла упомянутая выше реорганизация редколлегии, а в новом составе позиции структуралистов в целом укрепились. В то же время если сравнивать ВЯ за несколько лет подряд, то видно, как постепенно, без какой-либо очень резкой грани количество статей по структурной и математической лингвистике уменьшается, хотя они и не исчезают совсем. В то же время растет количество публикаций по таким областям языкознания, как индоевропеистика, славистика, история русского языка. Причин, конечно, могло быть несколько: помимо давления извне мог проявляться и объективный спад интереса к формализованным описаниям, нередко не дававшим содержательно новых результатов. Могли проявляться и личные склонности ответственного секретаря журнала Н.И. Толстого, чья роль во второй половине 60-х гг. и в начале 70-х гг. была очень значительной.

В 60-е гг. по-прежнему в журнале старались давать многообразную информацию по истории лингвистической науки. Знакомство с зарубежной наукой далеко не исчерпывалось хомскианством и дескриптивизмом. См., например, обзор лингвистических трудов только что умершего К. Бюлера, сделанный Р.В. Пазухиным (1963, 5), посмертную публикацию выступления Л. Теньера в СССР в 1936 г. (1966, 5) (другое его выступление было опубликовано ранее, 1958, 6).

Гораздо в большей степени публиковались материалы по истории отечественного языкознания. См. посмертные публикации работ Л.В. Щербы, посвященных Ф.Ф. Фортунатову (1963, 5) и А. Мейе (1966, 3), публикацию неизданной статьи С.О. Карцевского (1961, 2), писем А.А. Шахматова (1961, 1) и его статьи о дифтонгах в русских говорах (1964, 5, 6). Появлялись и такие публикации, как студенческое сочинение А.А. Блока о Вуке Караджиче (1963, 4) и стиховедческие тексты В.Я. Брюсова (1968, 6). В первой половине 60-х гг. продолжали появляться публикации ученых, ставших жертвами репрессий: статья Е.Д. Поливанова "Общий фонетический принцип всякой поэтической техники" и список (как вскоре выяснилось, неполный) его неизданных работ (1963, 1) (см. также хронику поливановской конференции в Самарканде, 1965, 1), фрагменты неизданной "Праславянской грамматики" Г.А. Ильинского (1962, 5, 6) вместе с рецензией на нее А.А. Шахматова. Позднее такие публикации исчезают из журнала, хотя упоминания Е.Д. Поливанова встречаются неоднократно. К концу 60-х гг. рамки публикаций расширяются за счет XVIII в.: см. статью В.В. Вомперского о неизданной грамматике русского языка И.С. Горлицкого 1730 г. (1969, 3).

После ухода из редколлегии журнала Н.И. Конрада заметно уменьшается внимание к языкознанию на Востоке. Трудно указать хотя бы на одну значительную публикацию по этой тематике после статьи С.В. Неверова о японской школе "языкового существования" (1963, 6).

Среди областей лингвистики, отраженных в 60-е гг. в ВЯ больше, чем в предшествующие годы, следует отметить психолингвистику и социолингвистику. Правда, психолингвистика и в этот период была представлена в ВЯ лишь эпизодически.

Чуть ли не первая рецензия на зарубежную работу по психолингвистике появилась там в 1964 г. в № 4. См. также хронику международного конгресса психологов (1967, 2).

Значительно большее внимание редакция в эти годы уделяла социолингвистике, ранее очень бедно представленной в журнале. Перелом здесь наметился с 1960 г., когда был опубликован доклад В.А. Аврорина на сессии Отделения литературы и языка АН СССР, посвященной 90-летию со дня рождения В.И. Ленина. В докладе подчеркивалось отставание социолингвистического анализа языков народов СССР от их структурного анализа (1960, 4: 9), говорилось о функциональных типах языков, о развитии литературных языков в СССР за последние десятилетия. В дальнейшем в ВЯ обсуждались вопросы развития разных языков в СССР, соотношения русского языка и других языков (1961, 5; 1962, 1; 1962, 4). В № 1 за 1962 г. был опубликован вопросник по этой тематике, который, однако, вызвал отрицательную реакцию у ряда языковедов, поэтому в № 4 за тот же год появился его новый вариант. К обсуждению вопросов социолингвистики в журнале были подключены и лингвисты Чехословакии, где эта дисциплина имела давние традиции: см. коллективную статью Я. Белича, Б. Гавранека, А. Едлички, Ф. Травничека об обиходном чешском языке (1961, 1). Важное значение для развития советской социолингвистики имели работы под руководством М.В. Панова о развитии русского языка в современном обществе. М.В. Панов опубликовал в ВЯ статью с постановкой данной проблемы (1962, 3), а затем статью об изменениях в фонетике и морфологии русского языка в XX веке (1963, 1). К этим публикациям естественно примыкали по тематике содержательные статьи О.А. Лаптевой, посвященные некодифицированным вариантам современного русского языка (1966, 2; 1969, 1). Затрагивалась и проблема языковых контактов: статья В.Ю. Розенцвейга (1963, 1). И по данным вопросам высказывались достаточно разные точки зрения. Безусловно господствовали идеи о необходимости активной языковой политики, однако была опубликована и статья М.И. Стеблина-Каменского "Возможно ли планирование языкового развития?" (1968, 3), где на основе анализа не слишком удачных опытов конструирования норвежского литературного языка на этот вопрос давался отрицательный ответ.

С социолингвистическими публикациями тематически соприкасались и довольно многочисленные отклики на неудачную попытку реформы русской орфографии в 60-е гг. Еще во время работы комиссии была опубликована статья М.В. Панова с обоснованием основных положений реформы (1963, 2). Затем публиковались отклики на эту статью (1963, 4). После публикации проекта комиссии в печати в ВЯ проходило его обсуждение (1964, 6). В.П. Григорьев рассмотрел отклики на проект в нелингвистических изданиях, отметив лингвистическую неграмотность большинства их авторов, особенно писателей (1965, 1). И уже через несколько лет, когда стало ясно, что реформы не будет, итоги дискуссий подводили Л.Р. Зиндер и Л.Н. Булатова (1969, 6). Правильно было отмечено, что "вопрос о необходимости реформы не лингвистический, а чисто социальный" (1969, 6: 57) и что "орфографическая комиссия не могла опереться на социолингвистические и психолингвистические эксперименты, которые подтвердили бы необходимость реформы, ее своевременность и определили бы, на кого она должна быть рассчитана" (1969, 6: 63).

В первой половине 60-х гг. большое место в журнале занимала хроника об основных событиях в лингвистике в разных городах СССР и за рубежом, регулярно велась рубрика "Над чем работают ученые". К концу 60-х гг. наметилось значительное сокращение этой части журнала, которая в основном стала сводиться к хронике уже прошедших конференций. В то же время впервые стали появляться юбилейные статьи (например, статья В.В. Виноградова к 75-летию Н.И. Конрада, 1966, 1) и некрологи: см. большую статью В.М. Жирмунского памяти И.И. Мещанинова (1967, 3), написанный Б.А. Успенским некролог П.С. Кузнецова (1968, 3), а затем в двух номерах (1969, 6; 1970, 1) публикации памяти В.В. Виноградова, скончавшегося 4 октября 1969 г.

Смерть бессменного в течение почти 18 лет главного редактора журнала, до конца жизни активно в нем печатавшегося (последние, уже посмертные статьи – 1969, 6; 1970, 2), была огромной потерей. Трудно было найти другую столь же авторитетную и объединяющую разные школы и направления советского языкознания фигуру. В течение некоторого времени удавалось сохранить ВЯ в прежнем виде. Вплоть до № 5 за 1970 г. журнал выходил без главного редактора, затем исполняющим обязанности стал академик В.М. Жирмунский. Реально журналом в эти полтора года руководил Н.И. Толстой.

Среди публикаций этого времени отметим две значительные статьи В.А. Аврорина об итогах анкетирования, посвященного владению родным и русским языком у народов Сибири (1970, 1) и о принципах языковой политики в СССР (1970, 2), дискуссию по лингвистическим вопросам перевода, в которой участвовали Ю. Найда, Е.Г. Эткинд, А.Д. Швейцер (1970, 4), А.В. Федоров (1970, 6), полемику Н.Ю. Шведовой и Ю.Д. Апресяна по вопросам синонимии (1970, 3; 1971, 1), две статьи с разной трактовкой теории дифференциальных признаков: И.И. Ревзина (1970, 3) и М.И. Стеблина-Каменского и Г.В. Воронковой (1970, 6), большую статью Т.В. Гамкрелидзе "Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки" (1971, 2, 3) и др. Продолжались публикации лингвистической классики: конспекта лекций Л.В. Щербы по русскому синтаксису (1970, 6), вновь – стиховедческих текстов В.Я. Брюсова (1970, 2); см. также две статьи к 50-летию со дня смерти А.А. Шахматова (1971, 2). Продолжали печататься в ВЯ авторитетные зарубежные лингвисты: П. Ивич (1970, 3), Э.П. Хемп, В.У. Дресслер, В. Пизани (1971, 1). Среди лингвистов, впервые опубликовавшихся в ВЯ в этот период, отметим В.С. Храковского, С.В. Кодзасова, В.М. Живова. Единственный раз за несколько десятилетий автором ВЯ стал В.А. Звегинцев (1971, 1), в своей рецензии вполне лояльно отозвавшийся о Н. Хомском. Впрочем, продолжалась публикация антихомскианских статей из зарубежной печати (1971, 2). Отметим и сообщение О.Г. Ревзиной о заседании, посвященном 75-летию М.М. Бахтина (1971, 2), где впервые на страницах ВЯ было упомянуто о лингвистических работах М.М. Бахтина и его друга В.Н. Волошинова.

Все резко изменилось с № 3 за 1971 г. В.М. Жирмунский скончался 31 января 1971 г. Главным редактором ВЯ стал член-корреспондент АН СССР Ф.П. Филин, занимавший эту должность до самой своей смерти в мае 1982 г. Вместе со сменой главного редактора произошла самая радикальная смена редколлегии с 1952 г. Из старого состава остались лишь О.С. Ахманова, В.З. Панфилов (ставший одним из заместителей главного редактора), Б.А. Серебренников и О.Н. Трубачев. К ним добавились второй заместитель главного редактора В.М. Солнцев, новый ответственный секретарь Г.А. Климов и члены редколлегии Р.А. Будагов (уже состоявший там в 1950–1954 гг.), А.В. Десницкая, Ю.Д. Дешериев, Г.В. Церетели, В.Н. Ярцева. Этот состав оставался неизменным до 1977 г. (лишь умер в 1973 г. Г.В. Церетели). С № 5 за 1977 г. произошла некоторая реорганизация редколлегии (в отличие от предыдущей существенно не изменившая линию журнала): место А.В. Десницкой и Б.А. Серебренникова заняли Ф.М. Березин, А.И. Домашнев, Ю.Н. Караулов.

Как и при В.В. Виноградове, общий курс журнала определялся главным редактором, однако он был существенно другим. Если В.В. Виноградов старался подняться над личными и даже идейными симпатиями и антипатиями, делать журнал изданием, отражающим разные направления советской науки о языке, то Ф.П. Филин исходил из жестких представлений о "правильном" и "неправильном", "допустимом" и "недопустимом" в советской науке. В прошлом маррист, затем принявший основные положения младограмматической лингвистики, этот языковед не воспринял дальнейшего развития науки о языке. Как и В.В. Виноградов, Ф.П. Филин за годы редакторства много печатался в ВЯ. Его статьи подразделялись на две группы: вполне квалифицированные статьи по вопросам истории русского и других славянских языков (1972, 5; 1980, 4; 1981, 5; 1982, 2 и др.) и статьи "методологического характера". Со статьями последнего типа также регулярно выступали в журнале В.З. Панфилов и Р.А. Будагов.

Эти три автора во многом определяли позицию журнала тех лет по теоретическим вопросам языкознания (что, разумеется, не означало того, что ее разделяли все авторы, особенно те из них, которые публиковали более конкретные по тематике статьи).

Три указанных автора не вполне совпадали по своим подходам: Ф.П. Филин был наиболее последовательным сторонником младограмматизма, Р.А. Будагов во многом испытал влияние школы К. Фосслера и неогумбольдтианства, более молодой В.З. Панфилов кое в чем использовал и идеи более позднего времени. Не совсем совпадали и их исследовательские интересы. Однако в главном они были едины: в борьбе против "модных" и методологически "неправильных" лингвистических течений, которым противопоставлялась "правильная", "марксистская" наука о языке.

Во многом происходил возврат к тому, что провозглашалось в ВЯ в 1952–1955 гг. и от чего журнал сильно отошел в последующие полтора десятилетия, разве что без прямого цитирования сталинских работ. Но если в начале 50-х гг. журнал безусловно отражал достижения советского языкознания того времени, то теперь постоянная публикация статей трех данных авторов создавала неточное представление о том, что происходило в нем в 70-е гг. и первой половине 80-х гг. Если двумя десятилетиями ранее "сталинское учение о языке" имело существенные плюсы по сравнению с марризмом (о чем писал в ВЯ П.С. Кузнецов), то в 70-е гг. возврат к его положениям, а тем более к некоторым марристским идеям был шагом назад.

Ф.П. Филин, Р.А. Будагов и В.З. Панфилов называли себя марксистами и критиковали своих противников за "идеализм". Однако высказывания классиков марксизма у них в основном имели косвенное отношение к их реальным идеям, иногда в их изложении даже допускались ошибки: Р.А. Будагов рассуждал о трактовке теории относительности А. Эйнштейна в "Марксизме и эмпириокритицизме" В.И. Ленина (1981, 2: 26), хотя в этой книге ни о чем таком не говорится. У Р.А. Будагова борьба с идеализмом сочеталась с достаточно благожелательным отношением как раз к тем направлениям, которые сами считали себя идеалистическими, от К. Фосслера до Л. Вайсгербера; последний оказался единственным из зарубежных лингвистов последнего полувека, который был признан заслуживающим упоминания в его кратком очерке истории лингвистики (1970, 6). Однако позиция этих трех языковедов имела совершенно определенные истоки, довольно мало связанные с марксизмом. Можно выделить три их основных положения.

Во-первых, это понимание языкознания как чисто исторической науки, наиболее последовательно выраженное у Ф.П. Филина ("антисторизм" был его любимым отрицательным эпитетом). Единственным объяснительным методом в языкознании он признавал исторический, см. его статьи (1977, 5; 1978, 2; 1981, 1); "синхронно-системный подход" признавался лишь как средство для решения чисто конкретных задач. Но если отвлечься от апелляций к марксизму (признававшему, как известно, правомерность как исторического, так и логического подходов в науке), то мы имеем дело с обычной позицией языкознания XIX в. "Подлинно научным" и единственно объяснительным считалось изучение языковой истории, в том числе компаративное, а изучение языков вне их истории допускалось лишь как "описательное", считаясь задачей низшего ранга.

Второй чертой, также шедшей из XIX в. был подчеркнутый эмпиризм, нелюбовь к абстракциям. С одной стороны, согласно Ф.П. Филину, "хорошо написанная грамматика японского языка, независимо от философской направленности ее автора, нужна всем, кто изучает японский язык или хочет извлечь из нее нужные сведения" (1977, 5: 5). Это очень похоже на то, что когда-то писал видный младограмматик Б. Дельбрюк: хорошее описание независимо от теории. С другой стороны, для Ф.П. Филина удивительно то, что "находятся даже такие лингвисты, которые, не написав ни одной конкретно-исследовательской работы по какому-либо языку или языковом явлении, занялись "чистой теорией" (1977, 5: 12). Так тоже считали позитивисты второй половины XIX в., когда господствовало, по выражению В.Н. Волошинова, "преклонение перед фактом". Обе указанные черты в недавнем прошлом нашли отражение в "сталинском учении о языке".

Третья же черта шла от марризма, хотя и сглаженного, без четырех элементов и прочей фантастики. Это прямолинейная связь между развитием общества и развитием языка. Ф.П. Филин писал: "Толчком к изменениям (в языке. – *В.А.*) всегда являются те или иные общественные причины" (1977, 5: 9). Предлагалось соотносить этапы развития языка с историей общественных формаций. Это было шагом назад не только по сравнению с идеями Е.Д. Поливанова, но и со "сталинским учением о языке", акцентировавшим внимание на внутренних законах развития языка. Ф.П. Филин прямо подчеркивал, что марризм во многом (хотя, разумеется, не во всем) был прав; главным его достижением он считал то, что "язык был признан социально обусловленной категорией" (1977, 5: 6).

"Правильной" науке, то есть сочетанию позитивистского языкознания второй половины XIX в. с прямолинейным социологизмом в умеренно марристском духе, противопоставлялись идеи западной науки XX в., особенно Н. Хомского с его "пресловутыми глубинными структурами", по выражению Р.А. Будагова (1974, 1: 130). Постоянно разоблачались "пустопорожние теории", которые "могут пагубно сказаться на образовании подрастающих поколений", обрывки "металингвистического языка" формальной логики и "формально-математические идеи", всякого рода "дедуктивно-формалистические изощрения", как писал Ф.П. Филин (1981, 1: 6). Мы вовсе не хотим сказать, что хомскианство не заслуживало и не заслуживает критики. Но чтобы отвергнуть "изощрения", надо было сначала хоть как-то в них разобраться и выяснить, где мы имеем дело с излишней формализацией (бывает и такое), а где – с необходимой разработкой метаязыка той или иной научной дисциплины.

В большинстве случаев критика генеративной лингвистики ограничивалась общими обвинениями в "идеализме" и "формализме" без анализа теорий. Снова повторялось то, что вызывало нарекания еще в 1952 г.: резкая критика не давала никакого представления о том, что критиковалось. Этот пробел отчасти заполнялся перепечаткой западных антихомскианских статей.

Отношение к структурной лингвистике, к тому времени переставшей господствовать на Западе, но широко распространенной у нас, уже не было столь негативным; даже Ф.П. Филин не мог отрицать того вклада, который внесли структуралисты в изучение конкретных языков. К тому же использовалась критика хомскианства со стороны западных авторов, чаще всего с позиций структурализма. Ф.П. Филин писал: "Кстати говоря, среди американских языковедов имеется немало реально мыслящих исследователей" (1981, 1: 5). Свое неоднозначное отношение к структурализму он выражал так: "Лингвистический структурализм создал различного рода полезные приемы описания языка, которые используются и должны быть использованы в марксистском языкознании, добыл немало разного рода позитивных сведений о языке, но практически в своих установках антиисторичен, а в философском смысле представляет собой одну из разновидностей идеализма, поэтому в методологическом отношении он для нас неприемлем" (1977, 5: 10).

Тон, заданный главным редактором, сказывался и в других публикациях журнала, посвященных зарубежной лингвистике. Были среди них откровенно конъюнктурные, вроде статьи А.С. Либермана, против порождающей фонологии, которая сравнивалась с "Вавилонской башней, распадающейся на наших глазах" (1972, 6: 54). Были достаточно серьезные статьи с критикой структурной лингвистики, как статья В.Г. Адмони (1971, 5), который справедливо указывал, что и противники "традиционной лингвистики" нередко представляют ее неадекватно и борются с фантомами. Однако столь же содержательных антиструктуралистских публикаций, какой в свое время была статья В.И. Абаева, в ВЯ в эти годы не появлялось. Бывали и критические обзоры генеративизма, основанные на серьезном анализе фактов, например, А.Д. Швейцер (1977, 1) показал, что попытки применять генеративную методику в американской социолингвистике дали скорее отрицательный результат.

Но, разумеется, в это время уже нельзя было отвергать всю современную западную науку или даже всю науку, основанную на идеях XX века. Например, О.С. Ахманова

и Т.Н. Шишкина так отозвались на русское издание трудов Э. Бенвениста: "К сожалению, у нас нередко популяризируются направления, совершенно бесплодные"; поэтому хорошо, что "в русском переводе вышла прекрасная подлинно языковедческая работа" (1976, 1: 135). И в эти годы в ВЯ редко появлялись некрологи, но все-таки там сочли нужным почтить память трех действительно крупных ученых: Э. Бенвениста (1977, 3), Е. Куриловича и Б. Гавранека (1978, 5); все трое не только постоянно оценивались высоко в ВЯ, но и сами в нем публиковались. Отметим и достаточно объективную статью В.В. Белого о методологических основах дескриптивизма (1979, 3), где к его положительным сторонам автор отнес отказ от индоевропейских моделей для описания языков иного строя. Не без критики, но всерьез и достаточно объективно оценивалась в журнале западная, в том числе американская социолингвистика, о которой постоянно писали в ВЯ А.Д. Швейцер, А.И. Домашнев и др.

Как и в 1952–1955 гг., в этот период в ВЯ критика "идеализма" в зарубежной лингвистике преобладала над соответствующей критикой в отношении советских ученых. "Советские языковеды, в той или иной степени пораженные теоретической "всеядностью" или пассивностью, желанием стать на позиции методологического плюрализма, которые, как мотыльки, летящие на свет гибельного огонька, спешат "не отстать" от заумных и вредных "мод" (Ф.П. Филин, 1981, 1: 5), чаще обличались анонимно. Отрицательные рецензии на отечественные работы появлялись крайне редко. Одним из немногих постоянных объектов резкой критики был В.А. Звегинцев. На его книгу "Язык и лингвистическая теория" была помещена крайне отрицательная рецензия Р.А. Будагова (1974, 1), где одним из главных обвинений было сочувственное отношение в книге к хомскианству. Позже О.С. Ахманова и Л.В. Минаева писали: «В.А. Звегинцев тем не менее вновь и вновь встает в позу демиурга "теоретической лингвистики"..., он не устает сообщать в новых "откровениях" Хомского» (1979, 5: 27). См. также резкую статью Н.З. Котеловой против модели "смысл–текст" (1974, 5).

Нельзя сказать, что в своей критике Ф.П. Филин, Р.А. Будагов и др. были абсолютно неправы. Обвинения противников в схематизме, в игнорировании того, что Ф. де Соссюр назвал "внешней лингвистикой", в недостаточном внимании к языковой истории, а также в следовании "моде" не были беспочвенны. Структурный этап в развитии лингвистики был связан с безусловным сужением проблематики, сосредоточением на решении вопроса "Как устроен язык?" и временным отходом от изучения вопросов о функционировании и развитии языка. Проигрыш в широте одновременно давал возможность выиграть в глубине, глубже познать языковые структуры, однако не всех устраивало обеднение тематики. А выдвижение Н. Хомским на первый план вопроса "Как функционирует язык?" поначалу не было очевидным не только для противников, но и для многих союзников: мешала его увлеченность формальными моделями, похожими на модели поздних дескриптивистов; у нас первым суть хомскианства увидел как раз В.А. Звегинцев, осознавший его коренное расхождение со структурализмом. Не удивительно, что для позитивистов-эмпириков хомскианство могло казаться ухудшенным изданием структурализма: еще больше "дедуктивно-формалистических изощрений" без интереса к конкретным фактам, который все же был в том же дескриптивизме.

Среди претензий постоянных авторов ВЯ бывали и вполне справедливые. Например, Р.А. Будагов писал: "Нельзя не сожалеть, что у нас так мало теперь занимаются собственно филологией" (1973, 6: 130). В ВЯ часто печатали тех немногих ученых, которые это делали, например, М.Ф. Мурьянова. Но даже справедливо отмечая крайности структурного и генеративного подходов, их издержки, авторы ВЯ отказывались видеть в этих подходах то принципиально новое, что они внесли в науку о языке, признавая в лучшем случае частные достижения. Наука XIX века оставалась для них образцом.

Такая позиция вместе с влиянием ряда экстралингвистических факторов привели к отходу от сотрудничества в ВЯ многих его постоянных авторов. Насколько нам

известно, в большинстве случаев речь шла не о нежелании редакции публиковать того или иного автора, а о сознательном отказе ряда лингвистов сотрудничать с Ф.П. Филиным и др. Это подтверждается и тем, что некоторые из них изредка все же публиковались. Так, на много лет отошел от сотрудничества с журналом Вяч. Вс. Иванов, но все-таки именно ему в 1978 г. принадлежал упомянутый выше некролог Е. Куриловича.

Неучастие в ВЯ значительного числа лингвистов в те годы существенно сужало для журнала возможности давать всестороннее представление о развитии советской лингвистики. Приведем один пример. В области типологии лицо советской науки о языке тогда прежде всего определяли три направления: контенсивная типология, развивавшаяся в первую очередь Г.А. Климовым, Ленинградская типологическая школа (А.А. Холодович, В.С. Храковский, В.П. Недялков и др.) и Московская типологическая школа А.Е. Кибрика и его учеников. Однако адекватное отражение из них в ВЯ получила лишь первая.

И тем не менее "филинский" период в истории журнала отнюдь не был только периодом потерь и борьбы с "дедуктивно-формалистическими изощрениями". В нем продолжали сотрудничать многие видные лингвисты, особенно в таких областях, как историческое и сравнительно-историческое языкознание, социолингвистика. Вот далеко не полный список наиболее заметных авторов журнала тех лет: В.И. Абаев, А.Н. Кононов, М.И. Стеблин-Каменский, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, А.В. Бондарко, В.Б. Касевич, О.Н. Трубачев, В.А. Аврорин, А.М. Щербак, Н.Ю. Шведова, О.А. Лаптева, Г.А. Золотова, Д.И. Эдельман, Т.Я. Елизаренкова, Т.В. Гамкрелидзе, Л.Б. Никольский, Г.А. Климов. Некоторые видные ученые по тем или иным причинам впервые появились в ВЯ именно в это время: А.Г. Шанидзе, Я.Р. Дашкевич, И.Ф. Вардуль, М.Ф. Мурьянов и др. Печатались и языковеды более молодого поколения: Е.М. Верещагин, М.Е. Алексеев, В.М. Живов, Н.Б. Вахтин и др., хотя в целом молодежь сотрудничала с журналом недостаточно. Поднимало научный уровень журнала продолжавшееся участие в нем Н.И. Жинкина, М.Л. Гаспарова. По-прежнему относительно большое место в журнале занимали зарубежные авторы. Правда, наметился некоторый возврат к положению дел первой половины 50-х гг.: преобладали авторы (иногда не слишком известные) из соцстран. Отметим такие имена, как Д. Уорт, Т.А. Себеок, Г. Дёрфер, Л. Дёже, Г. Фогт, С. Эрвин-Трипп, М. Гиро-Вебер, С. Хаттори (первый в ВЯ японский ученый, причем очень крупный), Э. Поломэ и др. Продолжали печататься в журнале В. Пизани и В. Георгиев. Все же заметно повысился по сравнению с двумя предыдущими десятилетиями процент малосодержательных статей или статей по очень узкой тематике. Менее активной стала редакционная политика: статьи (кроме "методологических") редко заказывались, портфель журнала в основном начал составляться из того, что предлагалось авторами. Со страниц журнала почти исчезли дискуссии.

Значительно меньший объем по сравнению с предыдущим периодом в ВЯ стали занимать материалы по истории лингвистики и особенно публикации. Исключение составил 1974 год, когда большое место в журнале заняли многочисленные и интересные материалы, приуроченные к 250-летию отечественной Академии наук. Отметим статьи Б.А. Успенского (1974, 2), Э.В. Севортяна, Э.А. Макаева и Н.З. Гаджиевой (1974, 5), Н.Ю. Шведовой, Ф.П. Сороколетова (1974, 6). Отметим также статью А.В. Десницкой к 150-летию со дня рождения А. Шлейхера (1971, 6). Аналогичные даты, связанные с учеными более позднего времени, редакция вспоминала редко. Например, 50-летие со дня смерти И.А. Бодуэна де Куртенэ отразилось лишь в связи с посвященной этой дате конференцией в Варшаве (1980, 4). Из публикаций более чем за десять лет можно отметить лишь перевод изданной по-французски в 1922 г. работы Н.Н. Дурново (1971, 4) и издание ранее не печатавшейся статьи С. Карцевского (1976, 1). Еще беднее, чем во второй половине 60-х гг., стал хроникальный раздел, целиком сведенный к отчетам о конференциях; были даже номера (например, 1978, 1) вообще без хроники.

После смерти Ф.П. Филина его фамилия в качестве главного редактора продолжала сохраняться по № 1 за 1983 год. Из опубликованного в журнале за это время отметим важные статьи по социолингвистике А.Д. Швейцера (1982, 5) и А.И. Домашнева (1982, 6), большую статью О.Н. Трубачева об этногенезе славян (1982, 4 и 5), материалы по истории лингвистики: В.В. Белого о Д. Уитни и публикацию "Из лингвистического наследия Л.В. Щербы" (обе – 1982, 5). Отметим и возрождение давно прервавшейся традиции: в № 6 опубликован обзор диссертаций по языкознанию, утвержденных в 1978–1981 гг.

С № 2 за 1983 год журнал подписывал новый состав редколлегии, частично сохранивший людей из старого состава, в том числе заместителей главного редактора и ответственного секретаря. Новым главным редактором стал академик Г.В. Степанов. Из редколлегии вышли О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, Ф.М. Березин, В.Н. Ярцева. Вернулись А.В. Десницкая и Б.А. Серебренников. Впервые вошли в редколлегию В.Г. Гак, А.Н. Кононов, Н.А. Слюсарева, Д.Н. Шмелев. Г.В. Степанов руководил журналом недолго: в октябре 1986 г. он скончался, тогда же не стало и А.Н. Кононова. В остальном состав редколлегии, сформированный в 1983 г., сохранялся до конца 1987 г. (главного редактора после смерти Г.В. Степанова не было более года).

Период истории журнала, связанный с именем Г.В. Степанова, оказался переходным. Прекратилась публикация статей "методологического" характера, а Г.В. Степанов в отличие от предшественников избегал публиковать в ВЯ статьи по общим вопросам. Критика структурной и генеративной лингвистики иногда появлялась, но уже не выглядела как позиция журнала: статьи М.Н. Правдина (1983, 6), В.А. Жеребкова (1985, 6). При сохранении прежнего круга авторов ряд лингвистов возобновил сотрудничество в журнале: Т.М. Николаева, Р.М. Фрумкина, Ю.Д. Апресян, В.С. Храковский и др. Среди новых авторов журнала этих лет: Е.А. Хелимский, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Я.Г. Тестелец; единственный раз (1985, 5) опубликовался в ВЯ столь интересный ученый, как И.Ш. Козинский. Совершенно новая проблематика – выявление речевых механизмов человека через изучение измененных состояний – отразилась в интересных статьях Д.Л. Спивака (1983, 5; 1985, 1: 1987, 2). Наряду с молодежью в ВЯ выступали и старейшие языковеды: А.Г. Шанидзе (1984, 2), В.И. Абаев (1985, 6; 1986, 2); появились последние статьи С.Д. Кацнельсона (1984, 4, 1987, 3) и А.Н. Кононова (1986, 3). Расширился круг зарубежных авторов, отметим статьи У. Дресслера, Х. Бирнбаума, М. Майрхофера. Заметно увеличилось количество статей по истории лингвистики. Журнал откликался, как и раньше на юбилеи классиков науки XIX в.: статьи А.В. Десницкой к 200-летию со дня рождения Я. Гримма (1985, 6), Р.А. Будагова к 150-летию со дня рождения А.А. Потебни (1986, 3). Однако в большей степени, чем раньше, вспоминали ученых XX в.: статьи С.Б. Бернштейна к 100-летию со дня рождения А.М. Селищева (1986, 5), Р.Л. Цейтлин к 90-летию со дня рождения Г.О. Винокура (1986, 6), см. также статью о В. Матезиусе (1986, 4). Редакция старалась дать информацию о школах и направлениях, не получивших ранее должного отражения в ВЯ: обзор работ Ленинградской типологической школы Л. Дёже (1987, 5), обзор исследований по ностратике Е.А. Хелимского (1986, 5). Продолжалась печататься информация о тематике утвержденных диссертаций по языкознанию (1986, 5). В статье Ю.В. Рождественского, И.А. Зарифьян и О.М. Щербаковой (1987, 4) чуть ли не впервые с начала 50-х гг. рассматривалась проблема связи между наукой о языке и школой.

Общественные процессы, получившие название перестройки, не сразу нашли отражение на страницах ВЯ: некоторые проблемы были решены в журнале еще в 1983 г., для решения других еще не пришло время. Впервые новая ситуация отразилась в передовой статье ВЯ "К семидесятилетию советского языкознания", посвященной 70-летию Октября (1987, 5). Впервые здесь, еще в довольно осторожной форме, говорилось о застойных явлениях в советской лингвистике, ее отставании от мирового уровня, однообразии и догматизме, наблюдаемых во многих работах (1987, 5: 6–7).

Вскоре прошла новая реорганизация редколлегии, самая радикальная за все полвека. Достаточно сказать, что из старого состава редколлегии сохранились лишь В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, Г.А. Климов (оставшийся ответственным секретарем) и В.М. Солнцев (переставший быть заместителем главного редактора). Во главе журнала стал академик Т.В. Гамкрелидзе. Его заместителями стали Ю.С. Степанов и Н.И. Толстой (вернувшийся в журнал после семнадцатилетнего перерыва). Одновременно с ними с № 1 за 1988 год в редколлегию вошли А.Н. Баскаков, А.В. Бондарко, Ж.Ж. Варбот, В.А. Виноградов, Н.З. Гаджиева, В.А. Дыбо, А.А. Зализняк, Е.А. Земская, А.Е. Кибрик, А.А. Леонтьев, М.М. Маковский, Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, И.В. Соболева (зав. редакцией), С.А. Старостин, Е.А. Хелимский, В.С. Храковский, Г.Ш. Шарбатов, А.Д. Швейцер, А.М. Щербак, а также Вяч.Вс. Иванов, вернувшийся после почти тридцатилетнего перерыва. Состав редколлегии продолжал пополняться и дальше: с № 4 за 1988 г. добавились В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, В.Н. Топоров, а с начала 1989 г. – Л.Г. Герценберг, В.К. Журавлев, С.В. Кодзасов, В.П. Недялков, О.С. Широков. Весь этот состав, кроме умершей в 1991 г. Н.З. Гаджиевой, сохранялся до 1994 г. Одновременно был сформирован редакционный совет, куда вошли многие видные лингвисты старшего поколения, а также большинство прежнего состава редколлегии. Спустя несколько месяцев редакционный совет был значительно увеличен за счет авторитетных зарубежных лингвистов.

Вновь, как при формировании первой редколлегии в 1952 г., ставилась задача охватить все основные области советского языкознания, собрать специалистов по разным группам языков. Теперь для этого требовалось включить в состав редколлегии гораздо большее количество специалистов, чем в начале 50-х гг. Состав редколлегии был действительно представительным, однако оказался слишком обширным для рабочей деятельности, некоторые ученые так и не включились в дела журнала. Редакционный совет реально почти не функционировал.

Тем не менее новый состав редколлегии, кроме всего прочего сильно омоложенный, в значительной своей части включился в работу по реорганизации журнала. Необходимо было преодолеть окончательно односторонность позиции журнала, вновь сделать его центром научной жизни в области языкознания в стране, способствовать расширению контактов между отечественной и мировой наукой. Выбор главного редактора для этих целей был очень удачен: Т.В. Гамкрелидзе, грузинский ученый, пользующийся большим авторитетом и в России, и за рубежом, мог в сложных исторических обстоятельствах играть роль связующего звена между лингвистикой разных народов СССР, а также между отечественной и зарубежной лингвистикой.

Редакция ВЯ старалась идти в ногу со временем, но при этом оставаться в пределах науки. В целом журналу удалось сохранить характер научного издания, что не всегда получалось в те годы у других академических гуманитарных журналов, где нередко возникал уклон в публицистику. Даже при обращении тех или иных авторов к новой для журнала тематике, изучение которой ранее не поощрялось, они старались держаться строго на научной почве. Пример – статья М.Н. Эпштейна "Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)" (1991, 6), где автор избежал оценочного подхода. То же можно сказать и о большинстве статей о языке русской эмиграции; эта тема стала регулярной в журнале начиная со статьи Ю.Н. Караулова (1992, 6).

Излишняя публицистичность в духе времени проявилась лишь в немногих статьях, например, в статье Л.П. Калакуцкой, где сопоставлялись русская лексикография и изданный в Японии большой русско-японский словарь (1991, 1): национальные особенности японской лексикографии она стремилась трактовать как взгляд на русский язык глазами "свободных людей". В другой статье Л.П. Калакуцкой (1993, 3) справедливо отмечалась неупорядоченность написания прописных букв в русской орфографии; однако это было лишь поводом для резкого осуждения проявлявшихся здесь идеологических установок советского периода, взамен этого предлагались

новые стандарты, тоже очень идеологизированные. Сильно политизирована и статья М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой о языке песен В.С. Высоцкого (1993, 1). См. также перепечатку агитационной статьи А. Вежбицкой (1993, 4), освещающей деятельность этого выдающегося ученого с неожиданной стороны. Но это почти и всё.

В гораздо большей степени, разумеется, новые оценки проявлялись в трактовке истории русской и особенно советской науки. В некоторых статьях снова наблюдались попытки научной реабилитации марризма, в частности, у А.В. Десницкой (1988, 6), которая события 1950 г. трактовала как победу "наивного традиционализма" (1988, 6: 34). Резкие оценки сталинских работ без намерений вернуться к марризму содержались и в некоторых других публикациях, например, у В.С. Храковского, А.К. Оглоблина и Н.А. Козинцевой: «простецкие рассуждения "вождя народов"» (1991, 4: 97). В то же время появлялись и статьи с резким и прежде всего политическим осуждением Н.Я. Марра, как статья американской исследовательницы К. Мосс о Н.Я. Марре и О.М. Фрейденберг (1994, 5); при этом делалась попытка свести к минимуму несомненное сходство между рядом идей этих двух ученых. Однако в целом вся эта проблематика также не нашла значительного места в журнале, где совсем не было публикаций, целиком посвященных политической истории советского языкознания (что опять-таки отличало ВЯ от других журналов по гуманитарным наукам). Даже о таком ученом, как Н.Я. Марр, старались писать в академическом ключе. Показательна гипотеза Т.В. Гамкрелидзе, согласно которой даже идея четырех элементов – не чистый абсурд: здесь интуитивно могла быть предугадана идея генетического кода, также состоящего из четырех компонентов (1988, 3: 7).

Отходя от прежних догм, редакция не стремилась полемизировать с ними. Пожалуй, лишь однажды журнал как бы распрощался с подходами, занимавшими столь значительное место в нем в начале 50-х гг., а затем в 70-е гг. и начале 80-х гг. Мы имеем в виду рецензию Э.А. Макаева (к сожалению, почти единственное его выступление в ВЯ в эти годы) на "Лингвистический энциклопедический словарь". Это фундаментальное издание, вышедшее в 1990 г., но реально подготовленное намного раньше, отразило уровень советской науки о языке начала 80-х гг. со всеми ее плюсами и минусами. Э.А. Макаев, в целом положительно оценив издание, резко полемизировал с авторами некоторых статей о зарубежных направлениях лингвистики: "Если же встать на точку зрения автора статьи, то окажется, что превалирующее большинство лингвистических концепций своей теоретической предпосылкой имеет те или иные субъективно-идеалистические философские теории, и тем самым отечественный языковед, отстаивающий подобную точку зрения, рискует потерять все мировое языкознание" (1992, 2: 147). Это высказывание перекликалось с тем, что за 35 лет до того писал М.И. Стеблин-Каменский, но теперь можно было писать более четко.

Но прежде всего редакция стремилась подойти к лингвистике прошлого и настоящего по-новому не с помощью полемики с прежними точками зрения, а через позитивное изложение взглядов. Стояла задача максимальной ликвидации "белых пятен" в истории науки. Если к 60-м гг. у нас почти не было запретных имен (хотя многие ученые либо были незаслуженно забыты, либо оценивались неадекватно), кроме разве что лингвистов, запятнавших себя сотрудничеством с гитлеровцами, вроде Н. Поппе, то к 80-м положение было много хуже прежде за счет эмигрантов из СССР "третьей волны". Теперь имена этих лингвистов снова стали появляться в ВЯ, в том числе и в качестве авторов: возобновили сотрудничество в журнале В. Шеворошкин (1991, 3), И. Мельчук (1991, 4), впервые опубликовались А. Лубоцкий (1991, 1) и др. Печатались и эмигранты времен войны: О. Прицак (1991, 6). Откликнулся журнал и на смерть Н. Поппе (1992, 3).

В ряде публикаций обращалось внимание на лингвистические работы ученых, подвергшихся репрессиям; Вяч.Вс. Иванов опубликовал статью о лингвистических исследованиях погибшего в 1937 г. П.А. Флоренского (1988, 6), в нескольких номерах

публиковались тексты этого ученого (1988,6; 1989, 1, 3). Также было обращено внимание на наследие И.Е. Аничкова, чья многолетняя деятельность не получила до того должной оценки: см. статьи Д.С. Лихачева и Ю.Д. Апресяна об И.Е. Аничкове (1989, 6), а позднее публикацию его труда об идиоматике (1992, 5).

Также впервые предметом серьезных рассмотрений стали лингвистические идеи, высказывавшиеся людьми, которые считались (иногда даже справедливо) реакционерами. Репутация теоретика неогумбольдтианства Л. Вайсгербера у нас долго была плохой из-за того, что он был лоялен к нацизму; теперь впервые были подробно рассмотрены его взгляды и опубликована его работа (1993, 2). См. также статью М.М. Маковского о лингвистических взглядах Ф. Ницше (1991, 1). Даже М.Л. Магницкий, ранее известный лишь как ретроградный чиновник, был рассмотрен в ВЯ как автор первого в России сочинения по вопросам деловой речи (1993, 1).

Обращалось внимание и на деятельность ученых, "просто забытых", без каких-либо специальных причин, но заслуживающих внимания. В.Б. Крысько писал о вкладе в науку самого талантливого из учеников А.А. Потебни, рано умершего А.В. Попова (1990, 4). Во многом забытым оказался и такой крупный ученый, как Н.В. Юшманов; в ВЯ появилась посмертная публикация его работ (1989, 5). Отметим и обзор ономасиологических концепций В.П. Даниленко (1988, 1), где наряду с широко известными учеными описывались и уже забытые.

Имя Н. Трубецкого, разумеется, не относилось к забытым или замалчиваемым. Однако его наследие, введенное в наш научный оборот при участии ВЯ еще в 50-е годы, не могло до конца 80-х гг. рассматриваться во всей полноте. Теперь же появилась такая возможность, реализованная, в частности, в предисловии Н.И. Толстого к публикации работы Н. Трубецкого "Общеславянский элемент в русской культуре" (1990, 2) и в статье В.К. Журавлева к 100-летию со дня рождения ученого (1990, 5). Среди других публикаций по истории отечественной науки отметим публикацию рукописи В.И. Даля "Условный язык петербургских мошенников" (1990, 2), первое издание написанной в 1927 г. статьи Г.О. Винокура "О возможности всеобщей грамматики" (1988, 4). Давалась и информация о деятельности тех из здравствовавших ученых, имена которых долго замалчивались в журнале, например, в статье Е.А. Земской к 70-летию М.В. Панова (1990, 6).

Расширились и публикации, посвященные зарубежной науке. Помимо того, о чем говорилось выше, отметим еще две группы статей, обзоров и рецензий. Впервые с начала 60-х гг. начала серьезно рассматриваться лингвистика в странах Востока. Вновь заметное место в ВЯ заняла китайская лингвистика, см. обзор А.Л. Семенас (1988, 1), рецензии на труды, изданные в Китае (1991, 2). Публиковались, хотя и не так часто, и отклики на японские издания, например, на книгу Т. Акамацу по фонологии (1990, 2), см. также упомянутую выше статью Л.П. Калакуцкой. Отметим и публикацию статьи вьетнамского лингвиста Ли Тоан Тханга о вьетнамской картине мира (1989, 3).

Другая группа публикаций, не очень многочисленная, связана с попытками представить общую картину развития мировой лингвистики или хотя бы лингвистики в отдельных странах. Надо отметить обзор ведущего американского журнала "Language" за 65 лет, осуществленный В.З. Демьянковым (1989, 4). В обзоре показано, как в журнале отразился переход американской лингвистики от дескриптивистского этапа, когда изгонялся "ментализм", к новому этапу, начатому Н. Хомским. Важен вывод В.З. Демьянкова о том, что спор между разными направлениями американской науки о языке "решен в пользу менталистов" (1989, 4: 141), то есть лингвистов, учитывающих "человеческий фактор". Однако в те годы в ВЯ о таких проблемах писали нечасто.

Избегалась и проблематика, связанная с проблемами соотношения между отечественной и мировой лингвистикой. Раньше об этих проблемах в ВЯ писали часто, но их решение во многих случаях связывалось с жесткой схемой превосходства русской и советской науки. Теперь этот вопрос оказался на периферии внимания. См., однако,

весьма трезвый обзор В.Г. Гака, посвященный западным исследованиям по языковой политике. Он писал про международное издание под редакцией Ж. Морэ: в нем "просвечивает обычный для западных авторов своеобразный англосаксонский "научный империализм": новизна понятия в науке определяется временем его первого упоминания в американских или английских работах" (1989, 5: 106); так произошло с термином "языковое строительство", представляемым как новый, хотя он многократно использовался в СССР в 20–30-е гг. Безусловно, многолетнее отчуждение между советской и зарубежной лингвистикой поддерживалось с обеих сторон.

Однако в те годы для редакции важнее было не предъявлять счеты к другой стороне, а снять барьеры со своей стороны. Это особо проявилось в значительном расширении публикаций зарубежных авторов, особенно западноевропейских и американских. Включение некоторых из них в редакционный совет играло здесь роль, пусть даже символическую. Печатались и старые авторы: А. Мартине, Дж. Гринберг, У.Г. Леман, В.У. Дресслер, Л. Дёже, М. Майрхофер и др. Впервые среди авторов мы видим именитых ученых старшего поколения: К. Пайка, Г. Фанта, Э. Фишер-Йоргенсен и др. Начинают также сотрудничать в журнале Г.Г. Корбетт, К. Хегер, Б. Хурьх, Ф. Кортланд и др. К ним следует добавить упоминавшихся выше эмигрантов из СССР. Редакция старалась привлечь в журнал известных западных лингвистов разных направлений с одним, однако, существенным исключением: совсем не представлены Н. Хомский и господствующие в США и отчасти в других странах сторонники его моделей. Например, из США печатались либо лингвисты, оппозиционные к хомскианству, либо специалисты в областях, где хомскианство не играет определяющей роли (скажем, в компаративистике).

Второй раз за время существования журнала в отечественной науке встал вопрос о преодолении разрыва между тем, что делалось у нас и за рубежом. Но отношение к этому разрыву было разным, что в полной мере отразилось в ВЯ. Если в 50-е гг. умами овладел лозунг "учиться" и в ВЯ регулярно велась рубрика консультаций, то теперь господствовало мнение о том, что мы можем в своей "передовой" части непосредственно интегрироваться в мировую науку, а существовавший разрыв был обусловлен исключительно вненаучными причинами. Поэтому в ВЯ этих лет совсем нет в отличие от 50–60-х гг. статей просветительского характера, а отбор зарубежных публикаций шел в основном по двум критериям: степени известности автора в СССР, а потом в России, и степени близости его идей и методов к тем, которые существовали у нас. В результате публикации зарубежных авторов в большинстве отличались высоким качеством, но не всегда бывали представительны с точки зрения развития мировой науки.

Редакция журнала стремилась также активно публиковать отечественных авторов молодого поколения, которых слишком мало было в ВЯ в 70-е гг. и в первой половине 80-х гг. В 1989–1994 гг. среди новых авторов преобладают молодые: В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, В.И. Подлесская, М.С. Полинская, Е.Г. Борисова, А.Д. Шмелев, В.Б. Крысько, А.В. Яковлев, В.Б. Цимбурский, А.Н. Баранов, Е.С. Яковлева, С.А. Иванова, К.И. Казенин, С.А. Бурлак и др. Большей частью это специалисты либо по семантике, либо по типологии. Лишь немногие из новых авторов журнала занимались историческим и сравнительно-историческим языкознанием. Активная деятельность ряда лингвистов в области ностратики не слишком часто отражалась в журнале. И можно понять Э.А. Макаева, "с печалью в сердце" отмечавшего в упомянутой выше рецензии общее "падение интереса к исторической проблематике" в стране (1992, 2: 148).

Еще в большей степени в данный период наблюдался спад интереса к социолингвистике. Этот спад был естественным: раньше публикаций в этой области в ВЯ бывало много, однако их уровень, особенно в отношении социолингвистических проблем СССР, уже не мог удовлетворять. Однако не очень было ясно и то, что можно заменить прежние подходы. В ВЯ появлялись публикации, посвященные ранее избегавшимся аспектам социолингвистики вроде упоминавшейся выше статьи

полуязычии (1990, 5); см. также рецензию на книгу П. Серио о советском политическом дискурсе с анализом речей Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева; книга, вышедшая в 1985 г., смогла быть рассмотренной в ВЯ лишь шесть лет спустя (1991, 6). Однако многие более для нас традиционные вопросы социолингвистики вроде анализа языковых ситуаций почти не рассматривались в эти годы в ВЯ как в общетеоретическом плане, так и с точки зрения конкретного анализа. Пробел отчасти восполнялся обзорами западных работ, см. например, уже упомянутый обзор В.Г. Гака и обзор А.И. Домашнева (1988, 5). Редкое исключение – статья Н.Б. Вахтина о языках Севера (1992, 4).

Однако немало было в это время и вопросов, поставленных в ВЯ впервые или после долгого периода. Обращение к ним объяснялось в первую очередь не какими-то внешними причинами, а развитием науки. Отметим лишь одну тему – происхождение языка. У нас она надолго была дискредитирована "гаданиями на кофейной гуще" Н.Я. Марра и его последователей. А на Западе как раз в конце 80-х гг. ей (также после долгого перерыва) занялись всерьез. И за это время в ВЯ дважды публиковались обзоры трудов прошедших за рубежом (без участия специалистов от нас) конференций (1992, 1; 1993, 3). С данной тематикой связаны и вопросы о направленном, телеологическом развитии языка, долго бывшие не в моде и на Западе, и особенно у нас. Теперь же этот вопрос был поставлен в проблемной статье Т.М. Николаевой (1992, 2).

В 1988–1994 гг. журнал стал безусловно интереснее, прежде всего за счет исследовательских статей, отчасти за счет обзоров и рецензий. Слабым местом по-прежнему была информационная часть, продолжавшая сводиться к весьма неполному подбору хроник о прошедших конференциях. Опять-таки бывали номера вообще без хроник, как № 1 за 1993 г. Даже попытки как-то расширить эту часть журнала, предпринимавшиеся в предшествующий период, вроде обзоров диссертаций, сошли на нет.

Редакция старалась публиковать авторов со всей территории СССР, но реально процент авторов из Москвы и Ленинграда (с 1991 – Санкт-Петербурга) стал даже больше, чем раньше. По понятным причинам уже перед распадом СССР и тем более в первые годы после него почти не стало публикаций украинских, закавказских, прибалтийских авторов. Тем не менее даже в это время они все-таки иногда появлялись. Например, в № 1 за 1994 год опубликованы статьи украинского и грузинского авторов.

После распада СССР Т.В. Гамкрелидзе стал гражданином Грузии. Он старался не порывать связи с журналом, но руководить им ученому становилось все труднее не по своей вине. К тому же все более ощущалась громоздкость редколлегии. Новая коренная реорганизация редколлегии журнала, до настоящего времени последняя, произошла с № 3 за 1994 год. Главным редактором стал академик Н.И. Толстой, до того очень много сделавший для журнала в 1957–1971 и 1988–1994 гг. Его заместителем стал академик О.Н. Трубачев. Ответственным секретарем остался Г.А. Климов. Редакционный совет был упразднен. Из старого состава редколлегии остались Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, В.М. Солнцев, А.М. Щербак. К ним добавились В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, В.В. Петров. Редколлегия снова стала полностью работоспособным органом.

К сожалению, вскоре после этого журнал понес тяжелые утраты. Никита Ильич Толстой был главным редактором всего два года, 27 июня 1996 года его не стало. Менее чем через год, в апреле 1997 г. скончался Георгий Андреевич Климов, более четверти века выполнявший обязанности ответственного секретаря журнала. В апреле 2000 г. не стало Вадима Михайловича Солнцева, входившего в редколлегию ВЯ почти три десятилетия, в прошлом заместителя главного редактора. Все они много сделали для развития журнала.

После Н.И. Толстого главным редактором ВЯ стал академик О.Н. Трубачев, зан мающий эту должность до настоящего времени. Ответственным секретарем пос Г.А. Климова стал М.М. Маковский, вернувшийся в состав редколлегии. И О.Н. Тр бачев, и М.М. Маковский принадлежат к ветеранам журнала, сотрудничая в не с 50-х гг. Заместителем главного редактора с 1996 г. стала Т.М. Николаева, с 1999 еще одним заместителем стал А.Е. Кибрик. В остальном до сих пор сохраняет состав редколлегии, сформированный в 1994 г., лишь в 1999 г. место В.В. Петро занял А.М. Молдован.

Начавшийся в 1994 г. этап работы журнала продолжается, и его итоги подводит еще рано. Отметим лишь, что редакция старается сохранить сложившиеся традиці журнала и круг его авторов, дать представительную картину развития науки о язык в России, а в какой-то степени и в странах СНГ и Балтии: в журнале продолжаю сотрудничать Т.В. Гамкрелидзе, А.Д. Дуличенко из Эстонии, публикуются статьи ук раинских, узбекских и др. авторов. В то же время журнал все в большей степени ста новится международным, статьи иностранных авторов встречаются в каждом номер иногда составляя до половины объема некоторых номеров.

Не стремясь дать всестороннюю оценку сделанному за последние годы в журнал отметим лишь основные отличия от того, что было в ВЯ ранее. Несомненно боле широко представлена теперь по сравнению с 80-ми годами историческая и срав нительно-историческая тематика. Особенно много публикуется работ по славистик и истории русского языка. Нельзя не отметить ежегодно публикуемые с 1994 г. стать академиков А.А. Зализняка и В.Л. Янина о новых открытиях в Новгороде с текстам найденных берестяных грамот и их переводом; в 2000 г. впервые была найдена древ нейшая русская книга. Тема открытия памятников древнерусской письменност в Новгороде оказалась таким образом сквозной для журнала начиная с первого год его издания. Отметим и заметное увеличение числа статей филологического харак тера, прежде всего русистских и славистических.

С другой стороны, впервые в ВЯ заметное место стали занимать публикации связанные с генеративной лингвистикой в узком смысле. Появились обзоры амери канских исследований, в частности, см. обзор И. Секериной (1996, 3). Появляютс и исследовательские статьи, в которых используются соответствующие идеи и мето ды; главным образом это статьи лингвистов молодого поколения, см. в виде примеро статьи С.Г. Татевосова и Т.А. Майсака (1998, 1), Я.Г. Тестельца и С.Ю. Толдовой К.И. Казенина (1998, 4).

Безусловно, лицо отечественной лингвистики сейчас определяется не столько работами в хомскианском духе (хотя и эту "крепость" необходимо завоевать), сколько исследованиями в области когнитивной лингвистики, которые хорошо представлены в журнале. В нем активно печатаются все основные отечественные лингвисты этого направления. Мировую известность получили и российские типологические исследования, также многообразно представленные в ВЯ. К сотрудничеству в журнале привлекаются и зарубежные когнитивисты и типологи.

Из немалого количества публикаций по истории лингвистики отметим две, в которых затронута проблематика, ранее в ВЯ нечастая: выявление особенностей современного этапа в развитии лингвистики, подведение итогов развития этой науки в XX веке. Статья В.М. Живова и А. Тимберлейка с характерным названием "Расставаясь со структурализмом" (1997, 3) подвела итоги структурного этапа в развитии лингвистики, исчерпанность которого вряд ли теперь у кого-либо может вызывать сомнения [что вовсе не означает устарелости метода оппозиций или дистрибутивного анализа: всё это вошло в арсенал рабочей методики лингвистов, о чём недавно напоминал в ВЯ О.Н. Трубачев (1997, 2: 6); речь идет об исчерпанности структуралистской теории]. В.М. Живов и А. Тимберлейк, в частности, констатируют, что современная лингвистика преодолела дихотомию "язык–речь" и всё более приходит к выделению речи, или узуса в качестве главного объекта. В статье П.Б. Паршина (1996, 2) подводится итог развитию лингвистики во второй половине XX в., разгра-

ничиваются развитие лингвистической теории и лингвистической методологии. Помимо статей общего характера отметим продолжение обсуждения вопросов истории советской лингвистики: см. спорную, но интересную попытку рассматривать идеи Е.Д. Поливанова и Н.Я. Марра в культуроведческом аспекте в статье А.П. Романенко (2001, 2).

Активнее, чем в 80-е гг., стали рассматриваться в ВЯ вопросы социолингвистики. Особо отметим увеличение количества публикаций, посвященных специфике современной ситуации в современном русском литературном языке; см., в частности, статьи Л.П. Крысина (2000, 4) и Г.П. Нещименко (2001, 1). Авторы журнала на новом историческом этапе продолжают работу, начатую, в том числе и на страницах ВЯ, М.В. Пановым и др. в 60-е гг. Важно, что современные процессы рассматриваются здесь объективно, без свойственных некоторым авторам стремлений трактовать эти процессы либо как "освобождение", либо как "гибель" русского литературного языка.

Можно отметить и изменения в самом облике журнала. Впервые с 1952 г. начали систематически практиковаться тематические принципы комплектования некоторых номеров. Например, № 3 за 1998 год был специально посвящен XII съезду славистов. В связи со 100-летием со дня рождения основателя журнала В.В. Виноградова специальный номер (1995, 1) был составлен из статей, тематически продолжающих исследования выдающегося ученого, в первую очередь в области истории литературных языков. Аналогичный принцип был использован в номерах памяти Н.И. Толстого (1997, 2 и 3) и Г.А. Климова (1998, 4). Редакция старается восстановить ряд традиций первых десятилетий ВЯ: большее место, чем в 70-е и 80-е гг., занимают обзоры, нередко выполняющие просветительские функции, знакомя читателя с теориями и методами, не освоенными отечественной наукой; с 1998 г. стал расширяться отдел хроники; после долгого перерыва возрождена рубрика "Над чем работают ученые". Можно пожалеть лишь о том, что пока не возобновлена традиция научных дискуссий, организуемых редакцией. В то же время впервые как бы узаконен жанр юбилейной статьи. Например, два номера подряд (2000, 6; 2001, 1) открывались статьями соответственно к 100-летию В.И. Абаева и к 80-летию М.В. Панова.

Безусловно, нельзя в коротком обзоре отразить всё сделанное за полвека в журнале "Вопросы языкознания"; насколько мы выделили главное, судить читателю. Журнал знал взлеты и падения, но всегда играл первостепенную роль в развитии отечественной лингвистики. Остается надеяться на то, что высокая марка журнала сохранится еще на долгие годы[2].

---

[2] Автор выражает благодарность С.А. Крылову, чьи неопубликованные указатели к журналу за первые 40 лет использованы в обзоре.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

© 2002 г. О.В. ЛУКИН

ДИСКУССИИ О ЧАСТЯХ РЕЧИ И "ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ" В 1950-е ГОДЫ

Журнал "Вопросы языкознания" был основан вскоре после лингвистической дискуссии 1950 года как печатный орган Института языкознания АН СССР, и тогда его главными задачами были провозглашены следующие: «...внедрение марксизма в языкознание, разработка актуальных проблем советской науки о языке в свете труда И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания", ликвидация последствий господства антинаучных взглядов Марра и его сторонников, проведение широких творческих дискуссий по важнейшим вопросам языкознания, оказание научно-методической помощи преподавателям языковедческих дисциплин в высшей и средней школах» [Виноградов 1952а: 11].

Не случайно, что вопросы теории частей речи одной из центральных проблем теории языкознания – были важным предметом для дискуссий на его страницах. Первый главный редактор журнала академик В.В. Виноградов подчеркивал, что "...в большинстве языков народов СССР еще до сих пор не исследованы в достаточной мере и не имеют общепризнанного толкования такие, например, важные стороны грамматики, как части речи (со свойственными им категориями) и типы предложений. Вопросы о числе и сущности частей речи в каждом языке, о границах между такими классами слов, как имя существительное, прилагательное и наречие... и пр. интенсивно, но далеко не всегда успешно и часто очень разноречиво обсуждаются..." [Виноградов 1952а: 11].

Говорить о развитии языкознания в нашей стране в 50-е годы XX века чрезвычайно сложно. Сложно прежде всего в силу трагизма и необычайной напряженности той эпохи. Иллюстрацией одной из ее страниц, непосредственно связанной с нашей темой, может служить обсуждение книги И.И. Мещанинова "Члены предложения и части речи". В жесткой рецензии В.В. Виноградова говорится, в частности, что «...задача И.И. Мещанинова в книге "Члены предложения и части речи" состояла не в том, чтобы показать стадиальные смены и взрывы в образовании и развитии членов предложения, а из них частей речи, а в том, чтобы, выкорчевав, так сказать, на поверхность разностадиальные типы предложения ...и разместив их в одной плоскости, сопоставить их между собой при помощи так называемых "понятийных категорий"» [Виноградов 1952б: 143]. О расширенном заседании Ученого совета Института языкознания Академии Наук СССР в Ленинграде 19–20 ноября 1951 года, посвященном этой книге, сообщает публикация В.Г. Орловой в первом номере "Вопросов языкознания" [1952]. Симптоматично, что это обсуждение изобиловало негативными оценочными суждениями, ср., например, такое высказывание ученого секретаря Президиума Академии Наук СССР профессора В.П. Сухотина: "Данная книга порочна по методу исследования, в ней царит полный априоризм, факты подбираются, подгоняются к заранее принятой схеме, получают совершенно произвольное толкование, редкие, единичные для того или иного языка факты выдаются за типичные. Книга представляет ряд грубейших ошибок и извращений: в ней представлен отрыв языка от мышления, полный антиисторизм, космополитизм в понимании языковых категорий и структуры языка" [Орлова 1952: 174].

Мы дали такие подробные цитаты именно для того, чтобы показать ту обстановку, парадигму, в которой оказалась вся отечественная лингвистика, и частеречная теория в том числе, в середине XX столетия. Диктатура одной партии в политической жизни страны выразилась в науке в диктатуре одного мнения, в "единодушии" и отвергании всего того, что им противостоит. Если до 9 мая 1950 года в советском языкознании таковым было мнение Н.Я. Марра, то вскоре после дискуссии в "Правде" единственно правильным стало считаться "учение", изложенное в книге "Марксизм и вопросы языкознания". Разумеется, говоря о ситуации, в которой оказалась наука о языке в годы сталинской диктатуры, мы все же не вправе говорить о безоговорочном единодушии всех языковедов. Научные исследования, которые велись в те годы и результаты которых публиковались на страницах "Вопросов языкознания", всегда были отражением творческих поисков каждого ученого в той проблематике, которую он разрабатывал в то время, разумеется, уже не первый год. И влияние, которое он испытывал до этого, окружение, в котором он работал всегда, не могли не отразиться на результатах его публикаций и после лингвистической дискуссии. Речь идет как о теоретических работах с широким охватом общеграмматической проблематики, так и о публикациях, затрагивающих непосредственные вопросы частеречной теории в конкретных языках и группах языков.

Страницы "Вопросов языкознания" в 50-е годы стали трибуной для обсуждения самого широкого круга вопросов, связанных с проблемами теории частей речи. В журнале рассматривались общие принципы составления описательных грамматик, роль частеречной проблематики в связи с классификацией языкового материала и анализом грамматических категорий. В русистике основным дискуссионным вопросом была так называемая "категория состояния" как особая часть речи. Работа над составлением грамматик языков народов СССР нашла свое отражение в ряде статей по отдельным аспектам частеречной проблематики в этих языках. Дискуссии синологов – как отечественных, так и китайских – относились к самому широкому кругу вопросов, связанных с обоснованием наличия частей речи в китайском языке и критериев их классификации. Критике грамматических описаний частей речи корейского языка на основе "традиционной" грамматики и анализу взглядов структуралистов на теорию частей речи также посвящены специальные публикации.

Проблеме классификации языкового материала и в связи с этим взаимоотношениям частей речи и членов предложения была посвящена статья И.И. Мещанинова [1959]. В ней автор особенно подчеркивает роль слова, стоящего в центре описания языкового материала, в его связи с предложением, ср: "...учение о слове (с его морфологически установленным строением) и учение о предложении (с используемыми в нем средствами морфологии) выделяются как самостоятельные, но взаимно связанные разделы. Слово выступает в предложении, выполняя в нем определенное синтаксическое назначение. Лексическое содержание слова сочетается, таким образом, с его синтаксическим использованием, осуществляемым в предложении" [Мещанинов 1959: 14]. Слово, выступающее в функции определенного члена предложения, является представителем той или иной части речи, причем взаимоотношения части речи и члена предложения обусловлены строем каждого отдельно взятого языка[1].

И.И. Мещанинов противопоставляет части речи членам предложения как лексические единицы синтаксическим: "Члены предложения отличаются своей устойчивостью как определенные синтаксические единицы, наличные во всех языках, несмотря на разнообразие их систем. Члены предложения, выделяемые в разных языках, могут различаться по тем отношениям, которые устанавливаются между ними в каждом языке, но само членение предложения по лежащим в его основе предикативным, атрибутивным и объектным отношениям остается тем же. [...] Части речи устойчивы как лексические единицы. Но они при своей основной функции могут выполнять второстепенные, выступая в разных членах предложения" [Мещанинов 1959: 20].

---

[1] См. [Мещанинов 1959: 16].

Взаимоотношениям между грамматическими категориями и частями речи (на материале современного русского языка) посвящена статья Н.С. Поспелова [1953]. Ее автор констатирует известную связь частей речи и грамматических категорий в языке с ведущими чертами флексии: "Как лексико-грамматические разряды слов, части речи не только отчетливо отграничиваются друг от друга по грамматическому оформлению присущих им лексических значений, но и объединяются присущими им грамматическими категориями" [Поспелов 1953: 55]. Однако рассуждения Н.С. Поспелова о взаимной направленности связей частей речи и грамматических категорий являются в принципе общим местом[2] и едва ли указывают на самый механизм их взаимоотношений даже в таком хорошо изученном языке как русский.

Впрочем, в статье речь идет прежде всего о морфологических категориях, чьи взаимосвязи с частями речи подметили еще античные философы. Анализируя особенности отдельных морфологических категорий у некоторых частей речи, автор приходит не к чему иному, как к известному с тех же античных времен обоснованию оппозиции имени и глагола, конституирующих систему частей речи русского языка. Но сама эта система имеет несколько необычный вид: Н.С. Поспелов противопоставляет "...слова, объединяемые грамматическими категориями рода, числа и падежа, и слова, объединяемые грамматическими категориями лица, времени и наклонения. В первую группу входят имена существительные, прилагательные (с выделением из них кратких форм и форм сравнительной степени) и имена числительные порядковые. Во вторую группу включаются глаголы, краткие страдательные причастия, краткие прилагательные и слова из категории состояния. Особые места в системе частей речи занимают количественные числительные, местоимения, наречия и междометия" [Поспелов 1953: 63–64].

В представленной таким образом системе частей речи русского языка не нашли своего места служебные части речи. Кроме того, конфигурация двух вышеперечисленных групп также вызывает некоторое недоумение хотя бы с точки зрения практической пользы объединения одних группировок и дробления "привычных", "традиционных" частей речи (так, краткие прилагательные противопоставляются полным по признаку наличия у первых категории времени, и прилагательное оказывается таким образом разорванным между глаголами и именами). Также едва ли можно назвать сколько-нибудь оправданным объединение количественных числительных, местоимений, наречий и междометий, даже если принять во внимание стремление Н.С. Поспелова классифицировать их по признакам только морфологического уровня. Если следовать логике автора и несколько расширить горизонты исследования, можно попытаться построить схему частей речи современного русского языка как систему классов, каждый из которых обладает собственной системой разноуровневых признаков. Анализ морфологических признаков в структуре различных частей речи, характер взаимодействия их разноуровневых признаков смог бы лучше раскрыть особенности как частей речи, так и грамматических категорий русского языка.

Закономерно, что значительная часть статей, затрагивающих теорию частей речи, выполнена на материале языков народов СССР и связана с практической потребностью написания их грамматик. Свое теоретическое освещение эта проблематика получила в коллективном докладе В.А. Аврорина, Р.А. Будагова, Ю.Д. Дешериева, Б.А. Серебренникова, Е.И. Убрятовой и Н.Ю. Шведовой на Совещании по вопросам составления описательных грамматик, лексикографии и диалектологии [1953]. В нем подчеркивается и роль частеречной проблематики для практической работы по описанию языков народов СССР, особенно в плане взаимодействия их грамматических и лексических признаков: "Связь грамматики и лексики обнаруживается прежде всего при выделении основных грамматических категорий языка – частей речи. Категории частей речи отражают в себе оба названные выше вида абстракции;

---

[2] См. [Поспелов 1953: 55].

поэтому в известной степени они выступают как очень широкие группы слов, обобщающие лексический материал языка" [Аврорин, Будагов, Дешериев, Серебренников, Убрятова, Шведова 1953: 8].

Авторы доклада указывают на то, что при составлении описательных грамматик вопрос о классификации частей речи относится к самым сложным, что объясняется влиянием частеречной системы языка, имеющего более значительную историю изучения и описания (в СССР – русского). Доклад указывает на своеобразие грамматических систем каждого отдельно взятого языка и полезность сопоставления грамматических систем различных языков[3]. В нем также перечисляется набор признаков, на которые следует опираться при выделении и классификации частей речи и отмечаются различия в их соотношении в отдельных языках и возможности существования переходных случаев[4].

Одной из первых публикаций, связанных с описанием частей речи в языках народов СССР, является статья заместителя главного редактора журнала Г.Д. Санжеева [1952], которой предполагалось открыть одну из дискуссий по частеречной проблематике. В сноске к данной публикации подчеркивается мнение редакции о том, что "...вопросы, поднимаемые в этой статье, заслуживают обсуждения прежде всего с таких точек зрения: 1) в каких конкретных формах должен выражаться исторический подход к проблеме определения системы частей речи в современном языке; 2) в какой мере возможно говорить о тождественной или общей системе частей речи в группе (семье) родственных языков; 3) каким должно быть соотношение морфологического, семантического и синтаксического критериев при определении системы частей речи в конкретном языке или конкретной группе языков" [Санжеев 1952: 84].

Основное внимание в статье уделено так называемым предметным именам или "существительным-прилагательным", т.е. словоформам, которые в различном синтаксическом окружении выступают то в объектно-субъектной, то в аттрибутивной функции. Для автора работы «...очевидно, что споры в алтаистике по поводу этих "существительных-прилагательных" основаны на смешении понятий синтаксического и морфологического порядка и, отчасти, если не в значительной степени, связаны с тем, как соответствующие слова алтайских языков переводятся на русский язык» [Санжеев 1952: 84]. Такой формулировкой автор несколько преувеличивает значение синтаксического критерия, делая попытку рассмотрения частей речи одного языка (киргизского) через призму частей речи другого (русского языка).

Статья заканчивается, однако, выводами, апеллирующими не к языковой форме, а к языковому чутью носителя языка, ср.: «...конкретный язык создает свои категории и формы для самого себя по внутренним законам своего развития и в меру необходимости, а не для того, чтобы облегчить языковедам определение принадлежности того или иного слова к тому или иному разряду: если, например, киргиз знает, что *жол* значит "дорога", а *узун* – "длинный, длина", то он не испытывает никаких неудобств из-за того, что на этих словах нет каких-либо этикеток, указывающих, к какой части речи они относятся» [Санжеев 1952: 93].

С точкой зрения Г.Д. Санжеева полемизирует Д.А. Алексеев [1955]. Анализируя состояние частеречных исследований в монгольских языках, автор говорит о разногласиях среди исследователей по поводу прежде всего номенклатуры частей речи[5].

---

[3] См. [Аврорин, Будагов, Дешериев, Серебренников, Убрятова, Шведова 1953: 11–12].

[4] Ср.: "При выделении и классификации частей речи следует опираться на сумму определенных признаков: 1) на обобщенное семантико-грамматическое значение слова; 2) на систему его форм с соответствующим кругом категорий; 3) на систему словообразовательных средств данного разряда слов; 4) на синтаксические функции слов" [Аврорин, Будагов, Дешериев, Серебренников, Убрятова, Шведова 1953: 13].

[5] Ср.: "Так, проф. О. Ковалевский находил в монгольском языке столько же частей речи, сколько и в русском, а его современник Алексей Бобровников установил совершенно иную классификацию; он различал только три части речи: имя, глагол и частицы, выделив внутри имени имя предметное, имя качественное и имя относительное" [Алексеев 1955: 35].

Важными в данной статье являются замечания автора о совокупности признаков классификации и ведущем среди них, а также тезис о разграничении категорий слов и частей речи: "...при классификации частей речи следует учитывать совокупность всех признаков и прежде всего придерживаться того из них, который является ведущим, наиболее характерным для данной части речи" [Алексеев 1955: 37].

С этих позиций Д.А. Алексеев прежде всего подвергает критике абсолютизацию синтаксического критерия при выделении частей речи в алтайских языках, который привел Г.Д. Санжеева к выделению четырех именных частей речи (имя предметное, имя существительное, имя качественное и имя прилагательное) вместо двух (существительного и прилагательного). В статье Д.А. Алексеева читатель найдет также важные для частеречной теории положения обобщающего характера, например: "Части речи как лексико-грамматические разряды слов обладают формальными показателями лексического и грамматического значения, т.е. слова не только имеют значение предметности, количества, качества, действия, но и несут определенные функции в составе предложения – подлежащего, определения, дополнения, сказуемого. [...] Части речи во многих языках не бывают одинаковыми, как и их грамматические категории, что объясняется спецификой грамматического строя того или иного языка в целом, различной степенью абстрагированности грамматических категорий и т.п." [Алексеев 1955: 36].

О правомерности выделения в современном турецком языке такой части речи как прилагательное пишет Т.И. Грунин [1955]. Указывая на то, что среди авторов грамматик тюркских языков наблюдается тенденция разрешить проблему частей речи с позиции русского языка[6], автор уже в начале публикации ставит вопрос о том, возможно ли считать форму слова решающим критерием при отнесении его к категории прилагательных[7]. Не отрицая важности семантики, Т.И. Грунин решающим критерием выделения прилагательных в турецком языке считает синтаксический – формальную связь компонентов определительных словосочетаний[8].

Частям речи в киргизском языке посвящена статья И.А. Батманова [1955]. Основное внимание автор уделяет проблеме критериев классификации частей речи, справедливо полагая, что главной причиной, затрудняющей решение проблемы частей речи в киргизском языке является именно "...неудачный выбор критериев, на основе которых устанавливаются грани между частями речи" [Батманов 1955: 67]. При этом он считает, что "классификация частей речи киргизского языка должна строиться... на учете двух критериев – смыслового и морфологического, из которых второй является главным и решающим" [Батманов 1955: 77]. Эти мысли, высказанные И.А. Батмановым также и на совместной научной сессии Института языкознания АН СССР и Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР в начале декабря 1954 года в докладе "Принципы построения описательной грамматики киргизского языка", встретили критику со стороны Б.А. Серебренникова и Г.Д. Санжеева. Замечания Б.А. Серебренникова относились к тезису о решающей роли морфологического критерия[9]. Критика Г.Д. Санжеева касалась прежде всего "...неправомерности игнорирования синтаксического критерия при классификации частей речи" [Орузбаева 1955: 145].

Важным импульсом для освещения частеречной проблематики на страницах журнала послужила дискуссия о частях речи в языках разных типов, состоявшаяся 28–30 июня 1954 года на расширенном заседании Ученого совета Института языко-

---

[6] См. [Грунин 1955: 55].

[7] См. [Там же].

[8] Ср.: "Наличие имен прилагательных в турецком языке можно установить только в результате анализа формальной связи компонентов определительных словосочетаний" [Грунин 1955: 60].

[9] Ср.: "Б.А. Серебренников в этом тезисе усматривает противоречие, заключающееся в том, что часть слов, как союзы, междометия, частицы и послелоги, вовсе не обладает морфологическими признаками" [Орузбаева 1955: 144].

знания АН СССР. Во вступительном слове директор Института В.И. Борковский подчеркнул наиболее острые дискуссионные вопросы теории частей речи: "принципы классификации частей речи и в связи с этим количество частей речи в том или ином языке, возможность определения общих, существенных признаков, служащих основой для выделения частей речи; правомерность выделения частей речи на основании синтаксической функции слов в предложении, допустимость учета переходных явлений в области частей речи и установления новых для данного языка частей речи" [Гаджиева, Иванчикова 1955: 162]. В 1955 году в журнале было опубликовано еще девять (!) статей по частеречной проблематике[10].

В 50-е годы значительное внимание уделялось конкретным вопросам частеречной проблематики в русском языке. Речь шла тогда о таком спорном факте как выделение еще одной части речи – категории состояния. А.Б. Шапиро [1955] ставит под сомнение аргументацию приверженцев этой особой части речи. Анализируя критерии классификации частей речи вообще, автор считает лексический [11] и синтаксический[12] критерии выделения частей речи несущественными. О релевантности морфологического критерия свидетельствует, по мнению А.Б. Шапиро, тот факт, что «грамматическое учение о частях речи не случайно возникло и сложилось в языках флективного строя. Есть все основания считать, что формальные элементы в словах выработались как структурные "отложения" их категориальных лексических значений и синтаксического употребления. [...] Эти структурные черты образуют строгую систему, позволяющую классифицировать слова совершенно независимо от значения их основ и от их функций в словосочетании и предложении» [Шапиро 1955: 43].

Полемизируя с выводами А.А. Шахматова, А.М. Пешковского и Л.В. Щербы о разнородности критериев выделения частей речи, А.Б. Шапиро пытается свести их к одним лишь морфологическим признакам. Однако такая позиция, объясняющая отдельные факты языков с ярко выраженными флективными характеристиками, едва ли может быть полезной для описания всех частей речи в этих языках, не говоря уже о языках иного типологического строения. Поэтому едва ли целесообразно сводить все формальные признаки частей речи только к морфологическим, на чем настаивает автор.

Только при учете разноуровневых формальных признаков может получиться "...определенная система классов слов (конечно, с известными переходными ступенями и смешанными группами)" [Шапиро 1955: 53], о которых пишет автор. Впрочем, сама "традиционная" классификация есть не что иное, как такая система классов или, точнее, своего рода схема, предложенная в свое время для греческого языка и переносимая и "уточняемая" во всех других языках. Только признавая известную абстрактность схемы Дионисия Фракийского, исследователи должны использовать саму идею для описания все новых и новых языков, а не надстраивать на ее материальный каркас все новые и новые "кирпичики".

Очень важно, что А.Б. Шапиро признает возможность существования слов, не принадлежащих к тому или иному классу: "Слова могут, в связи с общим ходом развития языка, выпадать из тех морфологических классов, в состав которых они ранее

---

[10] См. [Алексеев 1955; Батманов 1955; Вэнь Лянь, Ху Фу 1955; Гао Мин-кай 1955; Грунин 1955; Исаченко 1955; Солнцев 1955; Поспелов 1955; Шапиро 1955].

[11] Ср.: "Можно рассматривать части речи в русском языке (как и в любом из существующих языков) как лексические классы слов. Для русского языка это означало бы классификацию слов по значениям их основ. Такая классификация относилась бы к семасиологии, но не была бы грамматической классификацией" [Шапиро 1955: 43].

[12] Ср.: «Можно рассматривать части речи, исходя из функций, выполняемых словом в предложении. Но при такой классификации части речи совпадали бы с членами предложения. Если такая классификация и возможна в языках корневых, ...то в языках флективных она привела бы к тому, что в одну и ту же "часть речи" попали бы слова с самыми различными значениями... и морфологическим строением...» [Шапиро 1955: 43].

входили, не переходя в другие классы, но выполнять при этом те или иные синтаксические функции. Система взаимоотношений между частями речи и членами предложения не испытывает от этого никаких потрясений..." [Шапиро 1955: 54].

Сторонник признания "категории состояния" как особой части речи современного русского языка Н.С. Поспелов подчеркивает, что такие слова "...образуют особую часть речи не потому, что выступают в синтаксической функции сказуемого, а потому, что им присущи специфические для них аналитические формы выражения грамматических категорий времени и наклонения" [Поспелов 1955: 56]. К характерным признакам слов категории состояния автор относит также неизменяемость и определенную грамматическую сочетаемость (с дательным падежом лица, инфинитивом, особой формой придаточности)[13].

Отличие слов категории состояния от перешедших в них кратких прилагательных В.П. Тимофеев [1958] видит в семантическом признаке процессуальности у первых и недейственности у вторых. Автор публикации анализирует набор синтаксических признаков, присущих данному классу слов, выделяя внутри него дальнейшие дробные подклассы[14]. Здесь хотелось бы обратить внимание на один немаловажный факт: путь дробления частей речи на все новые и новые "части", которым первыми в истории языкознания пошли стоики и который, как показала вся более чем двухтысячелетняя история этой проблематики, всегда приводил к увеличению количества классов слов, никогда радикально не решал саму проблему частей речи.

Попытке исторического обоснования становления категории состояния как особой части речи посвящена публикация А.В. Исаченко [1955]. В ней отмечается, что уже «...в греческом и латинском языках намечался особый разряд слов, охарактеризованных внутренним противоречием между их "именным происхождением" и новой сказуемостной функцией. В отдельных случаях этот конфликт устранялся посредством перевода данных слов в класс глаголов» [Исаченко 1955: 55]. Позволим себе обратить внимание на то, что автор говорит, с одной стороны, о частях речи, с другой – о членах предложения. Самый факт выполнения отдельными словоформами функций сказуемого или его части (со связочным глаголом "быть") автором воспринимается как достаточное основание для отнесения их к особой, совершенно новой части речи, ср.: «В единичных случаях этот конфликт между старой формой и новым содержанием так и оставался грамматически не разрешенным. Таким образом, в составе греческого и латинского языка оказалось несколько "беспризорных" слов, успевших уже отойти от именной парадигмы, но еще не успевших сформироваться в особую часть речи. Вот почему традиционная грамматика, базирующаяся, в основном, на изучении классических языков, оставила эти слова без внимания» [Исаченко 1955: 55].

Нельзя не отметить очевидную нелогичность приведенной формулировки: если "конфликт" остался без грамматического разрешения, то совершенно закономерно эти изменения не фиксируются грамматиками; причем не потому, что традиционная грамматика базируется на классических языках, а потому что для языков определенного типа (в частности, языков с ведущими признаками флексии, к которым относятся по преимуществу языки индоевропейской семьи) характерен свой набор критериев выделения и классификации частей речи. Так что ряд словоформ, потерявших некоторые из признаков одной части речи, но еще не приобретших всех признаков другой, совсем не обязаны формировать особую часть речи, а могут до поры до времени оставаться "беспризорными", точнее говоря, принадлежать к разного рода переходным случаям, подтверждая своим существованием диалектическое положение о полевом характере языковых явлений.

Важный вклад в дискуссию о категории состояния внес ученый из Брно Фр. Травничек [1956]. Его работа ставит под сомнение многие популярные положения сторон-

---

[13] См. [Поспелов 1955: 64].

[14] См. [Тимофеев 1958: 94–95].

ников новой "части речи". Во-первых, он отрицает наличие лексических признаков слов "категории состояния": они представляют собою довольно разнородную группу, не имеющую общего лексического значения, кроме того, лексическое значение многих таких слов не определяется вообще, а различий в лексическом значении "категории состояния" и многих имен просто нет, ср.: «...слова *тепло, холодно, весело, уютно, стыдно, ясно, высоко, далеко, поздно, стыд, страх, ужас, пора, время* в тех случаях, когда они выступают в качестве слов "категории состояния", лексически не отличаются от слов *тепло, холодно, стыд, страх* и т.п., употребляемых как имена существительные и наречия» [Травничек 1956: 47]. Во-вторых, он не находит у этой группы слов того специфического набора разноуровневых признаков, которые дали бы право конституирования самостоятельной части речи[15]. Фр. Травничек детально анализирует и другие признаки слов, не позволяющие говорить о "категории состояния" как об особой части речи.

Вопросы теории частей речи русского языка находили свое отражение и на совещаниях, посвященных конкретным задачам научной жизни. Так, 2 декабря 1952 года на расширенном заседании Сектора русского литературного языка Института языкознания АН СССР состоялось обсуждение I тома "Грамматики русского языка". На обсуждении было указано "на отсутствие достаточной четкости в определении понятия частей речи" [Иванчикова 1953: 143]. Показательно, что проблемы частеречной теории обсуждались в связи с проблемами описательной и исторической грамматики, проблемой языка как системы, проблемой формы слова, проблемой грамматических категорий, а также проблемой взаимоотношения лексики и грамматики, словообразования и словоизменения и др., что было отмечено в заключительном слове В.П. Сухотина [Иванчикова 1953: 145].

Большое внимание на страницах "Вопросов языкознания" было посвящено проблеме частей речи в современном китайском языке. Первой в ряду публикаций на эту тему следует назвать работу Н.И. Конрада "О китайском языке", которая послужила затем отправной точкой к лингвистической дискуссии в КНР о частях речи в китайском языке. Статья критикует основные положения концепции Н.Я. Марра о четырех ступенях глоттогонического процесса, где китайский язык занимает самую низкую первую ступень. Проследив историю развития языка на фоне всей истории Китая, Н.И. Конрад доказывает несостоятельность тезиса о низком уровне развития китайского языка и опровергает два широко распространенных положения – о его моносиллабическом характере и аморфности. В связи с отрицанием аморфности китайского языка и наличием в нем грамматики (морфологии и синтаксиса) рассматривается положение о представленности в нем частей речи[16].

Ученый подчеркивает, что "...морфология этого языка располагает целым ассортиментом разнообразных средств выражения форм слова – и синтетических и аналитических" [Конрад 1952: 76] и что синтаксис также обладает набором собственных средств. Так, к синтаксическим средствам Н.И. Конрад относит: "Во-первых, расположение слов в предложении: как правило, подлежащее ставится до сказуемого, определение перед определяемым, обстоятельство после глагола. Во-вторых, использование тех форм слов, которые служат для выражения отношения этого слова к другим, как, например, форма падежей существительного. В-третьих, использование служебных слов, например, предлогов... В-четвертых, групповое оформление ряда связанных между собой по смыслу и примыкающих друг к другу слов, представляющих

---

[15] Ср.: «Если безлично-предикативные слова образуют особую часть речи, то они должны обладать такими свойствами, которыми они отличаются от остальных частей речи, в особенности, от существительных, прилагательных и наречий. Однако свойства слов "категории состояния"... не таковы, чтобы здесь можно было говорить об особой части речи: слова эти остаются именами существительными, прилагательными и наречиями» [Травничек 1956: 48].

[16] Ср.: "Советская синология признает существование в китайском языке частей речи. [ ] ...наличие частей речи в китайском языке предрешает вопрос о существовании в нем грамматики" [Конрад 1952: 76].

в совокупности как бы один член предложения... В-пятых, обрамление слова или группы слов, образующих в предложении в целом определенный его член, с предлогом впереди и послелогом позади... В-шестых, обрамление слова или группы слов составными частями управляющего ими глагола, в этом случае как бы расщепляющегося..." [Конрад 1952: 77]. Из вышеизложенного следует, что части речи китайского языка можно выделять и классифицировать на основании разнообразных формальных – морфологических и синтаксических – признаков, без сомнения, присущих данному языку.

Обзор освещения китайскими лингвистами частеречной проблематики был дан В.М. Солнцевым [1955]. Анализируя ее состояние в Китае с 1898 года (с момента выхода в свет работы Ма Цзянь-чжиуна "Ма ши веньтун"), автор делает важный с точки зрения типологии вывод о роли формальных, в т.ч. морфологических признаков для выделения и классификации частей речи в китайском языке: "Подход китайских лингвистов к проблеме частей речи был обусловлен их пониманием строя китайского языка: никто из китайских авторов грамматических работ не выделял в качестве самостоятельного раздела грамматики морфологию как учение об изменении и строении отдельного слова. [...] Не выделяя морфологию как самостоятельный раздел грамматики, китайские языковеды, тем не менее, находили в китайском языке целый ряд морфологических явлений: аффиксацию, повтор корня, изменение музыкального ударения (тона)" [Солнцев 1955: 107].

Заложенные в начале XX столетия принципы рассмотрения теории частей речи в китайском языке нашли свое продолжение в 50-е годы, когда после лингвистической дискуссии в Советском Союзе началась дискуссия в КНР по проблемам частей речи в китайском языке. Она затронула многие вопросы частеречной теории – от признания самого факта наличия частей речи и критериев их классификации и выделения до количества частей речи на фоне освещения таких вопросов как форма слова в китайском языке, наличие в нем морфологии и др. Наиболее важные и дискуссионные статьи были опубликованы в "Вопросах языкознания"[17].

Статья Гао Мин-кая [1955], впервые появившаяся в 1953 году в октябрьском номере журнала "Чжунго юйвэнь" ("Китайский язык"), характеризует общее состояние частеречной проблематики в то сложное, до предела идеологизированное время. Основным вопросом этой статьи является самый факт существования частей речи в китайском языке. Речь при этом идет о том, стоит ли "...втискивать китайский язык в каноны западных грамматик" [Гао Мин-кай 1955: 49]. О подверженности китайского языкознания тех лет разного рода влияниям извне свидетельствуют даже факты, приводимые самим автором статьи: «После выхода работ Ли Цзинь-си и Ван Ли многие исследователи высказывали мнение, что в китайском языке нет частей речи. После того как в прошлом году вышла статья советского ученого Конрада "О китайском языке", взгляды исследователей вновь изменились: они стали считать, что в китайском языке существуют части речи» [Гао Мин-кай 1955: 49].

Разумеется, такие кардинальные изменения позиции ученых КНР имели под собою прежде всего идеологические основы: отрицание частей речи было своего рода манифестацией национального своеобразия китайского языка, его отличия от языков Европы. В то же время признание частей речи служило признанием правоты сталинского учения о языке, ср.: «Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой "природной материи" не существует...»[18]. Такими формами в китайском языке являются в числе прочих музыкальные тоны. Однако сам Гао Мин-кай считает, что изменение тона вызывает именно изменение значения слова, а не его частеречной принадлежности[19]. В пользу того, что китайский язык не имеет

---

[17] См. [Вэнь Лянь, Ху Фу 1955] и [Гао Мин-кай 1955].
[18] Цит. по [Гао Мин-кай 1955: 50].
[19] См. [Гао Мин-кай 1955: 53].

частей речи, аналогичных частям речи западных грамматик (классов слов), по мнению Гао Мин-кая, говорят следующие факты: "1) у китайских слов нет форм, присущих частям речи (значит, в языке нет и частей речи); 2) соответствующий тон может изменить значение слова (т.е. роль тонов состоит в различении значений); 3) слова с разным значением в разных синтаксических конструкциях выполняют функции разных частей речи, но не имеют форм частей речи" [Гао Мин-кай 1955: 55].

Статья Вэнь Ляня и Ху Фу [1955], опубликованная в том же номере "Вопросов языкознания", полемизирует с работой Гао Мин-кая. Ее авторы не сомневаются в наличии частей речи в китайском языке[20] и значительное внимание уделяют их проблемам классификации. Принципиально важно, что они исходят при этом не из изолированных слов и уделяют основное внимание форме, а не семантике[21]. Набор разнообразных формальных признаков способен однозначно маркировать принадлежность слов к существительным, глаголам, прилагательным и т.д. В китайском языке к таким признакам относятся порядок слов, сочетаемость слов, повтор, звуковые изменения, силовое ударение и тон, аффиксация[22].

Следует, однако, обратить внимание на то, что предлагаемые в ходе дискуссии критерии выделения и классификации частей речи мало чем отличались от традиционного триединства семантики, синтаксиса и морфологии[23]. Тем не менее нельзя не отметить, что китайские исследователи значительное внимание уделяли именно специфическим особенностям частей речи китайского языка, не стараясь найти в них черты индоевропейских языков[24]. Так, важным параметром для выделения и классификации частей речи Люй Шу-сян называет прежде всего "учет всесторонних синтаксических связей слов, реализующихся при сочетании их между собой в словосочетаниях и предложениях"[25], другим способом классификации слов "является классификация их на основе форм повтора"[26]. Таким образом, здесь реально можно говорить о том, что китайские ученые скрупулезно исследуют языковую материю родного языка с учетом особенностей его строения – в плане как морфологии, так и синтаксиса, без оглядок на "образцы" построения грамматик и частеречных систем, будь то греческий, латынь или русский язык.

Роль формальных, в первую очередь, грамматических признаков при выделении и классификации частей речи в китайском языке подчеркивает В.М. Солнцев, ср.: "Сейчас для нас важно другое, а именно, что все они – грамматические признаки, поскольку характеризуют не отдельные слова, а большие группы слов, внутри которых имеются различные по своему конкретному значению слова" [Солнцев 1956: 25]. Грамматические, особенно морфологические признаки представи-

---

[20] Ср.: "Мы считаем, что части речи объективно существуют в нашем языке. Разграничение частей речи проводится для того, чтобы выявить эти объективно существующие категории в виде какой-то системы" [Вэнь Лянь, Ху Фу 1955: 59].

[21] Ср.: "Если классифицировать слова, взятые изолированно, и при разграничении частей речи исходить исключительно из семантики, то полученная классификация, если она и удастся, будет лишена практической ценности" [Вэнь Лянь, Ху Фу 1955: 61].

[22] См. [Вэнь Лянь, Ху Фу 1955: 72].

[23] Ср., например: "Цао Бо-хань предлагает следующие критерии для разграничения слов по частям речи: 1) характер понятия, выражаемого словом, 2) позиция слова в предложении или словосочетании (роль и функция), 3) формы самого слова (словоизменительные и словообразовательные)" [Солнцев 1955: 112].

[24] Ср.: "Люй Шу-сян считает, что классификация слов по частям речи, во-первых, должна максимально учитывать различные особенности слов, во-вторых, в результате классификации слова в основном должны быть закреплены за определенными частями речи (Люй Шу-сян допускает, что некоторое небольшое количество слов может входить в две или три части речи) и, в-третьих, классификация должна быть четкой и определенной, с минимальным количеством двусмысленных случаев" [Солнцев 1955: 114].

[25] [Солнцев 1955: 114].

[26] [Там же].

телей различных частей речи обнаруживаются в китайском языке при сопоставлении не взятых из словаря изолированных безсуффиксальных форм слова, а словоформ с суффиксами[27].

Сопоставление же "нулевых" форм слов китайского языка издавна лежало в основе известного тезиса об отсутствии в нем частей речи[28]. Противопоставление основы и слова в китайском языке основано на отсутствии у первой и наличии у второго словоизменительных аффиксов, их сходство заключается в общем значении, присущем части речи, которое можно было бы назвать категориальным значением: ср.: "Разграничить понятия слова и основы возможно в том случае, если слово способно изменять свою форму. Основа входит во все формы слова как часть его. [...] Поскольку основа является извлечением из ряда форм одного и того же слова как определенной части речи, постольку основа связана со значением определенной части речи. Это значит, что основы могут быть глагольными, именными, качественными и т.д." [Солнцев 1956: 32]. Корень слова отличается от основы тем, что он "...не связан непосредственно со значением определенной части речи, хотя один и тот же корень может входить в слова одного и того же разряда" [Солнцев 1956: 33].

Частеречное противопоставление таких китайских слов как *цзюй* "пила" и *цзюй* "пилить", или *дайбяо* "делегат" и *дайбяо* "представлять кого-либо" основано уже на том, что "каждое из двух слов пары обладает своей системой форм и синтаксических признаков" [Солнцев 1956: 33]. Анализируя различные морфологические формы и синтаксические характеристики этих слов, нельзя не прийти к важному выводу о том, что «...*цзюй* "пила" и *цзюй* "пилить" – это не одно слово, а разные слова с разным лексическим и грамматическим значением» [Солнцев 1956: 34], корни этих слов совпадают, но их основы – разные.

Статьи, затрагивавшие проблемы частей речи, публиковались и в разделах, посвященных истории языкознания и языкознанию за рубежом. Так, затрагивая вопросы истории грамматических учений в Корее, Цой Ден Ху [1954] подчеркивает факт влияния грамматик языков Европы на описание системы частей речи в корейском языке (на примере одной из ранних грамматик – грамматики Ю Гиль Чжуна, вышедшей в 1908 г.). Эта грамматика выделяла в корейском языке существительное, местоимение, глагол, вспомогательный глагол, прилагательное, союз, наречие, междометие[29]. Аналогичную схему частей речи находим и в более современном издании – "Грамматике корейского языка", изданной в 1949 году. Части речи – имя существительное, местоимение, прилагательное, глагол, наречие, а также служебные слова и междометия – рассматриваются во второй части этой книги – морфологии[30].

Несомненный интерес для нас представляет обзор структурального направления в лингвистике, сделанный китайским исследователем Сюй Го-Чжаном [1959] и впервые опубликованный в журнале "Сифан юйянь" ("Западные языки и литературы"). В четвертом разделе статьи, посвященном морфологии, автор анализирует и критикует подход структуралистов к теории частей речи. Отмечая отказ представителей структурального направления от семантики в изучении частей речи и факт того,

---

[27] Ср.: «Но если действительно китайский глагол представляет систему и единство своих разных форм, то нас не должно смущать, что в "нулевой форме" он не имеет материально выраженного суффикса, отличающего его от существительного. Чтобы отличать глагол от существительного, следует сравнить с существительным не нулевую форму, выраженную за счет "нулевого" суффикса, а какую-нибудь другую» [Солнцев 1956: 29].

[28] Ср.: "Понимание китайского языка как системы форм, разграничение понятий слова, основы и корня, позволяет, как нам кажется, предложить решение одного из спорных вопросов проблемы частей речи в китайском языке, а именно вопроса о так называемом употреблении одного слова в функции разных частей речи, т.е. вопроса о так называемой принадлежности одного слова одновременно к двум (а то и к трем) частям речи" [Солнцев 1956: 33].

[29] См. [Цой Ден Ху 1954: 122].

[30] См. [Петрова 1953: 118].

что они "...особенно ярко выступают против традиционного разграничения частей речи в духе латинской грамматики"[31], ученый подчеркивает, что для структуралистов «...позиция – достаточный критерий для деления слов на лексические классы ("word-class", но не "part of speech")» [Сюй Го-Чжан 1959: 55].

Однако результаты такой классификации не способны удовлетворить потребности современного языкознания, что китайский лингвист выразил деликатно, емко и парадоксально: «Если представителей структурального направления не удовлетворяет чрезмерная громоздкость и сложность анализа при определении частей речи (форма слова, синтаксическая функция, значение и т.д.) у лингвистов традиционного направления, и они пытаются определять части речи при помощи единого критерия "заменяемости" или "размещения", стремясь унифицировать этот сложный и запутанный процесс, то их особенно упрекать не приходится. Тем не менее результаты их исследований часто сплошь и рядом дают повод для разочарования. [...] Метод "замещения" очень часто подводит структуралистов. Очень трудно отыскать такое идеальное "окружение", которое позволило бы словам, относящимся к одной части речи, свободно замещать друг друга» [Сюй Го-Чжан 1959: 56].

Подводя некоторые итоги нашего обзора, следует отметить то значение, которое имели дискуссии, по частеречной проблематике в 1950-е годы. Эти обсуждения подтвердили не только огромный интерес к частеречной теории, объясняемый прежде всего ее центральной ролью в описании языковой системы вообще и систем отдельных языков, их групп и семей, но и стремление к конкретному разрешению ряда вопросов этой теории. Анализируя критерии выделения и классификации частей речи, исследователи касались в первую очередь различных аспектов языковой формы разноструктурных языков. Исследование конкретных формальных признаков различных частей речи в языках с непохожими типологическими характеристиками (от русского до китайского), определение релевантности каждого из них для существования той или иной части речи (класса слов) и системы частей речи в каждом отдельно взятом языке приблизило теорию частей речи к установлению системных отношений этих признаков в зависимости от типологических особенностей отдельных языков. Но частеречная проблематика еще ждет своего глубокого, подлинно типологического осмысления...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврорин В.А., Будагов Р.А., Дешериев Ю.Д., Серебренников Б.А., Убрятова Е.И., Шведова Н.Ю. 1953 – Вопросы составления описательных грамматик // ВЯ. 1953. № 5.

Алексеев Д.А. 1955 – Именные части речи в монгольских языках // ВЯ. 1955. № 3.

Батманов И.А. 1955 – Части речи в киргизском языке // ВЯ. 1955. № 2.

Виноградов В.В. 1952а – Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал "Вопросы языкознания" // ВЯ. 1952. № 1.

Виноградов В.В. 1952б – ВЯ. 1952. № 1 – Рец.: Академик И.И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.; Л. 1945.

Вэнь Лянь, Ху Фу 1955 – Части речи в китайском языке // ВЯ. 1955. № 3.

Гаджиева Н.З., Иванчикова Е.А. 1955 – Дискуссия о частях речи // ВЯ. 1955. № 1.

Гао Мин-кай 1955 – Проблема частей речи в китайском языке // ВЯ. 1955. № 3.

Грунин Т.И 1955 – Имя прилагательное в тюркских языках (На материале турецкого языка) // ВЯ. 1955. № 4.

Иванчикова Е.А. 1953 – Обсуждение I тома "Грамматики русского языка" // ВЯ. 1953. № 2.

Исаченко А.В. 1955 – О возникновении и развитии "категории состояния" // ВЯ. 1955. № 6.

Конрад Н.И. 1952 – О китайском языке // ВЯ. 1952. № 3.

Мещанинов И.И. 1959 – Различные виды классификации языкового материала // ВЯ. 1959. № 3.

[31] См. [Сюй Го-Чжан 1959: 54].

Орлова В.Г. 1952 – Обсуждение книги акад. И.И. Мещанинова "Члены предложения и части речи" на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания Академии Наук СССР, проведенном в Ленинграде 19–20 ноября 1951 года // ВЯ. 1952. № 1.

Орузбаева Б. 1955 – Научная сессия, посвященная вопросам киргизского языкознания // ВЯ. 1955. № 3.

Поспелов Н.С. 1953 – Соотношение между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке // ВЯ. 1953. № 6.

Поспелов Н.С. 1955 – В защиту категории состояния // ВЯ. 1955. № 2.

Петрова О.П. 1953 – Вопросы языка в Корейской Народно-Демократической Республике // ВЯ. 1953. № 3.

Санжеев Г.Д. 1952 – К проблеме частей речи в алтайских языках // ВЯ. 1952. № 6.

Солнцев В.М. 1955 – Проблема частей речи в китайском языке в работах лингвистов Китая // ВЯ. 1955. № 6.

Солнцев В.М. 1956 – Проблема частей речи в китайском языке // ВЯ. 1956. № 5.

Сюй Го-Чжан 1959 – Обзор структурального направления в лингвистике // ВЯ. 1959. № 3.

Тимофеев В.П. 1958 – О переходе некоторых кратких прилагательных в категорию состояния // ВЯ. 1958. № 5.

Травничек Фр. 1956 – Заметки о "категории состояния" // ВЯ. 1956. № 3.

Шапиро А.Б. 1955 – Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // ВЯ. 1955. № 2.

Цой Ден Ху 1954 – Из истории языкознания в Корее // ВЯ. 1954. № 4.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

© 2002 г. О.А. ЛАПТЕВА, Г.Ф. БЛАГОВА, М.М. МАКОВСКИЙ, Г.В. СТРОКОВА

КАК ЭТО БЫЛО

Парадокс истории: работы Сталина по вопросам языкознания действительно сыграли в истории этой науки в начале второй половины прошлого века роль, которую без преувеличения можно назвать определяющей. Гонения на сравнительно-историческое языкознание, подмена исторически сложившихся направлений "новым учением о языке", отстранение ярких и талантливых ученых от преподавания (в Московском университете эти кадровые изъятия затронули Московскую лингвистическую школу и близких к ней ученых, например, М.Н. Петерсона) еще долго препятствовали бы естественному развитию языкознания, не будь "руководящего и направляющего" сигнала сверху. Русское языкознание, столь плодотворное своими идеями и масштабными разработками (здесь можно назвать, например, развернувшиеся в 10-е – 20-е гг. XX в. планомерные диалектологические исследования на европейской территории России), оказавшись в 30-е – 40-е гг. зажатым в тиски тем, что мы сейчас называем "административными мерами", и неся потери в своем кадровом потенциале, нередко трагические – вряд ли смогло бы переломить грубую силу внешнего воздействия. Нужен был властный и могущественный импульс извне.

Имя Сталина в исторических условиях того времени определило общественный резонанс событий в языкознании. Дело было вознесено на самый высокий партийный и советский уровень. Одновременно восстановление былых достижений русского языкознания и традиций было столь очевидно необходимым для предотвращения его гибели, что лучшие языковеды, специалисты по языкам разных групп и семей (а многие из них пострадали во времена марризма), повинуясь личному внутреннему долгу перед обществом и наукой, с энтузиазмом занялись созидательной работой.

Новой роли языкознания в общественной жизни, согласно пониманию ситуации партийным и советским руководством, лучше всего должно было отвечать создание общеязыковедческого журнала, объединяющего лингвистические силы страны; предполагалось, что такой журнал должен иметь и общефилософскую марксистскую направленность и стать своего рода "Вопросами философии", но в области языкознания. У В.В. Виноградова был свой замысел журнала по общим проблемам языкознания, и он выступил с инициативой его создания. Так в 1952 году родился журнал "Вопросы языкознания", а идея ЦК по иронии судьбы обратилась в поистине историческое событие.

Новому журналу установили тираж 15 тыс. экземпляров и обязали подписываться на него кабинеты партийного просвещения при райкомах партии. Стоит сравнить эту цифру с тиражами современных лингвистических изданий, чтобы понять, сколь он был завышен. И – снова парадокс: главным редактором журнала был назначен Виктор Владимирович Виноградов (к тому времени директор Института языкознания АН СССР), сын священника (неблагонадежный!), еще совсем недавно опальный и проведший в ссылках годы, хотя и получивший Сталинскую премию в 1951 г. В ЦК понимали, что дутая фигура (наподобие Лысенко) здесь не нужна. Во главе журнала должен был стоять крупный и авторитетный ученый, но он обязан был проводить политику партии, то есть в данном случае – пропагандировать марксизм в языкознании. Это заведомо нежизнеспособное по замыслу сочетание было обречено на провал, однако победила мудрость В.В. Виноградова, который искусно и успешно лавировал в этих условиях.

Он использовал все преимущества такого общественного положения журнала и сделал его самым влиятельным и авторитетным в мире журналом по языкознанию. Печататься в нем считали честью ученые самых разных стран[1]. Как это ему удалось?

Он сразу же вывел журнал из общего фона узкоотраслевых специальных изданий, какими во всем мире обычно и бывают научные периодические или продолжающиеся издания.

Была создана редколлегия из самых известных и плодотворно работающих в науке ученых, представляющих, насколько это было возможно, все отрасли языкознания и многие языки мира. Были привлечены русисты и слависты, романисты и германисты, японисты и китаеведы, монголисты, тюркологи, картвелисты, специалисты по разным языкам на территории СССР.

Вот, например, как проявлялась языковая политика журнала в отдельные годы. В 1962 г. были опубликованы статьи: Арн. Чикобава. К вопросу о первых текстовых записях по горским иберийско-кавказским языкам (№ 4); Г.А. Меновщиков. Язык сиреникских эскимосов (№ 3); М.С. Михайлов. Перифрастические формы турецкого языка (№ 1); Н.В. Солнцева и В.М. Солнцев. К вопросу об агглютинации в современном китайском языке (№ 6).

В 1963 г. вышли статьи: Н.А. Баскаков. К критике новых классификаций тюркских языков (№ 2); Е.А. Крейнович. Об инкорпорировании и примыкании в нивхском языке (1966, № 3) (по кетскому языку он опубликоал статьи в 1961, № 2 и 1969, № 2, а также в 1965, № 3). По частному вопросу фонетики кетского языка была опубликована статья Г.К. Вернера (1969, № 1), по строению кетского глагола статья А.П. Дульзона (1970, № 5), о типологической характеристике нивхского языка писал В.З. Панфилов (1966, № 1), об осетинском именном склонении – Г.Л. Нахуцришвили (1969, № 1), об индонезийском глаголе – Н.Ф. Алиева (1963, № 2).

В 70-е гг. углубленно изучаются эскимосские языки (Г.А. Меновщиков, В.С. Храковский, 1970, № 4), тюркские языки (А.М. Щербак, № 3), в том числе – киргизский (А.-К. Орусбаев, № 4).

Внимание к еще недостаточно изученным многочисленным языкам разных народов в составе СССР, обогащающее науку о языке, соответствовало и "линии партии по вопросам языкового строительства". Такая языковая политика журнала продолжалась в течение всего его существования. Круг изучаемых языков практически не имел границ.

Однако партийная критика не заставила себя ждать. В журнале "Большевик" (№ 16 за 1952 г.) появилась рецензия Н. Касьянова на вышедшие номера ВЯ. В № 5 "Вопросов языкознания" за 1952 г. было напечатано об этом сообщение редакционной коллегии, где были слова: "Рецензия правильно указывает на основные недостатки журнала" и обещание обратиться к вопросам улучшения качества журнала в № 1 за 1953 г. В передовой статье этого номера, написанной В.В. Виноградовым, под прикрытием цитаты из доклада Г.М. Маленкова на XIX съезде партии о необходимости борьбы мнений и дискуссий ставится вопрос о причинах устойчивости словарного фонда языка и о характере его изменений. Это, в свою очередь, дало возможность В.В. Виноградову поставить чрезвычайно важную и к тому времени совсем еще не исследованную задачу изучения путей пополнения словарного состава в новое время. Впоследствии из этой идеи родилось и осуществилось исследование "Русский язык и советское общество", где проводилось последовательное и массовое наблюдение над новыми явлениями в русском языке.

Цензура действовала и прямо. А.Н. Качалкин сопроводил свою статью "Памятники местной деловой письменности XVII в. как источник исторической лексикологии" (1972, № 1) картами приказных изб, разбросанных по всей Руси, не только в городах, но и в небольших поселениях. Подготовленный и сданный в печать номер, как

---

[1] Еще в 1961 г. В.В. Виноградов говорил о задаче "оказания существенного влияния на мировую лингвистическую мысль" (1961, № 5, с. 6).

обычно, был направлен цензору. Он вызвал зав. отделом и стал настаивать на увеличении масштаба карт: малый масштаб был секретным. Но дело кончилось благополучно: удалось доказать, что XVII в. не секретен. Многое зависело от работника журнала. Когда после чешских событий 1968 г. ссылки на работы очень влиятельной у нас Пражской лингвистической школы стали в наших печатных изданиях стремительно убывать, некоторые авторы приходили к заведующему отделом и сами просили убрать из готовящейся к печати статьи эти ссылки, оправдываясь неким мифическим запретом. Редакция брала ответственность на себя, и нужные ссылки проходили. Такая политика породила в других изданиях волну подражания, и единичный прецедент быстро восстановил все сноски на своих местах.

Большой тираж журнала хотя и поддерживался подпиской во многих странах мира, однако неизбежно должен был пойти на убыль. Не увидев в журнале философских марксистских директив, отпали райкомы. Виктор Владимирович пытался опереться на учительство: "...теоретические положения нужно раскрыть на конкретных языковых темах, вошедших в школьную программу" (1952, № 1 : 39). Однако это была утопия. Учительство тоже в основном отпало. Был введен раздел консультаций. В.В. Виноградов стремился к глубокому и всестороннему освещению и анализу (причем это отнюдь не исключало, а наоборот, предполагало научную дискуссию и публикацию оппонирующих друг другу статей[2]) самых различных и обычно весьма сложных теоретических проблем на материале разных языков и силами специалистов по разным направлениям языкознания. "Идеальный тип научной статьи, – писал он, – это ясное и глубокое изложение обобщений, широких выводов, охватывающих большой материал, с краткими, но выразительными, сгущенно доказательными иллюстрациями из этого материала", а это требует долгого кропотливого труда, и статьи не могут, "как град, посыпаться в портфель редакции", объяснял он партийным критикам необходимость обращения к самой сложной и неразработанной проблематике (1953, № 1 : 32).

Тираж журнала к моменту смерти В.В. Виноградова в 1969 г. составлял 6,3 тыс. На уровне 7–6 тыс. он продержался до 1982 г., затем к 1991 г. опустился до 3,7 тыс., а после крушений финансовой системы стабильно держится на уровне приблизительно 1,4–1,6 тыс.

В 50-е и 60-е годы партийное руководство и положение главного редактора советского журнала обязывало Виктора Владимировича регулярно к "красным датам календаря" публиковать передовые статьи (давать материалы с тематикой данного праздника были обязаны даже "Веселые картинки"). Это могло повергнуть в отчаяние кого угодно, но не В.В. Приведя несколько дежурных цитат и фраз, он обращался к постановке самых запутанных и нерешенных вопросов, обосновывал необходимость разработки еще не увиденных и не поставленных новых проблем и высказывал по ним свои суждения, которые почти всегда открывали перспективы исследовательской мысли, побуждали молодых исследователей к сбору новых материалов и в итоге становились основой новых теорий и направлений. И снова парадоксы: специальный журнал становился ареной свободомыслия в науке, ристалищем эзопова языка. И это сходило с рук[3].

---

[2] Исходя из этого, редколлегия опубликовала, например, статью В.И. Абаева об идейном противнике В.В. Виноградова – Н.Я. Марре (1960, № 1). Здесь надо заметить, что сам В.В. Виноградов в ряде статей ("Из истории русской литературной лексики" – она вышла в 1948 г. в "Докладах и сообщениях Института русского языка", вып. 2 и переиздавалась, "О некоторых вопросах русской исторической лексикологии", "Из истории лексикологии") принимал во внимание работы Н.Я. Марра и ссылался на них. При переиздании эти ссылки в ряде случаев снимались, в некоторых же случаях восстанавливались снова. Об этом см. в рецензии И.Г. Добродомова на книгу В.В. Виноградова "История слов" (Philologica, 1995, т. II, № 3–4, М., 1995).

[3] Для старшего поколения российских языковедов памятно, каким событием была публикация первых статей по структурной лингвистике (1956, №№ 5 и 6), первых статей по прикладному языкознанию – это было неслыханной смелостью в условиях, когда в руководящих

Вот примеры таких передовых. 1963 г. № 2: говоря о том, что Институт русского языка АН СССР не оказывает должного воздействия на общественную языковую практику (это отклик на партийную критику), В.В. ставил задачу широкого изучения языка массовой коммуникации. Это определило научную деятельность и коллективов, и отдельных ученых. Силами учеников и последователей В.В. русистика к настоящему времени располагает целыми собраниями материалов и разработок. В передовых 1962 г. №№ 1 и 4 была развернута программа изучения состояния и развития национальных литературных языков народов СССР. Прямо обозначено направление "Язык и общество". В передовой "XXII съезд КПСС и задачи изучения закономерностей развития современных национальных языков Советского Союза" (1962, № 2) ставится задача массового сбора материалов и изучения живой русской речи в бытовой и общественной сферах коммуникации и в частности живой разговорной речи, причем отдельно в исконно русских городских центрах, в русских городах в украинском и белорусском окружении, в иноязычном окружении языков других групп, других типов устной речи, речи художественной, газетной и деловой, разработки вопросов нормализации и культуры речи. В передовой "Языкознание и советское общество" (1962, № 5) говорится о специфической целевой и функциональной направленности речи – познавательной, коммуникативной, художественно-творческой, агитационно-пропагандистской, и это отвечает идеям Пражского лингвистического кружка.

Эти идеи последовательно развивались в других передовых – например, 1959 г. № 3 ("XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза и некоторые задачи русского языкознания"), в передовой в "Известиях ОЛЯ", 1962, т. XXI, вып. 1 ("XXII съезд КПСС и задачи филологической науки"). Заданность жанра ничуть не смущала академика, и эти передовые составили целую серию с последовательным развертыванием идей, определивших во многом и структуру Института русского языка, и круг интересов целой плеяды исследователей, и формирование новых научных направлений. Хотя многое не сделано: выполнено, воплощено в материал далеко не всё.

Для журнала эти передовые были программой действий, определяющей тематическое и проблемное поле журнальных статей, круг отечественных и зарубежных авторов.

Виктор Владимирович ощущал, что пишет для будущего, для молодых. К молодым у него было особое отношение. "Молодым свежим научным силам должна быть предоставлена полная возможность показать свои дарования, публиковать в лингвистических сборниках, ученых записках, журналах итоги своих трудов и разысканий", – писал он в передовой статье «Вопросы языкознания в свете труда И.В. Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" и решений XIX съезда КПСС» (1953, № 1: 18). И так и поступал. Это касалось и вопросов организации редакционной работы, и состава редколлегии, и круга авторов.

Редакционная работа была организована четко и оперативно. В этом и заслуга ответственных секретарей Е.А. Бокарева, В.П. Григорьева, Н.И. Толстого, Г.А. Климова. Одобренная редколлегией статья проходила тщательную текстовую обработку, на первых порах силами заведующих отделами журнала – членов редколлегии и редакционного аппарата[4]. Это было научное редактирование, причем научный редактор нес полную ответственность за правильность цитации и ссылок, а это

верхах к кибернетике относились как к лженауке. А.А. Тахо-Годи рассказывает, как в их дом влетел Э.А. Макаев, сияющий, по-праздничному нарядный, не раздеваясь (против своего обыкновения), прошел в кабинет А.Ф. Лосева и торжествующе водрузил на стол набитый портфель. В ответ на удивленный вопрос: "Что это?" Энвер Ахмедович достал экземпляры: «Это "Вопросы языкознания!" Никто не верил в возможность этого – а вот свершилось! – опубликована статья о структурализме».

[4] Случайно уцелели листы статьи, которую в свое время читал В.М. Жирмунский: они испещрены его замечаниями и исправлениями, касающимися фактического материала статьи, многочисленными вопросами к автору.

значит, что их надо было проверять по первоисточникам – все без исключения. Литературное редактирование осуществляли Лидия Михайловна Радкевич и Валентина Яковлевна Базилева. Лидия Михайловна писала стихи, увлекалась поэтами серебряного века, которых в молодости видела и слушала. Потомок рода Вяземских Елена Петровна Вяземская была техническим секретарем редакции. Все они были бесконечно преданы работе и не представляли себе свою жизнь без журнала. Так и вышло: Валентина Яковлевна умерла на посту редактора, Елена Петровна еще долго жила на пенсии. Лидия Михайловна в конце своих дней редактировала материалы В.В. Виноградова к "Истории слов" (М., 1994), проверяла цитаты и библиографию, к которой составила оригинальный ключ.

В 1956 г. В.В. Виноградов решил изменить структуру редакции и процесс редакционной обработки статей. В редакцию были взяты три совсем молодых научных сотрудника: кандидаты наук М.М. Маковский (ныне он ответственный секретарь и уже 45 лет непрерывно работает в журнале), Г.Ф. Благова и заканчивающая аспирантуру филфака МГУ О.А. Лаптева. Были учреждены должности заведующих отделами (не членов редколлегии), которые они возглавили – по порядку названных фамилий: романо-германское языкознание, языки и письменность народов СССР, русское и славянское языкознание (Г.Ф. Благова и О.А. Лаптева работали до 1975 г.). Они приняли эстафету у Н.А. Баскакова, В.Г. Орловой, Н.Ю. Шведовой и других членов редколлегии. В обязанности молодых научных сотрудников входили все этапы работы с текстом статей для номера, формирование портфеля редакции по своему отделу и доклад о нем на заседании редколлегии, переписка с авторами, рецензирование материалов. В.П. Григорьев наставлял: "Вы работаете в редакции ВЯ и потому не имеете права не знать и не мочь!". Предостерегая нас от буквализма научного слога, он говорил: "...Пишите о картинке так, чтобы не получилось, что на ней изображение кошки схватило изображение мышки". Н.И. Толстой учил нас: отказ автору надо писать так (имелось в виду: доброжелательно, изысканно, убедительно и обоснованно), чтобы ему было приятно его получить, в нем не должно быть слов "неправильный", "ошибочный", оценочных слов и никаких суперлативов. "Дружеское и разумное поведение Н.И. Толстого", по словам В.М. Жирмунского (письмо от 3.VII.1969), спасало положение при любых трениях, которые могли возникнуть в редакции или редколлегии, как в любом творческом коллективе[5].

В редакции сложилось отношение к редактуре как к тщательнейшей работе с текстом, включающей в себя и неспешное продумывание и уточнение авторских положений и формулировок, утверждений и выводов, и устранение противоречий и несообразностей. Такая позиция не исключала сомнений и даже просто неприятия. Молодой тогда Вяч.Вс. Иванов, к которому В.В. Виноградов относился очень нежно и ввел его в состав редколлегии, выражал О.А. Лаптевой свое недоумение: ведь в зарубежных журналах ничего подобного не было, автор нес полную ответственность за то, что он писал. Это так, но, к сожалению, зарубежные журналы по лингвистике пестрели неточностями по части библиографии. Сейчас, оглядываясь назад, сотрудники гордятся тем, что журнальным фактическим материалом можно пользоваться как справочным, не боясь ошибок. Он весь выверен по собраниям книг Ленинской и других библиотек.

Со своей стороны редколлегия стремилась к тому же. Обладая широким кругозором, члены редколлегии при рассмотрении статьи ставили ее в столь широкий научный контекст, что это давало возможность вступить с автором в переписку для обсуждения разных мнений о его произведении. Это касалось и молодых, и маститых авторов в равной мере. Авторам импонировало такое отношение к их тексту, они видели, что редактура улучшает текст, и почти всегда с ней соглашались. Однако без ведома автора или при его несогласии никакое вмешательство в текст не допускалось.

---

[5] В.В. называл Н.И. "синдитиконом" (так в первой трети прошлого века именовался клей).

Виктор Владимирович вел заседания редколлегии артистично и содержательно. По словам Э.А. Макаева, каждое заседание редколлегии ВЯ превращалось в импровизированный урок Учителя. Его эрудиция и память поражали. Начинал он заседание всегда с общих новостей, обычно с новых книг и анализа складывающейся в языкознании ситуации. В первые годы существования журнала зарубежная лингвистическая литература поступала к нам далеко не полно, и узнать о чем-то новом было непросто. В.В. же получал книги и из Союза, и из-за рубежа потоками. В конце его жизни заседания редколлегии проходили у него в Калашном переулке (в доме Моссельпрома, где он жил). В его огромном кабинете, конечно, шкафы и стеллажи были набиты книгами, но им все равно было тесно – они лежали и на стульях, и на всех столах, и на диванах. Круг наших авторов был очень широк, все время появлялись новые имена, и контексты и реминисценции находились в его книгах для каждого.

Нельзя забыть чуть ли не первое упоминание имени Владимира Набокова (Сирина). В.В. только что получил его книгу перевода "Евгения Онегина" на английский язык, где в комментарии развивается мысль о мотивах, связанных с французской поэзией XVIII в.[6] Все слушали его непрерывающийся рассказ затаив дыхание. Со стороны В.В. это была не благотворительность и не плод непомерной увлеченности. Он своей личностью невольно поднимал планку – для всех присутствующих, а тем самым поднимал уровень их мыслей (научных, философских, жизненных) и, соответственно, их работ и – журнала. Вряд ли это было осознанной задачей.

Отношение к молодым исследователям было у В.В. бескорыстно самоотверженным[7]. Когда дело шло о науке, его занятость непостижимым образом отступала на второй план. В.В. не уставал советовать молодым работать в архивах, что тогда не было распространено. В журнале же постоянно печатались архивные материалы.

Отдельно надо сказать о зарубежных связях журнала. Они начали устанавливаться рано, вскоре после его возникновения. Для того времени это было неслыханно. Связь с заграницей "тянула на статью". Однако Виктору Владимировичу, и именно ему, это прощалось, и его связи, начавшись еще до ссылки, к этому времени были интенсивными. Привлечение зарубежных авторов в "Вопросы языкознания" поддерживало общую линию обращения к самым различным языкам. Но новые авторы неизбежно несли и новые идеи, а это расширяло круг теоретических проблем, сближая разделенные железным занавесом науки разных стран. Эта политика журнала нашла отклик у самых авторитетных лингвистов мира. Они широко и охотно печатались в журнале. Достаточно назвать некоторые имена и проблемы.

Э. Бенвенист и Я. Отрембский продолжили дискуссию по армянскому консонантизму (1961, № 3; см. также: 1962, № 2 и № 5), открытую Ж. Фурке (1959, № 6). М. Рясянен (1968, № 1), Дж. Клосон (1969, № 5), Л. Лигети (1971, № 3), Г. Дёрфер (1972, № 3) и др. приняли участие в дискуссии по алтайской гипотезе. В статьях Ю. Немета (1968, № 2) и А. Зайончковского (1968, № 6) обсуждались принципы изучения средневековых памятников тюркской письменности. В.Ф. Мареш (1962, № 6) говорил о раннем периоде морфологического развития славянского склонения. С. Роспонд (1962, № 4) – о перспективах развития славянской ономастики,

---

[6] Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin. Translated from Russian, with a commentary by V. Nabokov. N.Y., 1964. Ср. В. Набоков. Комментарии к "Евгению Онегину" Александра Пушкина (пер. с англ. под ред. А.Н. Николюкина). М., 1999.

[7] Когда О.А. Лаптева подала в журнал свою первую большую статью о разговорной речи, В.В. пригласил ее в свой кабинет академика-секретаря Отделения языка и литературы и, невзирая на ожидающих аудиенции, произнес перед ней полуторачасовой монолог об истоках разговорной речи и ее состоянии в XIX в. Он угадал, что ее волновал вопрос истории разговорной речи, хотя об этом в статье не было ничего. Как пользоваться письменными источниками (дневниками, письмами) для воссоздания этой истории – было предметом этой импровизированной лекции.

а Э. Эйхлер воссоздавал древнелужицкую языковую область по данным топонимики. Е. Курилович обозначил "некоторые фикции" сравнительного языкознания (1962, № 1), В. Дорошевский детализировал теорию знака и означаемого (десигната) (1963, № 2).

Выделяются некоторые направления, активно обсуждаемые и разрабатываемые. Различные вопросы существования литературного языка (стихотворная речь, стандартные языки, теория художественного стиля, соотношение песенной и народно-разговорной речи и другие вопросы) рассматриваются Л. Гальди (1967, № 3), Д. Брозовичем (1967, № 1), Л. Долежелом (1964, № 2), Р.О. Якобсоном (1962, № 3), Й. Хаммом (1964, № 3). Вопросы перевода анализируются Ю.А. Найдой (1970, № 4). Традиционной сравнительной проблематике индоевропейских и славянских, а также балтийских языков в разных ее аспектах посвящены статьи В.И. Георгиева (1963, № 2), Е. Куриловича (1967, № 6), О. Семереньи (1967, № 4), Я. Риглера (1964, № 5), В. Пизани (1966, № 4), Я. Отрембского (1954, № 5–6). О ряде теоретических вопросов синтаксиса писали Фр. Данеш (1964, № 6), Я. Бауэр (1967, № 5, 1963, № 4), морфологии – М. Докулил (1967, № 6) и др.

Активно обсуждались вопросы лексики и словарей (Ф. Славский 1967, № 4; Ф. Безлай 1967, № 4; Ф.В. Мареш 1966, № 5; Л. Мошинский 1966, № 5 и др.). Конечно, было немало методологических статей (У.Ф. Леман 1966, № 1; В. Скаличка 1966, № 4; Р. Ружичка 1966, № 4; Д. Уорт 1964, № 5 и др.). Говорилось о возможности интеграции лингвистических карт – у нас этот вопрос стоял особенно остро из-за технической невозможности издавать отдельные тома Диалектологического атласа русского языка (И.А. Дзенделевский 1963, № 4). Специально рассматривались вопросы лингвистической терминологии и вообще условных обозначений (П. Ивич 1963, № 1).

Здесь названы лишь некоторые направления и темы, представленные зарубежными авторами преимущественно в 60-е гг. Вначале в журнале были лишь единичные публикации этих авторов, однако с 1957 г. их круг неизменно все более и более расширялся, некоторые становились постоянными авторами ВЯ (например, П. Ивич, Е. Курилович, Я. Отрембский). Особенно заметно их имена украшали журнал в 60-х гг. Далее эта политика продолжалась.

Общая проблемная и тематическая политика журнала на протяжении многих лет строилась следующим образом. Каждый номер журнала должен был иметь тематический стержень (в случае, если это не было соблюдено, В.В. говорил: "Это не номер журнала, а сборник статей!"). В каждом проблемно-тематическом цикле последующие статьи расширяли и углубляли предмет исследования и круг проблемных вопросов. Эти циклы предполагали рассмотрение процессов, характерных для разных языков разных семей и групп, а также отдельных особенностей этих языков, часто – в историческом плане. Конечно, активно обсуждались и общеязыковедческие проблемы.

Это требовало привлечения к сотрудничеству в журнале очень широкого круга авторов и поиска новых авторов. Не будет преувеличением сказать, что все сколько-нибудь значительное и интересное, что происходило в лингвистическом мире, попадало в журнал. Это знали. В журнале постоянно появлялись новые авторы: В.М. Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский, В.М. Живов и В.В. Колесов, В.И. Григорьев, картограф Е.М. Поспелов, египтолог М.А. Коростовцев, М.А. Черкасский, Г.А. Лескисс, физик-ядерщик Г.П. Мельников из Курчатовского института, сотрудница библиографического отдела Ленинской библиотеки А.К. Соловьева. Никаких ограничений в привлечении материала разных языков при рассмотрении той или иной проблемы не существовало. Это было возможным только благодаря высочайшей квалификации редколлегии, которая обновлялась каждые пять лет. В этом было и принципиальное отличие картины состояния языкознания, как она представала в журнале, от способов рассмотрения проблем в общем языкознании, где материал отдельных языков по необходимости дан или выборочно, или с предпочтением языка специализации автора.

Именно в ВЯ появилась первая теоретическая статья о русском языке как иностранном (В.В. Виноградов, В.Г. Костомаров "Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев" – 1967, № 2).

В итоге любой читатель-языковед неизменно находил для себя в номере журнала нечто интересное и близкое. Так был решен вопрос тиража. Любопытное личное наблюдение: в домах и на кафедрах у языковедов разных городов и стран обязательно стоит на полке подборка журнала, часто – за все годы его существования. Став лучшим языковедческим журналом мира, он служит источником идей и материала.

Сказанное очень интересно показать конкретно.

Вопросы языковой типологии, типологической характеристики того или иного языка или нескольких (или группы) языков обсуждаются с точки зрения возможностей типологической классификации (В.З. Панфилов, 1969, № 4), типологического изучения грамматики тюркских языков (Н.А. Баскаков, 1969, № 4), типологической характеристики языков тунгусо-маньчжурской группы (О.П. Суник, 1957, № 6), общекартвельского языка-основы (Г.И. Мачавариани, 1966, № 1), типологической характеристики лексико-семантических систем (М.М. Маковский, 1969, № 3), типологии языковых подсистем (Г. Изинг, 1970, № 6), возможностей типологического исследования славянского словарного состава (Н.И. Толстой, 1963, № 1; 1966, № 5). Оказывается возможным устанавливать типологию отдельных категорий, например, рода (О.Г. Карпинская, 1964, № 6), способов выражения единичности и множественности в языках различного типа (Г.А. Меновщиков, 1970, № 1), инфинитива и говорить о диахронической типологии (М.А. Габинский, 1966, № 1). А.Ф. Лосев[8] анализирует логические характеристики методов структурной типологии (1967, № 1). О лингвистических универсалиях писали Ю.В. Рождественский (1968, № 2) и Б.А. Серебренников (1972, № 2).

Соображения о методах исследования, размышления о путях развития современной лингвистики (А.С. Чикобава, 1966, № 4), о современном строении языкознания (Ю.В. Рождественский, 1965, № 3), о человеке и его языке (Р.А. Будагов, 1970, № 6) высказываются и в общеметодологическом плане. И.И. Мещанинов (1968, № 1) думает о возможностях сближения классической и структурной лингвистики (см. также статью: И.И. Ревзин, 1965, № 3), Р.А. Будагов (1972, № 5) рассматривает соотношение принципов экономии и избыточности в развитии и функционировании языка (эта плодотворная идея, восходящая к А. Мартине, активно используется при изучении явлений разговорной и вообще устной русской речи в наше время). В.И. Абаев идет по линии ценностных характеристик "лингвистического модернизма" и ставит вопрос о том, не есть ли это дегуманизация науки (1966, № 4).

Как можно увидеть уже из этого перечня статей по методологии языкознания, журнал не избегал острых дискуссий и даже неадекватных определений и номинаций. В нем синхронно отражалась злободневность. Редколлегия этому не только не препятствовала, но даже и способствовала, публикуя материалы, расходящиеся с точкой зрения редакции или, более того, ей противоречащие (см., например, статью Ф.П. Филина 1967, № 3 и нек. др. См. также сн. 2). Н.И. Конрад неоднократно повторял китайский афоризм: "Пусть расцветает сто цветов".

Строились серии статей и по отдельным отраслям языкознания: фонетике и фонологии, синтаксису, семантике, этимологии. Здесь можно назвать такие статьи. По фонетике: П. Ивич, Расширение инвентаря фонем и число дистинктивных возможностей (1970, № 3); В.К. Журавлев, К проблеме нейтрализации фонологических оппозиций (1972, № 3); Я.Б. Крупаткин, Фонологический вариант фонемы и не-

---

[8] С А.Ф. Лосевым В.В. Виноградова связывали давний интерес к научному творчеству друг друга и взаимоподдержка. В частности, на заседаниях редколлегии ВЯ неоднократно приходилось слышать при упоминании книги, что В.В. выписал ее из-за границы именно для А.Ф. Лосева или А.А. Тахо-Годи.

смыслоразличительные оппозиции (1971, № 3); А.С. Либерман, Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков (1971, № 3); В.Б. Касевич, Логические аспекты понятия фонемы (1971, № 5); В.М. Панов, О разграничительных сигналах в языке (1961, № 1); Ф.Т. Жилко, Особенности контрастов фонетического уровня в украинском языке (1971, № 2); В.В. Колесов, Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков (1971, № 4); Т.Я. Елизаренкова, Дифференциальные элементы согласных фонем хинди (1961, № 5). Одно было обязательно – в основе статьи должна лежать интересная и новая идея, см. статью: Е.А. Брызгунова, Смыслоразличительные возможности русской интонации (1971, № 3).

Статьи по русскому синтаксису: Н.Ю. Шведова, О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (1964, № 2; см. также 1968, № 2); статьи Н.С. Поспелова (1961, № 6); Е.А. Иванчиковой (1965, № 5); Н.Н. Прокоповича (1965, № 6); Г.А. Золотовой (1967, № 6); Д.С. Станишевой (1968, № 1); А.В. Бондарко (1967, № 1). О словообразовании писал В.П. Григорьев (1961, № 5).

Статьи по семантике: В. Бланар, О внутренне обусловленных семантических изменениях (1971, № 1); К.И. Ходова, Осуществление нейтрализации семантических противопоставлений (1970, № 5); И.К. Сазонова, Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова (1971, № 6); Л.Н. Засорина, В.Н. Мороз, О принципах семантического анализа (1971, № 6); Ю.Д. Апресян, О дискуссионных вопросах теории семантики (1971, № 1). О сопоставительном анализе при изучении структуры значения слова писал В.Г. Гак (1966, № 2).

Статьи по этимологии: О.Н. Трубачев, Этимология древнейших славянских терминов родства (1957, № 2); он же, Принципы построения этимологических словарей славянских языков (1957, № 5); подборка статей "Обсуждение проблем общей и славянской этимологии" (1967, № 4); Э.В. Севортян, Об "Этимологическом словаре тюркских языков" (1971, № 6).

Как видно, в основе подобных публикаций лежит идея, часто дискуссионная, особый авторский взгляд на проблему и исследуемое явление.

Принципы создания диалектологических атласов обсуждались в журнале на материале различных языков: тюркских (В.М. Жирмунский, 1963, № 6; 1971, № 4; Н.А. Баскаков и др., 1966, № 3), славянских (серия статей об общеславянском лингвистическом атласе с обзором многих точек зрения разных славистов 1963, №№ 1, 3, 4, 5). М.А. Бородина и Н.Н. Мильман писали о реконструкции лингвогеографической карты (1972, № 3). Семантические изоглоссы на славянской языковой территории обозначила В.Ф. Коннова (1972, № 5). Разные аспекты современной диалектологии рассматривались на материале русского языка (В.Г. Орлова, 1957, № 1; 1961, № 1; К.В. Горшкова, 1964, № 5; К.Ф. Захарова, 1971, № 2; В.М. Живов, там же; И.А. Оссовецкий, 1961, № 4); украинского языка (Ф.Т. Жилко, 1957, № 5; Т.В. Назарова, 1968, № 5; 1971, № 20); литовского языка (Ю.Ю. Сенкус, 1957, № 5), белорусского языка (Н.Т. Войтович, 1971, № 4). О классификации армянских диалектов писал Г.Б. Джаукян (1972, № 4). Освещались и особенности социальных диалектов (Ст. Стойков, 1957, № 5).

Много внимания уделялось генезису и истории разных языков и отдельных их явлений. В связи с вопросом о происхождении восточнославянских языков Ф.П. Филин рассматривал древнерусские диалектные зоны (1970, № 5), В.Н. Чекман – развитие белорусского консонантизма (1969, № 2); опыт генетической и типологической реконструкции кавказских языков принадлежит К.-Х. Шмидту (1972, № 4); о генезисе "пеласгского" догреческого слоя писал Л.А. Гиндин (1971, № 1), о ликийском языке – В.В. Шеворошкин (1968, № 6), о диахроническом взгляде на картвельские языки – Т.В. Гамкрелидзе (1971, №№ 2 и 3), о тангутском языке и тангутской письменности – Н.И. Конрад (1961, № 3). Г.К. Вернер предложил реконструкцию слоговых тонов в енисейских языках (1972, № 3). О языковом родстве и языковых союзах см. статью Г.В. Церетели (1968, № 3), о гипотезе внутреннего родства кавказских языков – Г.А. Климов (1968, № 6).

Индоевропейские, балто-славянские и праславянские реконструкции, а также реконструкции "протогерманские" активно рассматривались в журнале в 60–70-е гг. В эти годы опубликованы статьи многих авторов, в их числе В.М. Жирмунский, М.В. Раевский, Е. Курилович, В.Н. Топоров, Б.К. Гигинейшвили, Э.А. Макаев, И.А. Перельмутер, Г. Фохт, В.У. Дресслер, Л. Мошинский, П. Ивич, Я. Риглер, В.А. Дыбо, Ф.П. Филин, С.Б. Бернштейн и другие лингвисты.

Теоретические вопросы перевода освещались Е.Г. Эткиндом, А.Д. Швейцером, Ю.А. Найдой, В.Ю. Розенцвейгом, А.В. Федоровым и другими авторами.

Вопросы стиховедения и поэтики также занимали в журнале немалое место, и здесь сказались широкие филологические интересы В.В. Виноградова. Рассматривались эти вопросы преимущественно на материале русской поэзии, но не только. Журнал привлек здесь таких авторов, как А.Н. Колмогоров, А.М. Кондратов, М.Л. Гаспаров, А.Л. Жовтис, М.Г. Тарлинская и др. Из архивов были извлечены и опубликованы статьи Г.Р. Тукумцева "О лингвистической сущности ритмо-мелодики" (1966, № 3) и В.Я. Брюсова (!) "Что такое стих" (публикация С.И. Гиндина, 1968, № 6).

Естественно, активно обсуждались вопросы формирования и развития славянских литературных языков и в особенности русского. Это подборки "Об образовании восточнославянских национальных литературных языков" (1961, № 1, 2, 5); статьи Г.К. Венедиктова (болгарский), Е.И. Деминой (болгарский), Л.Н. Смирнова (словацкий), Л.П. Жуковской, самого В.В. Виноградова, С.И. Коткова, В.М. Русановского (о норме), Ю.С. Сорокина, А.И. Домашнева (о национальном варианте литературного языка), Р.М. Цейтлин (о лексике в старославянских памятниках), Т.М. Николаевой (о спонтанной речи) и других авторов.

В начале 50-х гг. прошла дискуссия о стилистике, итоги которой подвел В.В. Виноградов. В дискуссии обсуждались вопросы природы и характера языкового и речевого стиля, соотношения языка художественной литературы и литературного языка; позднее были опубликованы статьи К. Гаузенбласа «К уточнению понятия "стиль" и к вопросу об объеме стилистического исследования» (1967, № 5) и Р.Р. Гельгардта "О стилистических категориях" (1968, № 6). В журнале освещались основные направления русистики, в их числе вопросы составления академической грамматики русского языка, над которой работал большой коллектив под руководством Н.Ю. Шведовой. Первые исследования русской разговорной речи появились именно в "Вопросах языкознания".

Этот далеко не полный обзор, охвативший период от конца 50-х гг. до начала 70-х, имел лишь одну цель – в общих чертах обозначить содержательный и проблемный облик журнала. В эти годы журнал складывался и формировался. Он креп, опираясь на те основы журнальной политики, которые были заложены и воплощены при В.В. Виноградове. Его всеохватывающая личность определила направление журнала на годы вперед. Хотелось передать атмосферу того времени, когда журнал обретал лучшие свои качества.

После смерти В.В. Виноградова с января 1970 г. журнал возглавил его заместитель и давнишний товарищ Виктор Максимович Жирмунский – вплоть до своей смерти в 1971 г. После него главным редактором стал Федот Петрович Филин – тоже вплоть до своей смерти в 1982 г. Затем журнал возглавил Георгий Владимирович Степанов (в свое время его "открыл" и привлек к сотрудничеству в ВЯ В.В. Виноградов) – он умер в 1986 г. Затем – Т.В. Гамкрелидзе. После него – Никита Ильич Толстой, скончавшийся в 1996 г. Все главные редакторы продолжали традиции, заложенные В.В. Виноградовым. Направление журнала оставалось виноградовским. Н.И. Толстой, ученик В.В. Виноградова, и при нем много способствовавший привлечению новых авторов, похожий на него огромной эрудицией, тесно связанный со славистами многих стран, был особенно силен в открытии талантов. Умерли и многие члены редколлегии, очень много сделавшие для журнала и оставившие в нем частицу души.

Пятьдесят лет стали нашей историей.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

© 2002 г. Г.Ф. БЛАГОВА

О РАБОТЕ В.М. ЖИРМУНСКОГО В ЖУРНАЛЕ "ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ" И О ЕГО РОЛИ В ПОДГОТОВКЕ "ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ"*

I. Значимой страницей жизни В.М. Жирмунского явилась работа его в качестве заместителя главного редактора журнала "Вопросы языкознания" во втором (по времени) составе редколлегии (член редколлегии с 1958 г., зам. главного редактора с 1959 г. [Берков и др. 2001 : 7].

В.В. Виноградова и В.М. Жирмунского, петроградцев по университетской выучке и последующей работе в университете, связывали давние товарищеские отношения – еще по их совместной деятельности в Секции художественной речи Отдела словесных искусств Государственного института истории искусств [Академик В.В. Виноградов 1970: 3]. Как писал Виктор Максимович в письме от 3.VII.1969 (ПФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 3. № 982), в молодые годы они с Виктором Владимировичем были очень дружны. Общение двух академиков на заседаниях редколлегии ВЯ было доверительно-уважительным: они обращались друг к другу по имени-отчеству, но на "ты", и это каким-то образом приобщало к высокому миру их отношений и нас, молодых тогда сотрудников редакционного аппарата, присутствовавших на этих заседаниях по долгу службы.

Многое сближало В.В. и В.М. в их судьбе. Для молодого В.М. Жирмунского был характерен "живейший интерес к новоевропейской литературе, к романтизму, а также к философским течениям эпохи романтизма" [Берков и др. 2001:10]. В.В. Виноградов также имел вкус и склонность к литературоведческим исследованиям: «Достаточно вспомнить его ранние работы "Гоголь и натуральная школа" (1925), "Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский" (1929), работы о Пушкине и Достоевском...» [Академик В.В. Виноградов 1970: 18]. Тем не менее известные реалии советской действительности и обстоятельства жизни каждого из этих ученых вынудили их выдвинуть для себя на первое место лингвистику как не столь политизованную область филологии по сравнению, например, с литературоведением[1]. Известны такие факты, как арест В.В. Виноградова, тюрьма, ссылки в Вятку (1934–1937), с последующим лишением его права на проживание в Москве – по устному сообщению Н.М. Виноградовой-Малышевой, и в Тобольск (1941–1944).

Возможно предположить, что мысли о переключении на тюркологию стали приходить в голову В.М. после арестов его в 1933 и 1935 годах – "в связи с работой над

---

* Доклад, прочитанный на Конференции, посвященной 110-летию со дня рождения акад. В.М. Жирмунского (СПб., 1–4 октября 2001; Санкт-Петербургский научный центр РАН, Институт лингвистических исследований РАН).

[1] К тому же, как говорил профессор кафедры тюркской филологии Московского университета В.М. Насилов, если современный языковед захочет заниматься литературоведением, то у него это получится, а вот если литературовед попытается заняться языковедением, то это вряд ли удастся.

диалектами советских немцев" [Берков и др. 2001 : 6]. После третьего ареста[2] и начала войны с немцами стало ясно, что этот диалектный материал будет закрыт для него или станет труднодосягаем (из-за депортации "немцев-колонистов" на окраины нашей Родины). Бесспорно, активизации интереса В.М. Жирмунского к тюркским языкам послужило пребывание его в Ташкенте во время эвакуации[3] (см. об этом ниже).

Два академика были единомышленниками в отношении журнала, по крайней мере, в отношении способов его ведения в условиях тогдашней непростой жизни. Их сближало и то, что оба они были людьми бесстрашными, закаленными в суровых испытаниях, выпавших на долю каждого из них, и бесконечно преданными своему Делу. Журнал "Вопросы языкознания" они высоко ценили за возможность использования его в качестве всесоюзной трибуны для распространения передовой лингвистической мысли. Академики со своим высоким научным авторитетом могли позволить себе "играть с огнем". Получив руководящие "ЦУ" из самых высоких инстанций, умелыми ходами и действиями они сводили их выполнение к чисто формальной стороне, ухитряясь не затрагивать существа. Один из ярких примеров – это как писались в ВЯ передовые ко всяким официальным датам (см. об этом [Лаптева и др. 2002: 50–51]). Оказалось, что при твердости жизненной позиции и умной, трезво рассчитанной смелости и в те времена в языкознании можно было писать о том, что было насущно необходимым для прогрессивного развития отечественного языкознания. В этом состоит нравственный урок, который преподали нам В.В. Виноградов и В.М. Жирмунский.

В.М. энергично включился в редакционную работу – читал огромное количество редакционных поступлений, в том числе и графоманских (с тем чтобы убедиться в справедливости отказных писем). О большей части статей из портфеля редакции он имел собственное суждение. Систематически приезжая в Москву на заседания редакционной коллегии, он принимал активное участие в обсуждении всех наиболее важных статей, определяющих "лицо" журнала, а также в обсуждении состава и содержания очередных формируемых номеров журнала. При этом он всей душой радел за статьи "своих" – ленинградских – авторов.

Требовательность Виктора Максимовича в научном отношении общеизвестна. Случайно уцелел один лист из теоретической статьи, которую читал В.М. Поля статьи испещрены вопросами к автору, критическими замечаниями, уточнениями и дополнениями, ссылками на неиспользованную литературу вопроса; здесь же походя высказывалась мысль о том, что "язык писателя требует историко-филологического исследования, не узколингвистического".

Столь же требователен был В.М. и к своим работам. Его статьи по тюркологии, печатавшиеся в ВЯ, всегда были тщательно выполнены с максимальным учетом всех полиграфических возможностей, особенно памятна мне работа над его статьей "Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха" (ВЯ. 1964. № 4). Для показа многочисленных перекрещивающихся

---

[2] Во время первого и третьего ареста пребывание Виктора Максимовича в тюрьме длилось по одному месяцу, во время второго ареста – два месяца. Нельзя забывать и о сокрушительном ударе, нанесенном ему "кампанией борьбы против космополитизма" в 1949 г.

[3] В письмах к И.В. Стеблевой, опубликованных В.М. Алпатовым, Н. Поппе с чрезмерной легкостью судит о том, с какой "легкостью" В.М. Жирмунский "от своей германистики перескочил на фольклор тюрков, не зная совершенно тюркских языков" [Алпатов 1996: 122]. Он же упрекает В.М. в том, что тот примкнул к марровскому "новому учению о языке". В условиях того времени и В.В. делал ссылки на работы Н.Я. Марра, см. [Лаптева и др. 2002: примеч. 2 к с. 50]. Вместе с тем, на заседаниях редколлегии В.В. неоднократно говорил о том, что в административном распространении этого учения главную роль играл не Н.Я., а лица из его окружения, вроде В. Аптекаря и ему подобных. Сам же Марр активности в этом не проявлял, более того, он тяготился популяризацией своих идей. Из его письма Игнатию Юлиановичу Крачковскому от 8.V.1926: "В четверг Бодуэн де Куртене в 11 ч. утра хочет глубже проникнуть в положение дела у меня по вопросу о яфетидизме. Как это, увы, трудно и боюсь мало помогу делу" (ПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 2. Д. 50).

аллитераций В.М. использовал игру шрифтов. В век компьютеров этот прием требует напряженного внимания оператора. При линотипном наборе, да еще жуткой запущенности наборных касс в академической типографии приходилось вручную разыскивать чуть ли не каждую транскрипционную литеру. А для курсивного носового ŋ например, пришлось использовать совсем другой знак – ɲ , предварительно отрубив от него "заплечики".

Редакция ценила работоспособность и вкус В.М. к журнальной деятельности, его готовность проконсультировать по любому, самому сложному вопросу, его открытость, доступность, простоту в общении, доброжелательность. К Виктору Максимовичу вполне можно отнести слова, сказанные им С.Е. Малову в письме от 7.I.1943: "Я знаю, как Вы непременно готовы бываете помочь товарищеским советом и помощью всем, кто работает в области Вашей специальности" (см. также о его "отзывчивости по отношению ко всем нуждающимся в Вашем совете и помощи" – письмо от 3.II.1942: ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 98). Достойно сожаления, что этих качеств В.М. Жирмунского как бы и не заметил один из его современников. В письме И.В. Стеблевой Николас Поппе огульно упрекал советских филологов, в том числе В.М. Жирмунского и Н.К. Дмитриева, в мнительности и подозрительности [Алпатов 1996: 121–122, 119]. Николас Поппе полностью абстрагировался от реалий предвоенной российской действительности. Похвалы его удостоился расстрелянный А.Н. Самойлович [Алпатов 1996 : 119, 126].

В.М. Жирмунский не жалел времени на интенсивную переписку с сотрудниками редакции. Иногда, правда, мы получали от него гневные письма – в случае если он, к примеру, вовремя не получил запрошенную им статью. Но был В.М. отходчив – стоило внятно объяснить, что задержка произошла не из-за нерадения, а в силу сложившихся обстоятельств.

В.М. проявлял интерес к собственной научной работе сотрудников редакции. Благодаря этому и фактически по инициативе Виктора Максимовича на страницах ВЯ появились первые опыты по тюркской исторической диалектологии, только еще зарождавшейся в 60-е годы. Эти статьи были дважды им прочитаны; авторам были сообщены – в самой доброжелательной форме – его указания, советы, зарубежная литература вопроса[4]. В.М. Жирмунский считал важным соблюдение следующих требований: 1) системность как сопоставления фонетических и (или) морфологических явлений, так и отбора различительных признаков; 2) полнота круга изучаемых диалектов; 3) нанесение различительных признаков на карты, хотя бы и на самые схематические.

После кончины В.В. Виноградова (1969) в начале 1970 г. В.М. Жирмунский был назначен и.о. главного редактора ВЯ. Еще не оправившись после перенесенной операции, Виктор Максимович – в сопровождении своей супруги Нины Александровны – приезжал из Ленинграда к нам на Кузнецкий мост проводить заседания редколлегии. Терпеливо разбирал "завалы" в портфеле редакции, стремясь найти в них то рациональное, что можно было использовать в очередном формируемом номере. Заседаний редколлегии не было давно, нужны были решения по многим статьям. В этом ему помогал Н.И. Толстой, которого В.М. уважал за "дружеское и разумное поведение" в любых, даже и осложненных ситуациях (письмо от 3.VII.1969: ПФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 3. № 982). В.М. и Н.И. в своей многотрудной работе опирались на слаженный редакционный аппарат ВЯ, созданный благодаря усилиям В.В. Виноградова.

II. Обращение к архивным материалам, хранящимся в ПФ АРАН, позволило внести существенное уточнение в тюркологическую часть научной биографии В.М. Жирмунского. Вопреки укрепившемуся мнению [Берков и др. 2001: 20], письменные

---

[4] В частности, В.М. Жирмунский обратил внимание авторов статьи на "карты очень поучительные в методическом отношении" в публикации 1941 г., не полученной в Советском Союзе [Frings 1941].

свидетельства позволяют считать, что востоковедческие штудии ученого начались не в Средней Азии во время эвакуации, а гораздо раньше – в довоенном Ленинграде. По всей вероятности В.М. принимал участие в том же самом маловском семинаре, о котором с большой признательностью вспоминала В.Н. Ярцева, почитавшая Сергея Ефимовича своим учителем в тюркологии.

В письме С.Е. Малову из эвакуации от 3 февраля 1942 г. В.М. сообщал: «В Ташкенте я, естественно, решил продолжить свои востоковедческие штудии и, помня о наших разговорах на эти темы, я и позволяю себе обратиться к Вам за консультацией. Я очень энергично занялся здесь узбекским языком... Смотрю на эти занятия как на некоторой ключ к тюркским языкам вообще... и как на подступ к "эпическим штудиям" в области этих языков, на которые Вы меня в свое время толкали. По-прежнему собираю материал для книги по сравнительному изучению героического эпоса. ...нет ли чего-нибудь вроде сравнительной грамматики (фонетики и морфологии) тюркских языков или, по крайней мере, не можете ли рекомендовать какую-нибудь грамматику одного из тюркских языков, в которой вопросы научные, историко-грамматические и сравнительно-грамматические были бы разработаны в более широкой перспективе...» (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 98)[5]. В.М. намеревался также изучать историю среднеазиатско-тюркских языков. Столь же интенсивно и целенаправленно тюркологические штудии продолжались и в послевоенное время. В открытке из Фрунзе от 12 сентября 1947 В.М. сообщает С.Е. Малову, что во Фрунзе он «усиленно занимается "Манасом" и "Семетеем", учится по-киргизски и пишет по эпосу», а в заключение обращается с просьбой к С.Е.: "Надеюсь, Вы позволите мне опять заниматься у Вас" (ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 98).

Контакты В.М. с Маловым, который был для него "лучшим из тюркологов", поддерживались до последних дней Сергея Ефимовича. Так, в письме от 20 июля 1956 г. С.Е. благодарит В.М. за его "дорогой во всех отношениях подарок [книгу] "Немецкая диалектология"»[6].

В.М. Жирмунский как великий германист, историк языка и диалектолог подарил тюркологам идею "Диалектологического атласа тюркских языков" и помог эту идею реализовать. Доклад на эту тему он сделал в 1963 г. во Фрунзе на IV региональном совещании по диалектологии тюркских языков. Публикация в журнале "Вопросы языкознания" этого доклада в 1963 г., как и другие две его публикации по этой тематике [Жирмунский 1963; 1966; 1971], имели принципиальное и стимулирующее значение: в них "были изложены теоретические основы составления Диалектологического атласа тюркских языков СССР и предложен комплекс рекомендаций для его создания" [Ширалиев 1979: 3].

Разумеется, идея атласа была подхвачена тюркологами. Предложенные В.М. Жирмунским рекомендации были уточнены в процессе работы тюркологов Института языкознания АН над "Вопросником ДАТЯ СССР". Подробно история подготовки ДАТЯ изложена в статье руководителя этой коллективной работы М.Ш. Ширалиева [Ширалиев 1979: 3–8], а также сотрудников сектора тюркских языков Института языкознания АН [Баскаков и др. 1966; Покровская 1971: 115–119; 1972: 126–128; 2001: 108].

Советским комитетом тюркологов (СКТ) было организовано региональное и межрегиональное руководство по подготовке атласа, способствовавшее вовлечению отрядов диалектологов в работу по каждому из пяти тюркоязычных регионов. Составление ДАТЯ СССР стало плановой работой СКТ. Так что В.М. Жирмунский имел все основания констатировать с удовлетворением: "...тюркология была... областью,

---

[5] Сравнительная грамматика тюркских языков появилась через 14 лет после этого запроса, см. [ИСГТЯ I; ИСГТЯ II; Щербак 1970; 1977; 1981].

[6] В открытке от 29 октября 1956 г. Малов пишет В.М.: «Я получил давно через А.М. Щербака Ваш подарок "Историю немецкого языка" и очень благодарю Вас за него!» [ПФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 98].

в которой ждали моего совета и охотно к нему прислушивались" (письмо В.М. от 3.VII.1969: ПФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 982).

С 1972 г. в планы соответствующих научно-исследовательских институтов тюркоязычных республик и областей была включена всесоюзная тема "Диалектологический атлас тюркских языков СССР". Совещание представителей коллективов, работающих над атласом (апрель 1972, Баку), вынесло решение вести работу по подготовке ДАТЯ по четырем зонам, наметив их центры и утвердив руководителей: А – Кавказ (Баку; М. Исламов): азербайджанский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, гагаузский, караимский языки; В – Поволжье (Казань; Л.Т. Махмутова): татарский, башкирский, чувашский языки; С – Средняя Азия и Казахстан (Ташкент; Ш. Шаабдурахманов): казахский, киргизский, узбекский, туркменский, уйгурский, каракалпакский языки; D – Сибирь (Новосибирск, Е.И. Убрятова): якутский, тувинский, хакасский, алтайский языки.

Вначале работа шла по зонам – определение пунктов анкетирования, сбор материала по Вопроснику и проч. Однако вскоре своего решения потребовали такие важные вопросы, как общая транскрипция, изоглоссирование и выбор единой системы знаков для отражения изоглосс на картах, картографирование.

В развертывании работы над ДАТЯ СССР большую роль сыграли личные контакты двух академиков – В.М. Жирмунского и А.Н. Кононова, первого председателя СКТ. Они были товарищами и тесно сотрудничали при подготовке к изданию огузского героического эпоса "Книга моего деда Коркута" [Коркут 1962]. Недаром одну из своих статей по вопросам ДАТЯ В.М. опубликовал в сборнике, посвященном 60-летию А.Н. Кононова [Жирмунский 1966].

По просьбе А.Н. Кононова В.М. Жирмунский обеспечил составителей ДАТЯ СССР квалифицированной помощью со стороны своих учеников и коллег – ленинградских специалистов по лингвистической географии и ареалогии. Он "прикомандировал" к ДАТЯ проф. М.А. Бородину, которая позднее стала научным консультантом по лингвистическому картографированию. При встрече Андрей Николаевич сказал Мелитине Александровне: "Обучите наших диалектологов вашей грамоте".

Под руководством М.А. Бородиной был создан постоянный семинар по тюркской лингвистической географии для составителей ДАТЯ. Первый такой семинар, носивший учебно-организационный характер, состоялся в феврале 1977 г. в Ленинграде при Географическом обществе СССР (Академия Наук СССР). Семинар был организован в соответствии с планом работы Советского комитета тюркологов (СКТ) и проведен Лингвогеографической группой ЛО Института языкознания под руководством М.А. Бородиной и при содействии Географического общества СССР (К.А. Звонарев). Семинар ознаменовал собой новый этап в подготовке ДАТЯ, положив начало координированной обработке собранных материалов. Ознакомление с существующими отечественными и зарубежными диалектологическими атласами и методиками их составления сочеталось с практическими занятиями. Прежде всего была подготовлена "Сетка опорных пунктов ДАТЯ", без которой переход непосредственно к составлению карты-основы ДАТЯ был невозможен. Была осуществлена сквозная нумерация пунктов по зонам, изготовлена карта-основа с нанесением на нее указанных пунктов и их нумерации. Подготовленный начальный вариант карты-основы (в его подготовке и последующем издании принял участие ученый-картограф Б.Н. Рубцов) позволил приступить к работе по картографированию на местах.

Участники семинара обсудили вопросы, касающиеся состава карт ДАТЯ, а также способов изображения языковых явлений на картах разного типа. Для пробного картографирования были отобраны наиболее показательные языковые явления из числа обследованных по программе "Вопросника ДАТЯ СССР" [Бородина и др. 1977].

Второй такой семинар был проведен в феврале 1978 г. в рамках IV симпозиума "Ареальные исследования в этнографии и языкознании" на секции "Проблемы тюркоязычных ареалов": приняты уточнения окончательного варианта сетки; собранные материалы переведены на Международный фонетический алфавит; разра-

ботана система языка карты по 12-ти фонетическим вопросам и по 5-ти лексическим с последующим нанесением соответствующих явлений на карты по зонам [Бородина и др. 1978].

Географическое общество СССР содействовало подготовке окончательного, переработанного варианта карты-основы ДАТЯ и изданию ее тиражом 200 000 экз. через ГУГК для обеспечения ею всех участников этого предприятия.

По решению Семинара в дальнейшем проводились координационные совещания четырех зон – в Ташкенте (декабрь 1978 г.), Новосибирске (1979 г.) и в других центрах зон.

На заключительном этапе работы ДАТЯ СССР был включен в план ИИФиФ Сибирского отделения АН СССР на 1985–1986 гг. Перед исполнителями – Е.И. Убрятовой, Н.Н. Широбоковой и Т.А. Андреевой – встала трудная задача составления сводных таблиц и карт. Картографический материал был сконцентрирован на двухстах картах, из числа которых окончательно подготовлены фонетические карты. Именно они были отобраны для пробного тома ДАТЯ, поскольку при составлении карт по морфологии, особенно по глаголу, возникли сложности.

Усилиями Н.Н. Широбоковой, Е.И. Убрятовой и Т.А. Андреевой (при консультативном участии М.А. Бородиной) был создан и подготовлен к печати пробный (фонетический) том ДАТЯ СССР. Пробный том в полном объеме сдан на Новосибирскую картографическую фабрику. В 1975–1986 в мои обязанности как ученого секретаря СКТ входила вся переписка, в том числе с картографической фабрикой, с руководством Сибирского Отделения АН СССР. К ученому секретарю СКТ стекалась информация о деятельности всех тюркологических центров страны, каждого тюрколога и в первую очередь о плановых работах СКТ, среди которых на первом месте числился ДАТЯ СССР. Поэтому обо всем сказанном выше знаю не понаслышке: я рада, что благодаря своей осведомленности могу выполнить долг памяти перед В.М. Жирмунским.

Из-за финансово-экономических трудностей после неоднократных обращений в самые высокие инстанции в 80-е годы тюркологам было отказано в публикации ДАТЯ СССР. Так, можно сказать, бесследно было загублено колоссальное предприятие, идею которого предложил и основу которого заложил В.М. Жирмунский.

Схожая судьба постигла и другой коллективный труд, созданный диалектологами страны под руководством Е.И. Убрятовой и под эгидой Института языкознания АН СССР. Это большой том "Диалекты тюркских языков СССР", который так и не дошел до своих многочисленных читателей – как в нашей стране, так и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академик В.В. Виноградов 1970 – Академик Виктор Владимирович Виноградов // ВЯ. 1970. № 1.

Алпатов В.М. 1996 – Николай-Николас Поппе. М., 1996. (перепеч. ИАН ОЛЯ. 2000. № 5).

Баскаков Н.А. и др. 1966 – Баскаков Н.А., Гаджиева Н.З., Покровская Л.А., Севортян Э.В. О подготовке Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза // ВЯ. 1966. № 3.

Берков П.Н. и др. 2001 – Берков П.Н., Левин Ю.Д. Краткий очерк деятельности В.М. Жирмунского // Академик В.М. Жирмунский. Биобиблиографический очерк. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2001.

Бородина М.А. и др. 1977 – Семинар по тюркской лингвистической географии // Сов. тюркология. 1977. № 2.

Бородина и др. 1978 – Бородина М.А., Кручинина А.А., Чумакаева М.М., Широбокова Н.Н. "Проблемы исследования тюркоязычных ареалов" // Сов. тюркология. 1978. № 1.

Жирмунский В.М. 1963 – О Диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза // ВЯ. 1963. № 6.

Жирмунский В.М. 1966 – О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов // Тюркологический сборник: К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966.

Жирмунский В.М. 1971 – Заметки о подготовке "Диалектологического атласа тюркских языков СССР" // ВЯ. 1971. № 4 (см. также: Из текста отзыва В.М. Жирмунского на проект Вопросника // Сов. тюркология. 1971. № 1. С. 119–120).

ИСГТЯ I – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. I. – Фонетика.

ИСГТЯ II – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. II. – Морфология.

Коркут 1962 – Огузский героический эпос и "Книга Коркута" // Книга моего деда Коркута: Огуз. героич. эпос / Сост. В.М. Жирмунский и А.Н. Кононов. М.; Л., 1962.

Лаптева О.А. и др. 2002 – Лаптева О.А., Благова Г.Ф., Маковский М.М., Строкова Г.В. Как это было // ВЯ. 2002. № 1.

Покровская Л.А. 1971 – Совещание диалектологов // Сов. тюркология. 1971. № 1.

Покровская Л.А. 1972 – О работе над Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза // Сов. тюркология. 1972. № 3.

Покровская Л.А. 2001 – Виктор Максимович Жирмунский как тюрколог // Материалы Конференции, посвященной 110-летию со дня рождения акад. В.М. Жирмунского. СПб., 2001.

Ширалиев М.Ш. 1979 – О подготовке Диалектологического атласа тюркских языков СССР // Сов. тюркология. 1979. № 2.

Щербак А.М. 1970 – Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак А.М. 1977; 1981 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977; Глагол. Л., 1981.

Frings T.H. 1941 – Frings T.H., Gleissner K. Zur Urkundensprache des 13. Jahrhunderts // Zeitschrift für Mundartforschung. Bd. 17, 1941.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

© 2002 г. И.И. КОВТУНОВА

ПРОБЛЕМА НЕСОБСТВЕННО ПРЯМОЙ РЕЧИ В ТРУДАХ В.В. ВИНОГРАДОВА

(Из истории отечественной научной мысли)

В трудах В.В. Виноградова значительное место занимала наиболее сложная область лингвистики речи – лингвистика художественной речи. Многие проблемы, которые заново поставила во второй половине XX века лингвистика текста, были основательно и глубоко разработаны уже в первой половине XX века в исследованиях В.В. Виноградова. Тогда эти проблемы традиционно включались в стилистику, лингвостилистику, науку о художественной речи и т.д. Можно назвать, в частности, проблему связности и цельности текста, вопрос о типологии образа автора и типах текстов, проблему контекстов при анализе художественного текста, вопрос о единицах, вычленяемых при анализе художественного текста, вопрос о типах связей в художественном тексте.

В исследованиях В.В. Виноградова проницательный научный анализ, сила и острота мысли сочетались с бережным отношением к художественному слову. В.В. Виноградов наблюдал живую, органическую жизнь языка в художественных текстах и никогда не разрушал художественную ткань произведений русской литературы внесением посторонних и чужеродных искусству слова концептуальных построений и априорных схем. Этим объясняется полная адекватность научной мысли В.В. Виноградова объекту изучения – художественной реальности. В.В. Виноградов в своих работах оперировал не отдельными предложениями, но текстом в его цельности и всей его структурной сложности. Отсюда убедительность и глубина его выводов и теоретических положений. Проникновенные исследования В.В. Виноградова свидетельствуют о конгениальном прочтении ученым классиков русской литературы.

Одна из проблем, которой В.В. Виноградов уделил большое внимание при изучении русской художественной литературы XIX века, – проблема несобственно прямой речи, включенная им в более широкую проблему соотношения субъектных планов повествования. Проблема несобственно прямой речи имеет давнюю традицию изучения в западноевропейской и отечественной лингвистике. В начале XX в. несобственно прямая речь активно изучалась филологами разных направлений и школ. Ш. Балли ("Женевская школа") посвятил несколько работ анализу этого типа речи, названного им "свободной косвенной речью" [Bally 1912; 1914; 1930; 1953; ср. также Lips 1926; Thibaudet 1935]. Немецкие лингвисты, принадлежавшие психологической школе К. Фосслера, в дискуссионном порядке ввели ряд новых терминов: "пережитая речь", "подражающая речь", "речь как факт" и др. [Kalepky 1913; Lerch E. 1914; 1928; Lorck 1921; Spitzer 1928; Walzel 1926]. Термин "несобственно прямая речь" принадлежит Г. Лерх [Lerch G. 1922].

В русской науке на несобственно прямую речь впервые обратил внимание П. Козловский, назвавший этот "стилистический оборот" "утонченным эпическим приемом новейшего времени" и применивший к нему термин "фигуральная речь" [Козловский 1890]. Впоследствии его работа была забыта. Новая волна интереса к этому типу речи возникла в 20-е–30-е годы XX века. Наиболее плодотворными в этой области были идеи М.М. Бахтина и В.В. Виноградова.

М.М. Бахтин понимает несобственно прямую речь как результат взаимодействия речи автора и речи персонажа ("чужой" речи). Автор вносит в чужую речь свои интонации. Если интонации автора и персонажа имеют одинаковую направленность, но преобладает активность автора, говорящего вместо персонажа, то перед нами "замещенная прямая речь" (пример из "Кавказского пленника": "Простите, вольные станицы и дом отцов, и тихий Дон, война и красные девицы! К брегам причалил тайный враг, стрела выходит из колчана – взвилась – и падает казак с окровавленного кургана"). При слиянии двух различно направленных интонаций возникает явление "речевой интерференции", когда слово "входит одновременно в два пересекающиеся контекста, в две речи" – речь автора и речь героя. По мысли М.М. Бахтина, явление интерференции ("ценностной интерференции") в полной мере представлено в "несобственно прямой речи" [Волошинов 1929]. Термин "несобственно прямая речь" утвердился в русской филологической науке благодаря Бахтину.

В.В. Виноградов рассматривал несобственно прямую речь как художественный прием с широким спектром изобразительных возможностей, начиная от передачи восприятия, точки зрения персонажа и кончая фрагментами его речи – лексикой и фразеологией, вкрапленной в повествование автора. В.В. Виноградов характеризует несобственно прямую речь как "сложную комбинацию повествовательного языка с формами внутреннего мышления самих персонажей" [Виноградов 1939]. Пристальное внимание ученого было направлено на становление и эволюцию этого приема в русской художественной литературе XIX в. Несобственно прямая речь присутствует в описаниях стиля И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. Намечаются связи этого приема с возникновением новых принципов построения образа автора и образов персонажей в художественном произведении.

По мысли В.В.Виноградова, прием несобственно прямой речи появляется у художников слова, утверждающих принцип "субъектно-экспрессивной многопланности" повествования. В стиле Пушкина (до Пушкина – в басенном творчестве Крылова) разрушается субъектная ограниченность повествовательного монолога, характерная для предшествующего периода. Действительность воспроизводится в многообразных субъектных отражениях, а не просто с точки зрения автора, в форме авторской оценки описываемых событий. Постоянное перемещение сфер сознания ведет к драматизации повествования, к его сближению с "чужой речью". Воспроизведение событий с точки зрения их восприятия и переживания персонажем влечет за собой, как одно из последствий, включение элементов внутренней речи персонажа в повествование автора.

Возникновение приема несобственно прямой речи в русской художественной литературе В.В. Виноградов связывает с басенным творчеством Крылова: «...для стиля Крылова характерен новый метод взаимопроникновения стиля авторского повествования и стиля "внутренней речи" персонажей, во многом определивший развитие реалистических стилей русской художественной литературы XIX в. Зачатки формы "несобственно прямой" или "пережитой" речи можно найти и в русской литературе предшествующей эпохи. Но как глубокий художественно осознанный прием, этот метод построения авторского стиля стал культивироваться лишь с начала XIX в., получив своеобразное и тонкое развитие в творчестве Крылова, Жуковского, Пушкина и Гоголя» [Виноградов 1949: 275]. В баснях Крылова, по словам В.В. Виноградова, рассказчик "искусно комбинирует экспрессивные краски народной речи, непрестанно меняя точку зрения, принимая разные позы, чаще всего иронические". Точка зрения рассказчика то сливается с восприятием действующих лиц, то отделяется от него. Повествовательный стиль смешивается с чужой речью, незаметно проникающей в рассказ [Виноградов 1945: 39].

Центральная роль в создании и утверждении в художественной литературе разнообразных форм несобственно прямой речи принадлежала, по мысли Виноградова, А.С. Пушкину. В книге "Стиль Пушкина" прием введения "чужой речи" в повествование автора рассматривается в тесной связи с другими особенностями пушкин-

ского стиля. Виноградов отмечает, что Пушкин впервые глубоко разрабатывает прием сближения повествовательного стиля с "внутренней речью" персонажей в "Кавказском пленнике". «Повествовательный стиль превращается в драматизированный "полилог". Он приближается по своей структуре к драматическому языку, но без свойственного тому резкого разграничения речей отдельных персонажей». "Одна и та же психика воспроизводится и в акте самонаблюдения персонажа, его самосознания, и в процессе наблюдений ее со стороны" [Виноградов 1941: 363]. Пример, где автор "глядит на происходящее глазами пленника – с того берега" [Виноградов 1941: 361]:

Глядит назад... брега яснели
И опененные белели;
Но нет черкешенки младой
Ни у брегов, ни под горой...
Все мертво... на брегах уснувших
Лишь ветра слышен легкий звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

В "Бахчисарайском фонтане" сближение повествовательного стиля с "чужой речью", с "внутренней речью" персонажей уже выражено очень ярко [Виноградов 1941: 363]:

Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей,
Но голос их ей смутно внятен,
Он странен, он ужасен ей.
Какие слезы и моленья
Ее спасут от посрамленья?
Что ждет ее? Ужели ей
Остаток горьких юных дней
Провесть наложницей презренной?
О, боже! Если бы Гирей
В ее темнице отдаленной
Забыл несчастную навек,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ее пресек;
С какою б радостью Мария
Оставила печальный свет!

В.В. Виноградов исследует тонкие формы взаимодействия повествовательного стиля с внутренней речью персонажей в лироэпических поэмах Пушкина, в "Евгении Онегине", в "Медном всаднике", в повествовательной прозе. Образ автора в концепции Виноградова структурен. Структура, создающая этот образ, сложна и предстает в единстве многих составляющих. В повествовательном стиле Пушкина в это единство входит смена субъектных планов, влекущая за собой появление форм "чужой речи". Автор то занимает позицию стороннего наблюдателя, то сближается с позицией персонажей.

В области синтаксиса принцип субъектной многопланности повествования осуществляется разнообразными соотношениями времен, связанными с переходом от одного субъектного плана к другому, приемами "синтаксической изобразительности" в повествовательном стиле, введением в повествовательный стиль синтаксических конструкций разговорной речи, разнообразных структурных элементов устной диалогической речи, отражающих переход к другому субъектно-речевому плану. Эти стилистические приемы используются поэтом как для незаметного перемещения субъектных сфер сознания и восприятия, так и для более непосредственного выражения внутренней речи персонажа.

Подробно анализируется движение повествовательного времени и смена форм времени. Определенное сочетание форм времени может передавать восприятие персонажа и его точку зрения. В "Пиковой даме" образ старухи «почти не служит

формой субъектных преломлений... лишь однажды повествование преломляется через восприятие старухи – в сцене явления перед нею Германна.

"Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графинею стоял незнакомый мужчина...

– Не пугайтесь, ради бога, не пугайтесь! – сказал он внятно и тихим голосом. – Я не имею намерения вредить вам; я пришел умолять вас об одной милости"».

«Во всем этом пассаже, – отмечает В.В. Виноградов, – слышится "непрямая речь" повествователя. Лишь только с точки зрения старухи можно было назвать Германна "незнакомым мужчиной". Но повествование быстро отклоняется от этой плоскости. Продолжается объективный рассказ автора-наблюдателя» [Виноградов 1936а: 112]. В.В. Виноградов показывает, как смена разных форм времени в повествовании воспроизводит восприятие Германна и Лизы. «...подвижность, изменчивость форм времени, связанная с субъектными перемещениями сфер повествования, подчинена в ритме своего течения принципам соотношения форм совершенного и несовершенного вида.

"Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три".

Таков обычный принцип последовательности форм совершенного и несовершенного вида в повествовательном стиле Пушкина: имперфект обозначает действие, которое сопровождает другой, уже осуществившийся процесс. В языке Пушкина форма несовершенного вида чаще всего указывает в этих случаях на объективно переживаемый фон другого действия или на сопутствующее ему, включенное в него восприятие.

"Возвратясь домой, она подбежала к окошку, – офицер стоял на прежнем месте, устремив на нее глаза".

"Германн вошел в спальню. Перед кивотом, наполненным старинными образами, теплилась золотая лампада".

"Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама".

"Она отерла заплаканные глаза и подняла их на Германна: он сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь".

Форма прош. времени совершенного вида обозначает один из моментов того временного плана, который устанавливается формой имперфекта» [Виноградов 1936а : 138].

В.В. Виноградов раскрывает роль устной разговорной речи, которую Пушкин свободно вводит в повествовательный стиль, в том числе и в состав несобственно прямой речи. "Субъектно-экспрессивное варьирование изложения, смешение и слияние повествовательного стиля с чужой речью открывали широкий доступ в литературный язык национально-бытовому просторечию, формам разговорного синтаксиса". Влияние устной народной речи "становится особенно сильным с конца двадцатых годов, когда происходит напряженный процесс синтеза и смешения разных социально-языковых категорий в языке Пушкина" [Виноградов 1941: 367]. Приводятся примеры из "Медного всадника":

Народ
Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет! Кров и пища!
Где будет взять?

Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива, были здесь вороты,
Снесло их видно. Где же дом?
И полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом.

В.В. Виноградов выдвинул идею субъектной многозначности слова. Драматизация повествовательного стиля в творчестве Пушкина осуще-

ствляется не только рядом синтаксических приемов, отмеченных выше, но и внедрением в повествовательную речь свойств драматического слова, осложняемых взаимодействием со свойствами повествовательного авторского слова. «В драматической речи, – пишет Виноградов, – слово выражает свои значения сквозь призму восприятия и понимания разных героев. Драматизация слова воспроизводит отражение действительности в сознании разных характеров, разных персонажей. Оно выражает не только различия предметов, но и различия в точках зрения на них со стороны действующих лиц. Драматизация речи увеличивает субъективную изменчивость, подвижность слова. Содержание драматизированного слова проецируется у Пушкина в сферу понимания и сознания разных лиц. Субъектная "многоголосость" произведения ведет к многозначности слова, к углублению его значений, к многообразию его индивидуальных применений» [Виноградов 1941: 86]. В другом месте В.В. Виноградов так характеризует связь субъектной "многоголосости" произведения с "субъектным полисемантизмом" слова: "Тот прием композиционного движения, по которому слова и фразы как бы скользят непрестанно из одной субъектной плоскости в другую, являясь в многообразных отражениях, в пушкинском стиле органически связан с принципом смысловой многопланности и многоликой изменчивости образа автора. Когда в художественном творчестве устанавливается сложное, подвижное, изменчивое соотношение между изображаемым миром и повествователем, между действительностью и формами ее субъективного осмысления и выражения, тогда открывается возможность стилистического применения многообразных тонких смысловых нюансов, которые приобретает слово в контексте речи. Над общими, присущими литературному стилю значениями слова воздвигается тогда множественность смыслов слова, зависящих от разнообразия контекстов его индивидуального употребления, от разнообразия субъектных приспособлений слова" [Виноградов 1941: 89].

Высказанные положения иллюстрируются, в частности, повествовательным стилем "Евгения Онегина". В "Евгении Онегине" "стиль автора непрестанно смешивается и переплетается с точкой зрения Онегина. Например, идет авторское изложение событий, однако слегка окрашенное восприятием Онегина и отголосками светских суждений:

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы...

Далее – авторская ирония отрывает и освобождает изложение от оценок Онегина... Вслед за этим повествовательный стиль опять резко склоняется к сознанию Онегина, впитывая в себя его переживания и думы:

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нем она во мраке ночи,
Пока Морфей не прилетит,
Бывало, девственно грустит,
К луне подъемлет томны очи,
Мечтая с ним когда-нибудь
Свершить смиренный жизни путь!"
[Виноградов 1941: 93–94].

Идея субъектной многозначности слова позволяет интерпретировать такие случаи, когда художественный текст не предполагает односторонней субъектной отнесенности, сохраняя двойственность (или множественность) смысла и экспрессивной окраски. Анализ таких текстов возможен при глубоком проникновении в смысл произведения, в творчество писателя в целом, в характер литературного направления и исторической эпохи. Присутствие широкого исторического фона и эволюционного подхода, как это наблюдается в исследованиях В.В. Виноградова, при этом неизбежно.

Говоря о стилистических функциях несобственно прямой речи в произведениях Пушкина, В.В. Виноградов выделяет функцию "иронической демонстрации стиля героев". «Внедряющиеся в повествовательный стиль выражения самих героев, их экспрессия, их фразеология, выделяясь по своему тону из общей манеры рассказа, кажутся комическими, и их ввод в повествование представляется иронической демонстрацией стиля героев, например: "Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастиями любовников, и скажут им непременно: Дети! Придите в наши объятия!". Однако ирония нигде резко не проявляется, не обнажается. Она замаскирована» [Виноградов 1941: 554].

В трудах о языке Гоголя, Достоевского, Л. Толстого Виноградов показывает, как принцип субъектной многопланности повествования был унаследован и в то же время творчески преобразован этими писателями. «Этот принцип повествовательного изложения, культивировавшийся Пушкиным, был решительно видоизменен Гоголем, который вовлек в систему литературного языка самые разнородные социально-языковые, сословные и профессиональные модификации речи. Прием включения "чужой" речи в ткань повествования (нередко при посредстве сдвига к сказу) служил в поэтике Гоголя средством сатирического показа социальной среды "изнутри"» [Виноградов 1939: 170]. «Гоголь комически преобразует приемы включения "чужой речи" в систему авторского повествования. Без всяких оговорок и подчеркиваний вовлекаются в строй изложения слова "чужой речи" и притом такие, которые больше всего противоречат авторской точке зрения. Образуется комический сдвиг разных семантических плоскостей» [Виноградов 1936: 348]. Гоголь в значительно большей степени, чем Пушкин, использует характерные черты живой устной речи в формах "несобственно прямой речи".

Функции несобственно прямой речи подробно рассматриваются в статье "О языке Л. Толстого" [Виноградов 1939]. Л. Толстой чаще всего облекает в форму несобственно прямой речи внутренние монологи, воспроизводящие психический процесс в его динамике.

Идеи В.В. Виноградова явились стимулом для ряда исследований приема несобственно прямой речи и смежных с ней явлений в 40-е, 50-е и 60-е гг. XX в. Вспышка научного интереса к несобственно прямой речи в конце XIX – первой половине XX в. была связана с процессами в художественной литературе (преимущественно в художественной прозе): классическая художественная литература XIX в., отчасти унаследованная и XX веком, выработала многообразные и тонкие формы сочетания в тексте разных "голосов".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов В.В. 1922 – Стиль петербургской поэмы "Двойник" (Опыт лингвистического анализа) // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. I. Пг., 1922.

Виноградов В.В. 1936 – Язык Гоголя // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936.

Виноградов В.В. 1936а – Стиль "Пиковой дамы" // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.; Л., 1936.

Виноградов В.В. 1939 – О языке Л. Толстого // Литературное наследство, № 35–36. 1939.

Виноградов В.В. 1941 – Стиль Пушкина. М., 1941.
Виноградов В.В. 1945 – Язык и стиль басен Крылова // ИАН ОЛЯ АН СССР. 1945. Вып. 1.
Виноградов В.В. 1949 – Из наблюдений над языком и стилем И.И. Дмитриева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.; Л., 1949.
Волошинов В.Н. 1929 – Марксизм и философия языка. Л., 1929.
Козловский П. 1980 – О сочетании предложений прямой и косвенной речи в русском языке // Филологические записки. Вып. IV–V. Воронеж, 1890.
Bally Ch. 1912 – Le style indirect libre en français moderne // Germanisch-Romanische Monatsschrift. IV. 1912.
Bally Ch. 1914 – Figures de pensée et formes linguistiques // Germanisch-Romanische Monatsschrift. VI. 1914.
Bally Ch. 1930 – Antiphrase et style indirect libre // A grammatical miscellany offered to Otto Jespersen. Copenhagen, 1930.
Bally Ch. 1953 – Le langage et la vie. 3-ième ed. Paris, 1953.
Kalepky Th. 1913 – Zum "style indirect libre" (verschleierte Rede) // G.R. M. V. 1913.
Lerch E. 1914 – Die stilistische Bedeutung des Imperfektums der Rede (style indirect libre). Germanisch-Romanische Monatsschrift. VI. 1914.
Lerch E. 1928 – Ursprung und Bedeutung der sog. "Erlebte Rede" // G.R.M. XI–XII. 1928.
Lerch G. 1922 – Die uneigentlich direkte Rede // Festschrift für Karl Vossler. 1922.
Lips M. 1926 – Le style indirect libre. Paris, 1926.
Lorck E. 1921 – Die "Erlebte Rede". Heidelberg, 1921.
Spitzer L. 1928 – Zur Entstehung der sog. "Erlebte Rede" // Germanisch-Romanische Monatsschrift. VII–VIII. 1928.
Thibaudet A. 1935 – Gustave Flaubert. Paris, 1935.
Walzel O. 1926 – Von erlebter Rede. Das Wortkunstwerk. Leipzig, 1926.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

© 2002 г. Г.В. СТРОКОВА

ИСТОРИЯ НАШЕЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Наиболее ярким и значительным периодом полувековой жизни журнала "Вопросы языкознания" по личным впечатлениям не только моим (40 лет работы в редакции), но и моих сотоварищей по редакции, был начальный период.

Это и понятно: первый теоретический лингвистический журнал создавался не проторенными путями, предстояло выработать достойную позицию в сложных условиях тогдашней жизни страны. А для этого требовались не только мудрость, но и незаурядная смелость, соединенная с гибкостью, стремлением и умением отвоевывать каждый шаг к самостоятельности в решении принципиальных вопросов о собственном научном направлении журнала, подборе его авторского коллектива, апробации и видоизменении рубрикации журнала.

Большой удачей стало то, что журнал с самого начала возглавил академик Виктор Владимирович Виноградов, обладавший всеми этими качествами научного лидера и организатора[1].

Журнал стал любимым детищем Виктора Владимировича, для которого он не жалел ни сил, ни времени: возможно, поэтому "трудными особенностями характера" Виктор Владимирович не был обращен к сотрудникам редакции журнала, он всегда оберегал атмосферу журнала от интриг и злопыхательств.

Для Виктора Владимировича настолько важным было наладить четкую и высококвалифицированную редакторскую и всю редакционную работу, что он сам лично принимал участие в подборе молодых кадров для редакционного аппарата. При этом для него не имели значения ни анкетные данные, ни беспартийность, ни даже отсутствие рекомендаций авторитетного ученого. Пришла я в редакцию на должность младшего редактора по рекомендации заведующего Редакционно-издательской группы Ин-та языкознания АН СССР Ф.Ф. Кузьмина, который меня знал по работе в этой группе, Марк Михайлович Маковский – по представлению Вяч.Вс. Иванова, О.А. Лаптева – В.Г. Орловой, а Г.Ф. Благова – по личному впечатлению Виктора Владимировича от беседы с ней. Виктор Владимирович каждого расспрашивал, где учился, у кого, какой тематикой интересовался, в каких семинарах участвовал, на какую тему писал дипломную работу или пишет диссертацию. После разговора со мной Виктор Владимирович пододвинул лежащую на его столе книгу (там был старославянский текст) и попросил прочитать. Читаю и с благодарностью вспоминаю практические занятия в институте у Александра Васильевича Кокорева, который приносил старые листочки летописей с текстами. Видя мое смущение и волнение, Виктор Владимирович говорит что-то ободряющее. Его согласие было получено – и я в "ВЯ" (февраль 1961 г.)[2].

---

[1] Подробнее об этом смотри в печатающейся в этом номере статье О.А. Лаптевой, Г.Ф. Благовой, М.М. Маковского, Г.В. Строковой.

[2] Виктор Владимирович был доступен и доброжелателен. Г.Ф. Благова рассказывала, что, может быть, Наталья Александровна Слюсарева сообщила Виктору Владимировичу об А.К. Соловьевой, ученице Шарля Балли (она училась в университете в Швейцарии), которая собирается написать статью о диалоге в художественной литературе. Виктор Владимирович

Виктора Владимировича в первую очередь привлекали деловые, профессиональные качества будущих сотрудников; он с интересом и с симпатией наблюдал за их научными занятиями и профессиональным ростом[3]. Возможно, в них он желал бы видеть кровно заинтересованных в деле "ВЯ", своих помощников. И не случайно оброненной фразой было сказанное им однажды на заседании редколлегии про тогдашнюю редакционную молодежь: "Это ведь наши дети!" (из воспоминаний Г.Ф. Благовой). Усилия Виктора Владимировича не пропали даром: был создан квалифицированный, работоспособный, и главное – преданный своему журналу коллектив.

В 1966 г. я стала заведующей редакцией и по долгу службы должна была присутствовать на заседаниях редколлегии и протоколировать все существенное, что говорилось. Это было настоящим приобщением к науке[4].

Обладая феноменальной памятью и эрудицией, Виктор Владимирович превращал заседания редколлегий в научные беседы, в которых принимали участие присутствующие. Очень интересны и поучительны были диалоги с О.С. Ахмановой, В.М. Жирмунским, П.С. Кузнецовым, Э.А. Макаевым, В.Н. Ярцевой и др.

На заседаниях мы многое узнавали о направлениях в языкознании, о работах конкретных ученых (наших и зарубежных), о вновь вышедших книгах. В.В. Виноградов был в курсе всего нового в лингвистике и филологии в целом[5]. В.В. Виноградов, как и ответственный секретарь, просматривал все статьи. Я пишу "просматривал", но это совсем не так. Виктор Владимирович обладал какой-то удивительной способностью читать: он видел страницу всю целиком, точно зрительно фотографируя ее, а на "негативе" сразу же проявлялись не только основная мысль автора, но даже и допущенные опечатки.

Особое внимание уделялось и отсылочному аппарату, из которого было ясно,

---

и Николай Иосифович Конрад проявили живую заинтересованность и к статье, и к самой личности автора: видимо, им представлялась седовласая величественная почтенная дама, занимающаяся научными проблемами. А в редакцию на Кузнецкий мост статью принесла маленькая беззубая старушка в старой, но аккуратной кофточке, в спортивных тапочках со шнурочками. Это была уникальная сотрудница библиографического отдела Ленинской библиотеки, аннотировавшая для библиографических карточек иностранную литературу. Редакционная обработка Г.Ф. Благовой двух ее статей, опубликованных в журнале (ВЯ, 1962, № 3; 1965, № 6), каждый раз была очень трудоемкой, но благодарной, а беседы с автором всегда были интересны. После "ВЯ" статьи А.К. Соловьевой были напечатаны в "Филологических науках", в сборнике по антропонимике под редакцией А.В. Суперанской. Так, благодаря В.В. Виноградову и Н.И. Конраду смог реализовать свои творческие возможности скромный и незаметный библиотечный работник.

[3] Смотри, например, свидетельства О.А. Лаптевой в статье, печатающейся в этом номере (О.А. Лаптева, Г.Ф. Благова, М.М. Маковский, Г.В. Строкова).

[4] Многолетнее собрание протоколов заседаний редколлегии ВЯ, по правилам издательства "Наука", было сдано в его Архив и погибло там во время случившегося пожара в здании в Подсосенском пер.

[5] Много говорилось и писалось об общем впечатлении, которое производил Виктор Владимирович, о том, каким ярким был язык В.В. Виноградова, добавим только еще одно конкретное наблюдение: в устах его особенно значительно звучало *мы́шление* (с ударением на первом слоге), он охотно использовал диалектное слово *порядливый*, всегда точно и к месту (из устных воспоминаний Г.Ф. Благовой).

Г.Ф. Благова и О.А. Лаптева рассказывают, как после заседания редколлегии они выходили потрясенные, буквально подавленные, необыкновенными познаниями Виктора Владимировича во всех затрагиваемых там областях науки, его речью и артистизмом: во всех рассматриваемых отраслях он суммировал то новое, что сделано, выдвигал важные проблемы, требующие решения, и перспективы на ближайшее будущее. Они клялись друг другу, что, придя домой, немедленно, обязательно начнут записывать свои впечатления: все услышанное было настолько уникальным, что грех его забыть. Но за повседневными заботами молодой и не очень устроенной жизни – не записывали, а память, увы, сохранила лишь общие впечатления да крупицы фактов. К сожалению, это могу сказать о себе и я.

каким материалом пользуется автор, с какой литературой знаком, как широк его кругозор. На заседаниях обсуждались не только сугубо научные проблемы: раздавались шутки, остроты, иногда довольно колкие.

Особенно ярко запомнились последние заседания уже на квартире в Калашном переулке на Старом Арбате. Виктор Владимирович встречал нас в коридоре, даже тогда, когда ходил с трудом, шаркающей походкой. Мы проходили в его кабинет. Здесь в первой ("приемной") части кабинета все напоминало XIX век: и картины, и мебель, и кресла, и диван, и прекрасной работы овальный стол, в центре которого стояла огромная ваза с фруктами (а их никто не трогал). Располагались одни на диване (удивительной работы!), другие – в креслах[6]. В такой обстановке было уже уютно по-домашнему, здесь чаще звучали и шутки. Осталось воспоминание и о музыке, звучавшей в квартире.

Кабинет Виктора Владимировича был отделен от комнаты Надежды Матвеевны раздвижной дверью. Она закрывалась, когда изредка занятия по вокалу совпадали с нашими заседаниями. Дверь была плотно прикрыта, занавешена каким-то толстым покрывалом, но прекрасные звуки и голоса, хотя и приглушенно, все равно проникали в нашу комнату[7]. Надежда Матвеевна Малышева занималась в Консерватории у проф. К.С. Игумнова. Она много лет вела вокальный кружок в Архитектурном институте, потом в Музыкальной студии в Моспроекте и все последние годы вела занятия в Народной певческой музыкальной школе, где преподавали и И.С. Козловский, и М.П. Максакова. У Надежды Матвеевны занимались, теперь уже знаменитые, певицы – И. Архипова, Л. Казарновская.

Вспоминается и работа со статьями Виктора Владимировича. Редакция, как правило, получала рукописный экземпляр статьи. Почерк Виноградова "трудный", кроме того, много вставок, дополнительных листочков к основному. Писались все статьи на разных по размеру и качеству листочках: из тетрадей, блокнотов, даже на цветной бумаге (иногда все уже пожелтевшие от времени, т.к. заметки и наброски делались в разное время, в разных условиях, но все сохранялось, очевидно, всегда и при всех обстоятельствах[8]. "Расшифровывали" текст часто все вместе: Ю.Ф. Хаустова (зав. редакцией), Г.Ф. Благова, О.А. Лаптева (зав. отделами) и наши замечательные машинистки Е.П. Вяземская, О.И. Зубышева и В.А. Васильева, которые говорили, что перепечатывать статьи трудно, но очень интересно[9]. При всей своей занятости Виктор Владимирович всегда находил время поздравить сотрудников с праздниками или по телефону, или открыткой (если был в отъезде). А может быть, это заслуга Надежды Матвеевны? Он всегда интересовался редакционными делами, даже будучи

---

[6] Позже, после смерти Виктора Владимировича многое было передано Надеждой Матвеевной в Пушкинский дом (в Ленинграде) и Пушкинский музей (в Москве, А.З. Крейну).

[7] Э.А. Макаев вспоминает, как однажды, уходя последним с заседания редколлегии, он задержался на пороге кабинета Виктора Владимировича и, показывая на кабинет, библиотеку Виктора Владимировича, комнату Надежды Матвеевны со звучащим роялем, воскликнул: "Как у Вас прекрасно!". Виктор Владимирович в ответ: "А на даче еще прекрасней! Приезжайте весной – будем сидеть на балконе, любоваться цветами и деревьями, беседовать и слушать соловьев".

[8] В журнале "Вопросы языкознания" были опубликованы фрагменты из "Истории слов" В.В. Виноградова (ВЯ, 1989, № 4). Я переслала Надежде Матвеевне оттиски и экземпляр журнала, в ответ получила благодарственное письмо. Привожу отрывок: «Спасибо Вам огромное за присыл Вашего чу́дного письма и номера "Вопросов языкознания". Как интересно читать о "словах" и как это скрупулезно и тонко разделано В.В. (так у Надежды Матвеевны – *Г.С.*). Я помню его отметки на последних переплетах книжек, которые он, читая, подчеркивал интересующие его "слова", а на последней странице переплета выставлял страницы, где помещены "слова" ... Желаю Вам и всем Вашим товарищам сил и здоровья за Ваши труды на пользу русской лингвистики. Как много требует эта работа Вашего общего внимания и целеустремленности...».

[9] Но бывали и курьезы. Г.Ф. Благова вспоминает об одной запомнившейся бессмыслице: и "Залп свах из подполья" (т.е.: в "Записках из подполья").

в отпуске Виктор Владимирович присылал "послания" на открытках с видами Крыма, а иногда и материал, если что-то брал с собой.

До конца своих дней Виктор Владимирович держался мужественно, без всяких скидок на развивавшуюся болезнь. Он несколько раз ездил в Ленинград к своему "новому месту службы" – Пушкинскому дому. Случалось, что в день его возвращения в Москву назначали доклад в Пушкинском литературном музее (у А.З. Крейна) – и он делал доклад, невзирая на усталость после дороги, или же приезжал послушать доклад коллеги.

О том, что дни его сочтены. Виктор Владимирович, видимо, отдавал себе отчет. Во всяком случае, когда перед отправкой в больницу ему позвонили домой по редакционным вопросам, Виктор Владимирович как бы ненароком сообщил, что разбирает свои бумаги, "чтобы после было легче все найти". Виктор Владимирович советовался с Надеждой Матвеевной о том, чем лучше стоит ему заниматься при тогдашнем свободном распорядке его времени. Она посоветовала: "Историей русских слов и выражений. У Вас ведь столько материала собрано по этой теме"[10].

Над своей последней статьей для журнала Виктор Владимирович продолжал работать в больнице. Это статья – "Стиль В.И. Ленина и задачи текстолога" была предназначена для "укрепления" проблемно-тематического стержня журнала № 2 за 1970 г. Номер с этой статьей вышел уже без него в апреле 1970.

По ходу работы понадобилась литература из библиотеки Института русского языка. Условились о времени посещения. Захожу в палату: на столе разложены книги, рукописные листы. Вновь поражает подчеркнутый деловой стиль, а в одежде никакого намека на больничную обстановку. Говорит Виктор Владимирович как всегда с юмором, иронично, даже по отношению к себе (может быть, это была форма защиты от своей беспомощности в этой обстановке?). Кроме книг, захватила плетеную корзиночку с фруктами, переложив их крапивой. На вопрос Виктора Владимировича: "Зачем крапива"? ответила: "Чтобы не портились фрукты", а потом, осмелев, "да и для того, чтобы долго не залеживались в больнице, а быстрее возвращались в журнал". Виктор Владимирович и Надежда Матвеевна долго смеялись.

Теперь о смерти Виктора Владимировича. Мне позвонил Никита Ильич Толстой домой и сообщил о кончине Виктора Владимировича, просил срочно приехать на квартиру в Калашный переулок. В передней меня встречает Н.И. Толстой и провожает в комнату Надежды Матвеевны. Ей плохо: она лежит на тахте, прижимая к груди икону. В комнате вижу И.Л. Андроникова, В.Г. Костомарова, Ю.В. Рождественского.

Никита Ильич знакомит с И.Л. Андрониковым и просит нас вместе пройти в кабинет Виктора Владимировича и в его столе найти необходимые бумаги: автобиографию, послужной список, дипломы Академий, награды. С трудом находим все необходимые документы. Хоронили на Новодевичьем кладбище. После официальных слов прощальное слово произнес Никита Ильич, низко наклонился и перекрестил (и это

---

[10] «После его кончины бумаги, отдельные выписки, машинописные экземпляры и публикации именно по этой тематике оказались разложенными (а часто и сдвинутыми в кучу посторонними руками) на стульях, диванах, широких подоконниках, на кипах книг и просто в углу на полу. Надежда Матвеевна говорила мне, что у нее хранится Евангелие с подчеркиванием текста, заметками на полях касательно слова *вода*, сделанными рукой Виктора Владимировича, потом, к великому сожалению, это Евангелие исчезло.

Разборкой всего этого огромного массива бумаг, которую не успел провести сам Виктор Владимирович, подборкой разрозненных выписок и других материалов, относящихся к одному и тому же слову, по совету Ю.А. Бельчикова, мы с Надеждой Матвеевной занимались менее чем через месяц после кончины Виктора Владимировича. Потом был этап прочтения ("расшифровки") всех рукописных листов для подготовки их к перепечатке на машинке. При этом очень важно было воспользоваться тем доскональным знанием трудного почерка Виктора Владимировича, которым обладала Надежда Матвеевна. На этом этапе она неоднократно говорила: "Это тобольская бумага, а это, наверное, из числа той, которую я приносила ему в тюрьму, вместе с книгами"» (Из воспоминаний Г.Ф. Благовой).

Нежно и тепло относясь друг к другу (это особенно было видно нам в домашней обстановке), они всегда обращались друг к другу на "Вы".

в то время!) лежащего в гробу Виктора Владимировича. Поминали Виктора Владимировича в Доме ученых. Смутно помню происходившее, но хорошо запомнился рассказ И.Л. Андроникова. Он вспоминал, как, будучи студентом ЛГУ, встретил на подходе к университету В.В. Виноградова, своего профессора, с молодой, очень красивой женщиной, о чем тут же сообщил студентам, вбежав в аудиторию. Как потом выяснилось, поразившая его женщина была Надежда Матвеевна. Он же вспоминал об удивительном умении Виктора Владимировича работать в любых условиях и при любых обстоятельствах[11].

После смерти Виктора Владимировича и.о. главного редактора стал Виктор Максимович Жирмунский. Несмотря на свой возраст и болезнь, он регулярно приезжал из Ленинграда в сопровождении Нины Александровны Жирмунской к нам на Кузнецкий мост (наверно, многие помнят ту крутую и длинную лестницу на 2-й этаж, где помещалась редакция), именно там теперь стали систематически проводиться заседания редколлегии. Виктор Максимович скончался, так и не успев стать главным редактором (без приставки "и.о.") журнала. Он очень радел о своих ленинградских коллегах; во многом, особенно в отношении исследовательской методики, помогал тюркологам. По словам Г.Ф. Благовой, еще как зам. главного редактора, он заинтересованно и тщательно консультировал первые статьи по только что нарождавшейся исторической диалектологии тюркских языков.

После смерти Виктора Максимовича наступил период "междуцарствия" и фактически нашим главным редактором стал Никита Ильич Толстой. Без редколлегии, которая должна была обновиться с приходом главного редактора, редакционный аппарат во главе с Никитой Ильичом подготовил и выпустил несколько номеров журнала, сделанных в "виноградовских" традициях, так что подписчики и не почувствовали нашего "безвременья". А Н.И. Толстой (уходя из журнала) в беседе с Федотом Петровичем Филиным с гордостью говорил, что такой редакционный коллектив самостоятельно может в трудных условиях выпускать журнал, и советовал Федоту Петровичу уберечь коллектив в тогдашнем его составе.

Работа в журнале требует жесткого соблюдения графика всего редакционно-издательского процесса, что неукоснительно выполняется сотрудниками всегда. Опыт Ф.П. Филина, приобретенный в военные годы (ушел добровольцем в первые дни войны и по характеру своей работы был связан с фронтовыми газетами на Ленинградском фронте), сказался и здесь: все возникающие и редакционные, и редакторские вопросы решались быстро и четко[12], а на страницах журнала того времени появилось больше статей по русистике.

Федот Петрович внимательно относился ко всем нуждам редакции, которая к тому времени уже начала затянувшийся на долгие годы "кочевой" образ жизни, часто меняя свой адрес, что безумно затрудняло работу сотрудников редакции. Федот Петрович старался свести наши потери к минимуму.

Нашей константой при переездах стало постоянное уменьшение занимаемой площади. Мы вынуждены были отказаться от уникальной авторской картотеки всех лет, от многих книг, подаренных авторами редакции и переданных ею в разные библиотеки иногородних пединститутов.

---

[11] Как-то И.Л. Андроников пришел по делам к Виктору Владимировичу домой. На одном конце огромного деревянного стола Надежда Матвеевна шинкует капусту для приготовления обеда, а на другом – Виктор Владимирович пишет статью.

Умение работать в любых условиях Виктору Владимировичу пришлось постигать в тяжелейших обстоятельствах своей жизни. Со слов Виктории Михайловны Мальцевой, Надежда Матвеевна вспоминала, как Рубен Иванович Аванесов неоднократно помогал переправлять книги в период высылки Виктора Владимировича в Вятку (1934–1937 гг.).

[12] Уже перед самой смертью, отправляясь в машине скорой помощи с острым приступом в больницу, Федот Петрович передал Анне Ивановне Филиной портфель со всеми статьями и отзывами на них и просил ее переслать все на следующий же день в редакцию, зная, что в ближайшие дни должно состояться заседание редколлегии.

Как правило, с приходом главного редактора менялся состав редколлегии. Ушел Н.И. Толстой с поста ответственного секретаря. Как-то вечером он позвонил мне домой и сообщил, что на пост ответственного секретаря рекомендуют Георгия Андреевича Климова, но тот отказывается – слишком ответственная и большая работа в журнале. Поэтому надо ему рассказать о характере работы, показать редакционные материалы и т.д. Ознакомившись с объемом редакционной работы, материалами, познакомившись с сотрудниками и убедившись, что в редакции всегда готовы чем-то облегчить его работу, после долгих уговоров Г.А. Климов все же дал согласие.

Работалось с Г.А. Климовым легко и просто. Это был необыкновенно скромный и деликатный человек. Поражала его готовность при всей своей занятости подробно ответить на трудные вопросы, возникавшие при редактировании. Поражало и его внимание при редактировании статей даже к мелочам, хотя их и в самом деле не должно быть. В этой должности Георгий Андреевич работал при всех последующих главных редакторах до самой своей внезапной смерти, буквально "на ходу". Мы его уже несколько часов ждали в редакции, но вместо него к нам пришла эта страшная весть.

После Ф.П. Филина главным редактором стал Георгий Владимирович Степанов, которого мы уже знали как нашего автора. Участник гражданской войны в Испании, он свободно владел испанским языком. Г.В. Степанов был крупным специалистом в области романского языкознания, и в журнале много места стало уделяться этому направлению языкознания.

Вслед за Г.В. Степановым главным редактором стал Тамаз Валерианович Гамкрелидзе, крупнейший специалист по индоевропеистике. В это время в журнале печатаются многочисленные статьи по индоевропеистике, как наших, так и зарубежных авторов. И хотя Тамаз Валерианович жил в Тбилиси, он часто приезжал в редакцию, с ним постоянно держалась телефонная связь. При нем, кроме редколлегии, был создан и Редакционный Совет, куда вошли многие лингвисты мира. Распад СССР коснулся и нас – Т.В. Гамкрелидзе оказался уже за рубежом, что сразу же затруднило работу редакции.

Журнал возглавил теперь уже как главный редактор Н.И. Толстой. Вспоминаю наши заседания, которые проходили в старом (хотя и отремонтированном) здании в Пожарском переулке на Остоженке. Подходы к нему были очень трудные: весной и осенью огромные и глубокие лужи в подворотне, а в гололед опасный спуск во дворе близ здания. Но Н.И. Толстой (тогда уже тяжело больной и не один раз побывавший в больнице) регулярно собирал редколлегию. Заседания проходили по 3–3,5 часа. Они чем-то напоминали "виноградовское" время: обсуждаются статьи, проблемы, вновь вышедшие книги. Для Н.И. Толстого не важен факт собственного положительного или отрицательного мнения на статью: он рекомендует обязательно показать ее кому-то дополнительно.

Отзывы Н.И. Толстого иногда краткие, но чаще развернутые, с дополнительной литературой по данному вопросу. В отзыве Н.И. Толстой мог сообщить место работы, телефон рецензента. Еще будучи ответственным секретарем редакции (особенно после смерти В.В. Виноградова), Н.И. Толстой тщательно составлял содержание номеров, объединяя статьи по их тематике и идеям, иногда "придерживал" статью, чтобы приобщить к будущему номеру, составлял, таким образом, целый тематический блок.

Именно Н.И. Толстому мы обязаны серией публикаций о берестяных грамотах А.А. Зализняка и В.Л. Янина, посвященных итогам очередных сезонов новгородских раскопок. Н.И. Толстой когда-то просил авторов печатать свои первые сообщения о находках на страницах журнала "Вопросы языкознания", и авторы верны данному обещанию до сих пор. При Н.И. Толстом продолжал расти авторский актив журнала Он привлекал к сотрудничеству лингвистов различных школ и направлений, в том числе способных молодых ученых. Оптимизм, щедрость души, отзывчивость сочетались у него с принципиальностью и твердостью убеждений, с требовательным отношением к профессиональному долгу и бескомпромиссному служению журналу.

При всех обстоятельствах журнал требовал от сотрудников четкости и организованности. И этой четкой организации в редакционно-издательской работе журнал обязан первой заведующей редакции – Юлии Федоровне Хаустовой (именно у нее я училась издательскому ремеслу). Порядок в работе журнала неоднократно отмечали и авторы: сотрудники редакции могли быстро ответить на любой вопрос, касающийся прохождения статьи. Этот порядок пытаемся сохранить и сейчас, хотя нас стало в 3 раза меньше.

Не могу не сказать и о наших зав. отделах – Г.Ф. Благовой и О.А. Лаптевой, об их чутком отношении к авторскому тексту, желании сделать статью лучше, композиционно строже и логичней (когда, это, разумеется, было нужно). У них я училась редакторскому делу. А О.А. Лаптева после пробных "редакторских моих работ" смогла, уходя из журнала, рекомендовать меня на освободившуюся должность зав. отделом.

Трудно писать о тех, с кем долгие годы работал вместе. Человек многогранен, но память сохраняет главное – хорошее в нем.

Страницы журнала сохранили не только деяния и мысли гл. редакторов, членов редколлегии, авторов, без которых и не было бы журнала, но и тепло рук тех, кто долгие годы трудился над ним – Дианы Ароновны Бейлиной (литературный редактор), Гульсум Абдурахимовны Галимовой (зав. отделом тюркских языков и языков народов СССР), Ирины Вадимовны Соболевой (зав. редакцией).

Живая жизнь редакции до начала 70-х годов отражена в нашей "тетради в клеточку". Здесь и юмористические стихи, и стихи к юбилеям и дням рождения, поздравления по случаю рождения детей, часто с "художественными" иллюстрациями, и даже стихотворная переписка с ответственными секретарями – В.П. Григорьевым и Н.И. Толстым. Приведу только две поэтические странички, принадлежащие перу Никиты Ильича Толстого.

Идут года, мутнеет взор, сознанье
И потрясает разум в суете!
Но Вы, "Вопросики языкознанья",
Всегда, во всем на должной высоте.

Я Вас люблю, как юность, как рассветы,
Хоть сами Вы не так уже юны.
И с новогодним дружеским приветом
Касаюсь я лирической струны.

"Лютуй зима, сковавшая стихии,
И умножай просторов седину.
Придет Весна. Я напишу стихи ей,
Я гляну на нее и прикорну.

И нет иного у меня желанья,
Как спать бездумно до другой весны".
А Вы "Вопросы языкознанья"?
Какой надеждой Вы сейчас полны?

Какие взоры и какие пальцы
Вперяете Вы в ночь и в темноту?
Какие авторы, узбеки, португальцы,
Чтут Вашу правку, Вашу красоту?

К какому каменистому откосу
Ведете Вы лингвистику сейчас?
О Вы, "Языкознания вопросы",
Ответов ожидаем мы от Вас?".

дек. 73 Н.И.

Идут года, мутнеет взор, сознанье
И потрясает разум в суете!
Но Вы "Вопросики языкознанья"
Всегда, во всём на должной высоте.

Я Вас люблю, как юность, как рассветы,
Хоть сами Вы не так уже юны.
И с новогодним дружеским приветом
Касаюсь я лирической струны.

"Лютуй зима, сковавшая стихии,
И умножай просторов седину.
Придёт Весна. Я напишу стихи ей,
Я гляну на неё и прикорну.

И нет иного у меня желанья,
Как спать бездумно до другой весны.
А Вы "Вопросики языкознанья"?
Какой надеждой Вы сейчас полны?

Какие взоры и какие пальцы
Вперяете Вы в ночь и в темноту?
Какие авторы, узбеки, португальцы,
Чтут Вашу правку, Вашу красоту?

К какому каменистому откосу
Ведёте Вы лингвистику сейчас?
О Вы, "Языкознания вопросы!"
Ответов ожидаем мы от Вас?"

дек. 73.

Н.И.

* * *

. . . . . .
А сами ведите смело
Свое привычное дело!

Не сгинет гранитное здание
"Вопросов языкознания"!
. . . . . .

Н.И.

× × ×

. . . . . .
А сами ведите смело
Своё привычное дело!

Не сгинет гранитное здание
"Вопросов языкознания"!
. . . . . .

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2002 г. Н.И. ТОЛСТОЙ

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ И РУССКИЙ: ИХ СООТНОШЕНИЕ И СИМБИОЗ*

§ 1. **Древнеславянский как наднациональный (культурный) язык**. Древнеславянский (церковнославянский) язык относится к ограниченному числу исторически засвидетельствованных общих, надэтничных (наднациональных) священных (сакральных) и культурных (книжных, литературных) языков, к которым в Европе можно отнести еще латинский и отчасти греческий язык, а в Азии – арабский, тибетский и отчасти китайский языки. Церковнославянский, так же как и греческий византийского периода, был теснейшим образом связан с православной религиозной традицией, латинский же – с традицией католической, арабский – с традицией мусульманской, а тибетский – с буддийской ламаистской традицией.

По своей исторической роли и функции в славянской среде в эпоху средневековья и в последующий период древнеславянский (церковнославянский) язык ближе всего к латинскому языку, имевшему более древнее происхождение, чем древнеславянский, и более сложный путь развития, восходящий к античности. С греческим же языком, также имевшим глубокие античные корни, древнеславянский (церковнославянский) был тесно связан своим происхождением, так как первые древнеславянские тексты были почти целиком переводными с греческого языка византийского периода.

§ 2. **Возникновение древнеславянского литературного языка**. Возникновение древнеславянского языка и письменности хорошо зафиксировано историческими и литературными (жития, сказания) свидетельствами и памятниками. Во второй половине девятого века славяне уже занимали значительную часть центральной, юго-восточной и восточной Европы и имели свои более или менее устойчивые государственные образования, каковыми были Киевская Русь, Сербия (Рашка), Хорватия, Болгария, Польша, Чехия и Великая Моравия. В Европе, наряду с романским и германским этническими массивами, закрепился в то время третий значительный массив – славянский.

Славяне постепенно принимали христианство, а с христианством и ту систему духовных и культурных ценностей, которая требовала своего письменного, книжного и богослужебного, устного выражения. В 863 году моравский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу Третьему с просьбой о присылке ученых мужей в Великую Моравию для того, чтобы церковная служба совершалась на славянском языке. Этими апостолами, просветителями славян были братья Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий, греческие духовные лица родом из Салоник, хорошо знавшие славянскую речь из окрестностей этого города. Век спустя

* Публикуемый текст представляет собой лекцию, прочитанную Н.И. Толстым в Сеуле корейским русистам в ноябре 1995 г. Компьютерную версию текста, хранящегося в архиве автора, предоставила редакции С.М. Толстая. (*Прим ред.*).

монах летописец Черноризец Храбр с гордостью писал, что в отличие от греков и других народов славяне знают, кто создал их азбуку и славянскую письменность. Первой славянской азбукой была глаголица – письмо оригинального изобретения, которое в относительно скором времени почти повсеместно было заменено кириллицей, имевшей своим образцом греческое уставное письмо. Первые славянские тексты, в основном богослужебного характера, были переведены с греческого и сохраняли множество языковых заимствований из греческого. К сожалению, эти первые тексты до нас не дошли. Памятники, наиболее близкие к утраченным кирилло-мефодиевским текстам, немногочисленны. При этом из неполных двух десятков таких памятников лишь два относятся к десятому веку, остальные писаны в одиннадцатом веке, т.е. два века спустя после миссии Кирилла и Мефодия в Моравию. Язык этих, в большинстве своем глаголических, памятников называется старославянским. Он отражает первый этап развития древнеславянского литературного языка, его начало.

§ 3. "Изводы" (варианты) древнеславянского языка. С распространением богослужения на славянском языке, славянского письма и славянских переводов священного писания среди южных и восточных славян появились старославянские тексты, имеющие спорадически проступающие локальные языковые черты в основном в области фонетики и лексики. Так появились так называемые изводы (или редакции) старославянского языка: болгарский, сербский, хорватский, чешский и русский (восточнославянский). Древнейшим датированным памятником русского извода является Остромирово евангелие – евангелие, переписанное для новгородского посадника Остромира в 1056–1057 году. С этого памятника можно начинать почти тысячелетнюю историю русского литературного языка. К тому же времени можно отнести и начало сербского литературного языка (Мирославово евангелие, конец XII в.) и болгарского литературного языка (Болонская псалтырь, начало XII в. и др.). Появление на Руси русского извода (редакции) древнеславянского языка обозначается исследователями как первое южнославянское влияние, обогатившее русскую литературу значительным числом памятников, в основном переводных с греческого.

§ 4. Периодизация истории древнеславянского (церковнославянского) языка на Руси. Старославянский, или "древнецерковнославянский" язык – "есть литературный язык, в основе которого лежит живое народное наречие македонских славян второй половины IX столетия" (С.М. Кульбакин, 1913 г.). Таким образом, по своему происхождению и формальным особенностям старославянский язык был южнославянским, отличающимся от восточнославянского, древнерусского языка рядом особенностей, о которых будет сказано ниже. Целый ряд южнославянских черт устойчиво сохранялся в древнеславянском языке на протяжении веков и присутствует в почти неизмененном виде в богослужебном языке Русской православной церкви до сих пор. Древнеславянский (церковнославянский) язык всегда отличался консерватизмом, что типично для всех священных (сакральных) языков. Все известные в истории этого языка реформы были направлены именно на сохранение "святой старины", в то время как реформы в истории отдельных славянских литературных языков были устремлены в противоположном направлении, к новаторству, к живой стихии языка.

Первый период истории древнеславянского (церковнославянского) языка на Руси связан с эпохой после Крещения Руси в 988 году, с уже упомянутым нами первым южнославянским влиянием. Волею судьбы, несмотря на монголо-татарское нашествие и другие беды, разорявшие Русь, церковнославянских памятников русской редакции XI–XIII вв. сохранилось больше, чем памятников того же времени других редакций – болгарской, македонской, сербской, хорватской. Назовем только некоторые, наиболее известные памятники: Остромирово евангелие (1057), Архангельское евангелие (конец XI в.), Служебные минеи (1095–1097), Чудовская псалтырь

(XI в.), Евгеньевская псалтырь (XI в.), Изборник Святославов (1073 и 1076 г.), Синайский патерик, или Луг духовный (XI в.), Слова Кирилла Иерусалимского (XI в.), Тринадцать слов Григория Богослова (XI в.) и др. Отметим при этом, что общий корпус церковнославянских памятников на Руси в XI–XIII вв. был значительно большим и широким, о чем мы можем судить по дошедшим до нас более поздним спискам.

Вторым периодом истории древнеславянского языка на Руси была эпоха второго южнославянского влияния, когда в XIV в. в результате турецкого завоевания православных славянских земель на Балканах на Русь эмигрировали ученые-монахи – писцы и книжники и когда вновь установились довольно тесные связи с Константинополем и Афоном. К тому же Русь после Куликовской битвы (1380 г.) освободилась от татарского гнета, а сербы и болгары после битвы на Косово (1389 г.) и падения престольного Тырново (1393 г.) только начинали испытывать всю тяжесть иноземного и иноверного ига. В конце прошлого века академик А.И. Соболевский так охарактеризовал языковую и литературную ситуацию указанного периода: "Значение южнославянского влияния на русскую письменность в XIV–XV веках очень важно. Благодаря ему, русская письменность обновилась во всех отношениях. ⟨...⟩ Необходимо признать, что по окончании южнославянского влияния русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое и что вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам". В это же время были заменены неисправные тексты богослужебных и других книг и произведена реформа орфографии и даже графики.

В истории древнеславянского (церковнославянского) языка в России выделяется и третий период его развития – период XVI и XVII века. Некоторые ученые, например, проф. Б.А. Успенский, называют его "третьим южнославянским влиянием", что, однако, весьма неточно, т.к. влияние на русскую (великорусскую) книжность и церковнославянскую традицию шло не от южных славян, а из Юго-западной Руси, от малорусской и белорусской книжности. В то же время именно в эту пору под воздействием позднего русского варианта церковнославянского языка оказались и сербы, и болгары, и даже хорваты-глаголяши, т.е. произошло русское влияние на южнославянскую православную и католическую "глаголяшскую" церковно-книжную среду. Так, вышедшая в 1581 г. в Западной Руси, в Остроге знаменитая Острожская библия, в основе которой лежит русская новгородская Геннадиевская библия 1499 г., явилась языковым образцом и нормой для большинства книжников, придерживавшихся церковнославянской традиции. Если в XI–XV вв. центр церковнославянской книжности был на славянском Юге, то в XVI–XVIII вв. он переместился на славянский Восток. Таковой была языковая ситуация в славянском культурном мире Slavia Orthodoxa, т.е. в мире православного славянства. И все же пора условно называемого "третьего влияния" имела общие черты с предшествующим или предшествующими влияниями. Происходила та же эллинизация, т.е. обращение к греческим образцам, что и на начальных этапах предшествующих периодов, велось при этом исправление богослужебных и вообще церковных книг ("книжная справа"). Это явление достигло своего апогея на Руси в XVII веке, во время патриаршества Никона (1652–1658), когда разное отношение к "книжной справе" привело к расколу. При этом обе враждующие и непримиримые стороны защищали принцип "святой старины", т.е. консервативности формы, языка и смысла церковных текстов.

Четвертый период истории церковнославянского языка на Руси охватывает XVIII век, отличающийся вытеснением этого языка из ряда книжных жанров в связи с перестройкой всей жанровой системы русского языка и общим стремлением синтезировать церковнославянскую и русскую языковую стихии. Характерной чертой этого периода является создание упрощенного варианта русского церковнославянского языка, на котором писал ряд своих сочинений Феофан Прокопович. Его книги были весьма популярны и в южнославянской – сербской и болгарской среде. В то же время деятельность переводчиков на церковнославянский язык (например, с польского)

продолжалась до конца XVIII в., хотя и не выходила за рамки рукописной традиции. Наконец, был кодифицирован церковнославянский текст Библии (так называемая Елизаветинская библия 1751 г.), принятый Русской православной церковью и оставшийся без изменения до наших дней. В Петровские времена выявилось стремление сделать церковнославянский язык не только языком церкви и традиционной книжности, но и языком науки. Таким образом, церковнославянский обретал те же функции, что и латынь на Западе и в славянских неправославных странах. Примером такого применения церковнославянского языка может служить "Арифметика" Л.Ф. Магницкого (1703). Эта тенденция сохранилась и в современном русском языке, научный "подъязык" которого богат церковнославянизмами (к примеру, мы говорим и пишем *здравоохранение*, и не *здоровьеохоронение* или *здоровьесбережение*; сам суффикс *-ние* книжного характера).

Пятый период, охватывающий XIX и XX вв., отличается полным отделением церковнославянского языка от светского и ограничением его функций как чисто церковного, сакрального языка. Тем не менее и в этих довольно узких рамках его развитие продолжалось и продолжается по сей день, т.к. появляются новые тексты в связи с канонизацией святых и другими потребностями. В настоящее время существуют три типа литургического "новоцерковнославянского" языка (по терминологии В.Ф. Мареша): православный русский тип (у русских, сербов, болгар и македонцев), хорватский глаголический тип (у хорватов-католиков), чешский тип (с 1972 г. у чехов-католиков). Число церквей-приходов с богослужением на новоцерковнославянском языке хорватского и чешского типов незначительно.

§ 5. **Древнеславянская литература**. Древнеславянский (церковнославянский) язык был языком не только православного славянского (и валахо-молдавского) богослужения, но и языком единой древнеславянской литературы, функционировавшей и развивавшейся с X в. по XVIII в. включительно, т.е. в течение почти целого тысячелетия. Эта литература обладала не только единым языком, но и единым составом текстов-произведений, постоянно пополнявшимся и обновлявшимся новыми списками и новыми, нередко анонимными, авторами. Начиная с времен Кирилла и Мефодия эта литература имела не только церковный, но и светский характер. В качестве примера древнейшего светского произведения можно привести юридический памятник IX в. "Законъ судный людѣмъ", который дошел до нас в более поздних русских списках (XIII–XIV вв.). На первом этапе развития общей древнеславянской литературы преобладали переводные греческие, византийские произведения, как исторические хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы и Георгия Синкелла, "Христианская Топография Козьмы Индикоплова", хронографы, повести, патерики и жития, апокрифы. Они принесли на Русь и в другие православные славянские страны ядро византийского книжного богатства и образованности. Но в тот же ранний период существования древнеславянской литературы на Руси читались и умножались в списках оригинальные памятники письменности южнославянского (болгаро-македонского и сербского) и западнославянского (чешско-моравского) происхождения: на Руси были популярны "Житие Вячеслава Чешского", "Житие Людмилы Чешской", "Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского", сказание "О письменехъ" Черноризца Храбра. В то же самое время оригинальные древнерусские произведения воспринимались в православной южнославянской среде как свои, как принадлежащие единой древнеславянской книжной традиции. Так, рано на славянском Юге стали известны "Житие Бориса и Глеба" и "Житие Феодосия Печерского".

Таким образом, древнеславянская литература, как и древнеславянский литературный (книжный) язык, которым эта литература пользовалась, была надэтнической, наднациональной литературой, подобно европейской средневековой латыни, имевшей свою богатую литературную традицию, восходящую еще к античным временам. У западных славян и южных славян католического вероисповедания (хорватов и словенцев) была распространена средневековая латинская литература, и в их среде было немало писателей-латинистов, т.е. представителей этой литературы.

Славянский литературно-языковой, религиозный и культурный ареал делился и делится до сих пор на два больших массива – Pax Slavia Orthodoxa (Мир православного славянства) и Pax Slavia Latina (Мир латинского славянства). Эти два культурных мира стали выделяться и очерчиваться после разделения церквей православной и католической (1054 г.), после изгнания учеников Кирилла и Мефодия из Великой Моравии и Чехии (конец X в.), приведшего к угасанию книжной и литургической кирилло-мефодиевской традиции в этих землях. Тем не менее, культурное, языковое и литературное взаимодействие двух славянских миров осуществлялось во все время их существования и продолжается до сих пор.

§ 6. Взгляды ученых на происхождение русского литературного языка. Известный русский филолог В.В. Виноградов в 1938 г. писал: "Русским литературным языком Средневековья был язык церковнославянский". Этим он высказал не только свой взгляд и определил не только свою позицию, но и взгляд и позицию своих предшественников, а теперь, более чем полвека спустя, можно сказать – и последователей. Действительно, в русской науке такой позиции придерживался А.И. Соболевский, писавший в 1904 г., что "русским литературным языком сделался церковнославянский язык русского извода", и А.А. Шахматов, полагавший в 1911 г., что "по своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский язык", и ряд других ученых. Однако сразу после Второй мировой войны, в 1946 г., С.П. Обнорский попытался выдвинуть противоположную версию, защищая "положение о русской основе нашего литературного языка, а соответственно – о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности проникновения в него церковнославянских элементов". С ним не согласился Б.О. Унбегаун, который, анализируя процесс эволюции русского литературного языка "с киевского периода до наших дней", в 1968 г. сделал заключение, что положение о непрерывности развития "неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося". Такая трактовка не удовлетворила Ф.П. Филина, который в 1981 г. после ряда рассуждений заявил, что "теория А.А. Шахматова (и ухудшенный ее вариант Б.О. Унбегауна) должна быть сдана в архив". Но спустя еще несколько лет, в 1987 г., рассмотрев подробно языковую ситуацию в Киевской Руси, Б.А. Успенский определил, что "с Крещением Руси функции русского и церковнославянского языка противопоставляются, и церковнославянский язык приобретает значение литературного". Дальнейшая дискуссия еще больше прояснит языковую ситуацию в Древней Руси, но есть все основания предполагать, что в архив придется сдать теорию С.П. Обнорского вместе с ее вариантом, принадлежащим Ф.П. Филину.

§ 7. Русский пласт в литературном языке Древней Руси и система жанров в древнерусской письменности (литературе). Относительно одной сферы письменного древнерусского языка, а именно языка права и правовых (юридических) памятников и документов, не существует разногласий в определении их языковой основы. Все русисты – историки русского литературного языка сходятся на том, что это язык не церковнославянский, а русский, отражающий, видимо, еще дописьменную традицию – устное обычное право. По этому поводу Б.О. Унбегаун писал, что "язык древнейшего законодательного свода Русской Правды XI века (но известного в списках не ранее конца XIII века) является чисто русским и, за исключением единичных выражений, совершенно свободным от церковнославянского влияния. Применение русского языка, однако, не ограничилось областью права. На нем писались все документы, частные и общественные, имевшие какую-либо юридическую силу, т.е. все, что вплоть до XVII в. носило название грамот ⟨...⟩. Это сосуществование двух различных письменных языков – церковнославянского литературного и русского административного – является самой оригинальной чертой языкового развития в России". Очевидно, что речь идет об особом жанре или группе единородных жанров, которая

автономна в сфере языка и стиля по отношению к другим жанрам или ко всей жанровой системе литературного языка.

Древнеславянскую и примыкающую к ней древнерусскую систему жанров можно схематически представить в виде иерархически организованной пирамиды, состоящей из ряда слоев, в которой доминирующими слоями являются: [1] религиозно-литургические, т.е. богослужебные тексты, затем [2] религиозно-гимнографические тексты; [3] агиографические и [4] панегирические тексты. Эти первые четыре жанра представляют собой сакральную вершину пирамиды, в которой язык и текст строго нормированы и предельно консервативны. К следующим, ниже расположенным слоям относятся три жанра: [5] религиозно-учительная литература, [6] церковно-юридическая (кормчие, номоканоны), [7] апокрифическая литература. Последняя находится на грани церковной и светской, т.к. некоторые принадлежащие ей тексты являются "отреченными", т.е. отвергнутыми церковью. За перечисленными семью "слоями" следуют еще семь слоев (жанров) уже светского характера. Их последовательность такова: [8] литература историческая, [9] повествовательная, [10] паломническая, [11] натуралистическая и философско-филологическая, [12] светско-юридическая, [13] деловая письменность, [14] бытовая переписка. Самым низшим, базовым слоем оказывается устная народная словесность (фольклор), в котором нет ни письменного (литературного) языка, ни письменной фиксации.

Церковнославянский язык господствовал в первых семи жанровых слоях. В исторической повествовательной и паломнической литературе, сохранявшей церковнославянские традиции, доступ народному, или "простому" русскому языку был значительным, и с каждым веком он возрастал. В деловой и бытовой письменности, как отмечалось выше, церковнославянский язык почти отсутствовал.

С изменением структуры жанров, которое началось еще в XVII веке и даже раньше и приняло в России почти "революционный" характер в XVIII в., активное вытеснение церковнославянского языка русским языком возрастало. В то же время происходило изменение в структуре церковнославянского языка и приспособление его к светским стилям литературного языка.

§ 8. Сближение церковнославянского языка с русским языком и теория трех стилей в литературном языке XVIII века. Существовавшие в России до XVIII века диглоссия, т.е. функционирование двух языков, находящихся в дополнительном распределении, и двуязычие, т.е. употребление двух языков в одной и той же сфере, было в XVIII веке заменено достаточно сложной и в то же время богатой возможностями системой стилей. С упадком старой книжной языковой культуры в среде высшего образованного сословия, с проникновением в это сословие французского языка и его стилистических особенностей происходило столкновение церковнославянской традиции и новых для русского человека форм европейского "благородного" стиля. Столичное петербургское высшее общество искало пути синтеза церковнославянского торжественного витийства с французским красноречием. Неслучайно поэтому французские поговорки и пословицы нередко переводились не на простой русский язык, а на возвышенный церковнославянский. Так, французское *traîner une misérable existence* было передано не как *тащить убогую житуху*, а как *влачить жалкое существование* и т.п. В литературу постепенно входила и обиходная речь петербургских и московских салонов и даже элементы просторечия, что размывало прежние границы между книжной и разговорной речью, между церковнославянским и русским языком.

Новые процессы и сдвиги в литературном книжном и разговорном языке XVIII века привели к тому, что возникли предпосылки к созданию единой достаточно сложной и вместе с тем реальной и жизненной стилистической системы русского литературного языка. Теоретически ее обосновал М.В. Ломоносов, и известна она как "теория трех стилей (или штилей)". В "Предисловии о пользе книг церковных" М.В. Ломоносов писал, что "от рассудительного разбору трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий. Первый составляется из

речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных. Средний штиль состоять должен из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностию, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. ⟨...⟩. Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению".

Приведенная цитата свидетельствует, что М.В. Ломоносов воспринимал церковнославянский ("славенский") и русский ("российский") язык как различные языки, но оба языка для него были "свои" и оба они, по его представлениям, были гарантами и защитниками чистоты родного литературного языка. Об этом в том же "Предисловии о пользе книг церковных" М.В. Ломоносова сказано: "Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующие себе красоту из греческого, а то еще через латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют". Затем из рассуждений М.В. Ломоносова о трех стилях вытекает, что симбиоз и соотношение "славенского" и "российского" языков, их взаимная дополнительность и их жизненность определяются и регулируются системой штилей. Функционирование этой системы объединяет церковнославянский и русский в одном литературном языке, отводя им разные роли в зависимости от жанра. В среднем ("посредственном") стиле они объединяются и смешиваются, и именно этому "штилю" в конце XVIII в. и в начале XIX в. и довелось лечь в основу русского национального литературного языка. Ценно наблюдение М.В. Ломоносова, что в его время именно древнеславянский (церковнославянский) определял в разных "штилях" характер соотношения двух языков – "российского" и "славенского", их пропорции и дозы в каждом из "штилей". Определяющая роль "славенского" объясняется тем, что он воспринимался как нормированный язык, тогда как "российский" еще не был нормированным и находился в стадии становления. В XIX в. эта ситуация изменилась коренным образом. Следует отметить также, что в приведенных рассуждениях М.В. Ломоносов говорит о языке литературном, вернее даже о языке литературы и разных ее видов, так как при характеристике каждого "штиля" упоминаются жанры (героическая поэма, ода, театральное сочинение, сатира, эклога, элегия и др.), и не затрагивает вопроса об устной литературной речи.

Проблему устной и письменной формы литературного языка поставило следующее за М.В. Ломоносовым поколение. Н.М. Карамзин предложил устную литературную речь взять в качестве образца для письменной. Сказав "Пиши, как говоришь!", он имел в виду тот язык, которым пользовались в петербургских салонах, а отнюдь не говор, который слышался на улице или в деревне. Когда несколько десятилетий спустя в Сербии Вук Караджич повторил лозунг "Пиши, как говоришь!", он был обращен к пастухам и пахарям, и в основу сербскохорватского литературного языка лег народный говор Восточной Герцеговины.

Сравнение исторических путей развития двух литературных языков – русского и сербского – интересно и поучительно потому, что у обоих языков были общие

корни, общая кирилло-мефодиевская традиция, общая связь с древнеславянским (церковнославянским) литературным языком. Но в первой половине XIX в. сербы, приняв реформу Вука Караджича, разорвали эту связь и полностью отказались от нее, а русские эту связь сохранили и ощущают ее по сей день.

§ 9. Церковнославянская традиция в русском литературном языке. Конец XVIII в. и особенно начало XIX в. могут быть охарактеризованы как эпоха перехода к новой литературно-языковой ситуации, к новым формам литературного языка в его двух разновидностях – письменной и устной. Во всех землях и краях мира Slavia Orthodoxa наблюдалось соперничество двух противоположных групп, по-разному определявших пути развития литературного языка, литературы и культуры. Их можно назвать архаистами (консерваторами) и новаторами (революционерами). В сербской и болгарской культурной среде победу одержали новаторы, в русской среде победителями не были ни те, ни другие - верх одержала средняя линия, в меру консервативная и в меру новаторская. Старое как национально-историческая книжная основа литературного языка было сохранено в рамках нового литературного языка, опиравшегося на уже достаточно устоявшуюся, нормированную устную речь столичного общества, допускавшего в свой язык элементы просторечия и профессионализмы. Самым существенным фактом, связанным с формированием литературного языка нового времени, была смена ориентации с письменной традиции на традицию разговорную. В России эта смена не была резкой.

Архаистов (консерваторов) в русской образованной среде представлял А.С. Шишков и его единомышленники, придерживавшиеся ломоносовской теории трех стилей и ориентировавшиеся на церковнославянский книжный язык как основу национального русского языка. Новаторы же, будучи скорее практиками, чем теоретиками, занимали позицию поддержки живого языка, не обремененного книжными речениями. Так, к примеру, для А.А. Бестужева-Марлинского, Н.И. Надеждина и др. басенный язык И.А. Крылова был образцом литературной речи.

Если заслуга создания "нового слога" русской литературной речи принадлежит Н.М. Карамзину, решительно отказавшемуся от высокого слога, или "штиля", опирающегося на церковнославянскую традицию, то роль основоположника современного русского литературного языка, писателя, окончательно определившего его современное развитие, выпала на долю А.С. Пушкина. Классический русский писатель XIX века И.С. Тургенев сказал: "Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык, и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением". Путь Пушкина не был путем отвержения или отказа от церковнославянской традиции, а был путем слияния этой традиции с русской речевой стихией, путем сохранения богатых стилистических возможностей, которыми наделен церковнославянский язык. Об этом свидетельствует множество славянизмов в поэтическом языке Пушкина, изобилующем такими формами, словами и оборотами, как *днесь, благой, бранный, хладный, сей, оный, кои, дабы, ибо, токмо, вериги, уста, выя, нарещи, восстать, возлетать, провещать, зреть, блюсти, вельми, паче* и др. Здесь приведены славянизмы, ушедшие из употребления в современном русском языке, но славянизмов, оставшихся в русском языке, во сто крат больше. В качестве примера можно привести первые две строки стихотворения А.С. Пушкина "Пророк":

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,

где, по выражению Л.В. Щербы, все слова, кроме слова *я*, – церковнославянизмы. Слова, вошедшие прочно в русский язык и не ощущаемые как иноязычные по происхождению, Л.В. Щерба называл "историческими церковнославянизмами". Не историческим славянизмом в приведенных строках оказывается только *влачился*.

§ 10. Стилистическо-синонимическая система современного русского языка. Рассматривая стилистические возможности русского языка, Л.В. Щерба писал, что "особо стоят три, если не четыре соотносительных слоя слов – торжественный, нейтральный и фамилиарный, к которым можно прибавить и четвертый – вульгарный. Их иллюстрировать можно, например, следующими рядами: *лик, лицо, морда, рожа; вкушать, есть, уплетать, лопать* или *жрать*". Нетрудно заметить, что слои торжественный, нейтральный и фамильярный соответствуют ломоносовским "штилям" – высокому, среднему и низкому, а также что *лик* и *вкушать* – церковнославянизмы, а *лицо* и *есть* – русские слова общеславянского происхождения. Что касается слов *морда, рожа, уплетать, лопать* и т.п., то их низкий или фамильярный статус не вызывает сомнения (кстати, число подобных слов-синонимов можно было бы значительно увеличить), в то время как к словам *лик* и *лицо* подобрать синонимы, не нарушая их стилистической – возвышенной (торжественной) и нейтральной – окраски, весьма трудно. К приведенным выше примерам Л.В. Щерба дает пояснение: "В ⟨...⟩ стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов – основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения ⟨...⟩ тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком ⟨...⟩". Дополнительный оттенок "торжественности, возвышенности" по отношению к нейтральному слову будет содержаться почти у всех синонимов церковнославянского происхождения. Продолжая тему лица, дополним пару *лик – лицо* парами *уста – рот, чело – лоб, ланиты – щеки, очи – глаза, вежды – веки, зеницы – зрачки, глава – голова.*

§ 11. Церковнославянизмы в современном русском литературном языке. Слова *глава* и *голова* относятся к одному праславянскому корню **golva*, но отражают два разных рефлекса, два результата развития одного исконного звукосочетания *-ol-*: одно южнославянское – *глава* – с неполногласием, другое – восточнославянское – *голова* – с полногласием. Акад. А.А. Шахматов свой "Очерк современного русского языка" начал с описания церковнославянских элементов в русском языке. Он выделил 12 групп славянизмов по различным признакам: 1) сочетания *ор, ол, ер, ел (град – город, предок – передок, глава – голова, млечный путь – молоко*); 2) сочетания *ра, ла* в начале слова (*раб, работа* – сев.-русск. *робота, ладья – лодка*); 3) группа *жд* вместо *ж* (*между – межа*); 4) аффриката *щ* вместо *ч* (*мощь – мочь, помощь – помочи, пещера* – диал. *печора*); 5) гласная *е*, не перешедшая в *о* (*небо* – диал. *нёба, пекло – пёк, крестный – крёстный*); 6) начальное *ю* вместо *у* (союз – *узы, юноша* – др.-русск. *уноша*); 7) твердое *з* (из *г*) вместо мягкого (*польза – *пользя, нельзя*); 8) гласные *о, е* на месте слабых *ъ, ь* (*союз* вместо **суз, доска* вместо **дска, стекло* вместо **скло*, слова с предлогами *со, во, воз*); 9) гласные *ы, и* на месте напряженных *ъ, ь* (*милый – милай, добрый – добрай*, ср. русск. *седой, молодой* и церк.-слав. *сѣдый, младый*); 10) формы прилагательных в родит. падеже ед. числа и др. (*другаго, втораго – другово, второво*, ср. фамилии *Живаго, Мертваго*; теперь вышло из употребления – *Н.Т.*); 11) словообразовательные элементы (суффиксы *-тель: житель, учитель; -тельный, -тельство, -ствие: царствие; -енство: главенство; -ес: чудеса, телеса; -ение, -ание* и др.); 12) лексика (*присуждать, защищать, угощать, полагать* и многие, многие другие). В прежнем названии нашей страны *Советский Союз* есть четыре церковнославянизма: два из них в приставке *со-*, один – в окончании прилагательного *-ий* и один в форме *юз* (ср. русск. *узы*). Совсем по-русски эти два слова выглядели бы так: **Светской Суз.*

Наш современный русский литературный язык насыщен церковнославянизмами, которых мы обычно не ощущаем, т.к. они потеряли окраску высокого стиля и стали повседневными, обыденными. В некоторых случаях они даже поменялись местами

со своими чисто русскими эквивалентами, как это произошло со словом *враг* 'неприятель', ставшим нейтральным, и его парой – словом *ворог*, получившим торжественно-приподнятую окраску. Порой мы произносим целые церковнославянские фразы и изречения, не замечая их церковнославянской принадлежности. Например, мы говорим "*Устами младенца глаголет истина*", не задумываясь, что по-русски это бы звучало: "*Ртом ребенка говорит правда*". Но при этом была бы потеряна та необходимая стилистическая окраска, которая придает всему изречению оттенок мудрости. Поиском подобных параллельных фраз занимался почти два века тому назад уже упоминавшийся адмирал Шишков. Он сравнивал фразы *молодая девка дрожит* и *юная дева трепещет* или к *холодному сердцу шею гнет* и к *хладну сердцу выю клонит*, или *опустя голову на ладонь* и *склонясь на длань главою*, или, наконец, *он разодрал себе платье* и *он растерзал свою одежду*. В последнем примере Шишков сопоставлял слова *разодрал* и *растерзал* и говорил, что во французском языке этим двум глаголам соответствует только один глагол *déchirer*, и потому "французы не могут чувствовать никакой разности, какую мы в своем языке чувствуем". Но каждый язык строит свою стилистическую систему по-своему. Мы же ее во многом зиждем на русско-церковнославянском языковом симбиозе. Скажем "по-славянски": *на сосуществовании*.

БИБЛИОГРАФИЯ

§ 1. *Толстой Н.И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания, 1961, № 1, с. 52–66; *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988; *Гълъбов И.* Избрани трудове по езикознание. София, 1986, с. 41–68; *Keipert H.* Kirchenslavisch und Latein. Über die Vergleich barkeit zweier mittelalterlicher Kultursprachen // Sprache und Literatur Altrusslands. Münster, [1990]. S. 81–109;

§ 2. Сказания о начале славянской письменности. Вступ. статья и перевод Б.Н. Флори. М., 1981; *Куев К.М.* Черноризец Храбър. София, 1967; *Бернштейн С.Б.* Константин-Философ и Мефодий. М., 1984.

§ 3. *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. СПб., 1908, с. 75–93; *Селищев А.М.* Старославянский язык. Ч. I. М., 1951, с. 67–93.

§ 4. *Кульбакин С.М.* Древне-церковно-славянский язык. Харьков, 1913, с. 15; *Соболевский А.И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894, с. 16; *Толстой Н.И.* История и структура..., с. 34–86; *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938, с. 5–47; *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987, с. 22–72.

§ 5. *Пикио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993, с. 35–332; *Picchio R.* Letteratura della Slavia orthodossa. Roma, [1991], p. 7–62.

§ 6. *Виноградов В.В.* Очерки по истории..., с. 5; *Соболевский А.И.* Русский литературный язык // Труды I съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СПб., 1904, с. 364–365; *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, с. 60; *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946, с. 6; *Унбегаун Б.О.* Язык русской литературы и проблемы его развития // Communication de la délégation française et de la délégation suisse. Paris, 1968, p. 129; *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 58–60, 72.

§ 7. *Унбегаун Б.О.* Язык русского права // *Unbegaun B.O.* Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969, p. 313–314; *Толстой Н.И.* История и структура..., с. 52–107.

§ 8. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л., 1952, с. 589.

§ 9. *Виноградов В.В.* Очерки по истории..., с. 178–180, 195–196, 267–268.

§ 10. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 121.

§ 11. *Шахматов А.А.* Очерк..., с. 70–89.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

© 2002 г. О.В. НИКИТИН

МОСКОВСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ Д.Н. УШАКОВА, Н.Н. ДУРНОВО И А.М. СЕЛИЩЕВА

(НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

История Московской лингвистической школы, по крайней мере в официальной части, берет свое начало с первого заседания лингвистического кружка, проходившего в сентябре 1901 г. И до, и после этого события идея объединения лучших, передовых, талантливых филологов в единую организацию возникала не раз, но после трагических событий Октября и изменения научных приоритетов, появления новых "идеологем" и кумиров 1920-х гг., часто уводивших далеко в сторону не только молодежь, но и подчас старые кадры, уже не было такого оплота, такой силы, которая могла бы удержать лихой разгул научной демократии. Ушли, один за другим, виднейшие отечественные филологи-слависты и лингвисты – Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, А.А. Шахматов, которые своим авторитетом и титанической деятельностью заражали и заряжали новые силы, вели вперед. Именно тогда, накануне больших перемен, и зародилось новое (хотя по сути своей – классическое и глубоко научное) направление, ставившее своей задачей в том числе и поднятие авторитета русской науки путем обращения к богатейшему опыту классиков и живой исследовательско-экспедиционной работы, поставленной уже не на разрозненные, хаотично движущиеся "эксперименты", а на строго организованную, идеологически (т.е. в данном случае – научно) обоснованную с и с т е м у, приоритетом которой была наука к о н к р е т н ы х д а н н ы х (А.М. Селищев) – лингвистика. Роль Московской лингвистической школы и Московской диалектологической комиссии в этом, несомненно, велика. Заслуги последней очень точно и в то же время образно подчеркнуты в публикуемых ниже воспоминаниях.

Три ключевые фигуры того памятного (1929 г.) заседания – Дмитрий Николаевич Ушаков, Николай Николаевич Дурново и Алексей Матвеевич Селищев – сохранили в чудом уцелевшем Протоколе редкие эпизоды деятельности комиссии и ее представителей, среди которых были и известные европейские лингвисты. Это заседание памятно еще и тем, что оно, наверное, было одним из последних и собрало весь цвет русской науки, три ее поколения. Многих из них, как мы знаем, не стало уже через несколько лет, а деятельность комиссии в 1930-е гг., с явным уклоном в социологизаторство, была скоро прекращена. Тем острее звучат заключительные слова выступления А.М. Селищева, как и его соратников, говорившего о необходимости сотрудничества комиссии с молодежью, которая "будит к энергетической работе грядущего диалектологического дня". Эти заметки уникальны еще и в том смысле, что дают неподдельное представление о самой а т м о с ф е р е научных поисков, где, не без ошибок, рождались научные истины, рассказывают, пожалуй, впервые, так откровенно и с подобающим "лингвистическим вкусом" в мемуарном жанре о серьезной научной работе, невольно приближая и нас к той искренней и "живой жизни", которой дышали наши великие предки.

Публикуется впервые по тексту подлинника Протокола 189-го заседания Московской диалектологической комиссии, посвященного 25-летию со дня ее основания (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 71. Лл. 21–39). При воспроизведении текста нами были исправлены очевидные опечатки и погрешности стенограммы, сделаны сопутствующие ссылки и примечания; сокращения раскрыты в угловых скобках, а незначительные вставки публикатора – в квадратных. Тексты выступлений Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново, А.М. Селищева и других участников заседания оставлены в первозданном виде (без редакторской правки, с сохранением

стилистических, орфографических и пунктуационных особенностей подлинника, а также орнаментики документа). После текста Протокола в деле помещен Список членов Московской диалектологической комиссии, составленный ко дню ее 25-летнего юбилея и включивший в свой состав фамилии исследователей (во многих случаях с указаниями на время вступления в МДК и должность) за период с 21 января 1904 г. по 3 февраля 1929 г.

* * *

ПРОТОКОЛ
189 заседания

МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
6-го февраля 1929 г.

Заседание происходило в аудитории № 1 семинарского корпуса 1 МГУ и было посвящено 25-летию со дня основания Комиссии.

Присутствовали:

Председ⟨атель⟩ Д.Н. Ушаков, тов⟨арищ⟩ председателя Н.Н. Дурново, секретарь И.Г. Голанов, члены Комиссии: Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур, О.А. Державина, Г.А. Ильинский, В.Н. Каменев, П.С. Кузнецов, Н.А. Мартынова, М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский, П.П. Свешников, А.Д. Седельников, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров, И.М. Тарабрин, М.В. Ушаков, и гости: Кл. Гр. Алексеева (студ⟨ент⟩ка IV к⟨урса⟩ этногр⟨афического⟩ отд⟨еления⟩ 1 МГУ), И.Я. Бондяков, А.М. Иванов, П.Л. Усенко, А.И. Фомин (ст⟨уденты⟩ IV к⟨урса⟩ этн⟨ографического⟩ [отделения]), Н.Э. Шмидт – всего 24 человека.

I. Председатель Д.Н. УШАКОВ приветствовал собравшихся с исполнившимся 25-летием Комиссии.

II. Секретарь И.Г. ГОЛАНОВ прочитал краткий отчет о деятельности Комиссии за 25 лет (личный состав, задачи, число заседаний и докладов, главнейшие темы их, экскурсии, издательская деятельность).

III. Председатель Д.Н. УШАКОВ поделился своими воспоминаниями о покойных академиках: о первом председателе Комиссии Ф.Е. Корше, о своем учителе Ф.Ф. Фортунатове и об А.А. Шахматове, так много сделавшем для Комиссии.

Корш начинал свое преподавание в Московском Университете, когда Фортунатов был студентом последнего курса; Фортунатов был учителем Шахматова.

27-летний Фортунатов, по представлению Корша, был избран доцентом по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Он шел впереди западной науки, дал методы лингвистической работы, осветил общеславянский период. Эта научная сила создала Шахматова.

С Диалектологической Комиссией Фортунатов непосредственно не был связан, но все основатели Комиссии – его ученики по университету. Преподавание русского языка в этот период в университете было скудным. Курс по этому предмету читал проф⟨ессор⟩ славистики Брандт по назначению факультета; он умел возбудить интерес к лингвистическим знаниям, но специальных занятий над материалом русского языка не вел. Если бы в то время преподавал в университете Соболевский или Шахматов, то Ушаков не был бы оставлен при университете по сравнительному языкознанию санскритику[1], а, вероятно, сразу бы отдался русскому языку. Дурново не был бы так долго литературоведом; разумеется, ни тот, ни другой не жалеют об этих занятиях, но Д.Н. [Ушаков] упомянул об этом, чтоб указать, что в университете они

[1] Такое слово и согласование в тексте документа. (Здесь и далее сноски под номером наши. – *О.Н.*)

не имели прямого руководителя по русскому языку, которым впоследствии занялись. Позже пришли к диалектологии – каждый по-своему, но все одним путем: от Фортунатова к Шахматову. Интерес к русскому языку у Григорьева, Дурново и Тарабрина шел от занятий древнерусскими памятниками; у Ушакова – интерес этот был подготовлен работой по фольклору у В.Ф. Миллера. Когда эти лица кончали университетский курс, в Москве было много разных научных кружков, но еще не было кружка по языку. Основанный ими кружок, первое заседание которого состоялось в сентябре 1901 г. в квартире Григорьева, был первым лингвистическим обществом. Все они вскоре потянулись к Шахматову, который тогда был уже академиком. Дурново сообщил Шахматову о возникшем кружке, после чего академик писал членам кружка, что он очень заинтересован их работой, и добавил: "Надеюсь, вы приняли бы меня". Бывая в Москве, Шахматов бывал в заседаниях кружка; позже в одном из заседаний Комиссии, когда по случаю выхода в свет I-го выпуска Т р у д о в, читался очерк возникновения кружка и Комиссии и список членов кружка, присутствовавший здесь Шахматов сказал: "И я тоже был членом кружка". Он постоянно интересовался жизнью кружка и возникшей из него Комиссии; в переписке между Ушаковым и Шахматовым постоянно речь идет о делах Комиссии: и о крупных, и о мелких.

Все для новой академической Комиссии делалось через Шахматова: получение денег, рассылка книг и проч. Так он сам себя поставил с первых минут, постоянно предлагая себя для Комиссии: ведь это была необыкновенная личность, он постоянно готов был всем помочь. Кроткий Шахматов, "голубица" (по выражению Корша), в то же время был чрезвычайная сила, – сила, способная и на гениальное творчество, и на черную работу.

Диалектологическая Комиссия – его родное детище; сам он писал: "Она мне дорога, а за смертью Корша еще вдвое дороже". Однако как ни были скромны работы молодой Комиссии, все же она делала интересное для самого Шахматова дело, почему он и принимал самое горячее участие в ее занятиях. Так, он вырабатывал вместе с Комиссией планы ее диалектологических поездок на 1910 год, наметив для нее с петербургскими сотрудниками определенные границы оканья и аканья; правда, северная половина не осуществила своей задачи, но москвичами (ездили в 1910 год прив⟨ат⟩-доц⟨ент⟩ Дурново со студ⟨ентом⟩ Голановым и прив⟨ат⟩-доц⟨ент⟩ Соколов со студ⟨ентом⟩ Каменевым) довольно точно была определена граница оканья и аканья.

Далее был предложен ряд выдержек из писем Шахматова (напр⟨имер⟩, от 3/IV [19]18 г. об интересе Шахматова к синтаксическим беседам, которые тогда шли в Комиссии).

Все они характеризуют истинно-"отеческое" отношение Шахматова к Комиссии и объясняют, почему все к нему постоянно обращались.

Кружку и Комиссии, как говорится, повезло: в лице Шахматова нашли "покровителя и ходатая, представителя и руководителя". Но счастье было не только в общении с самим Шахматовым, а еще в том, что он дал Комиссии Корша.

Корш – гениальный, блестящий ученый, но, конечно, не хозяин, в материальные дела Комиссии он не вмешивался. Однако и в деле направления ученой деятельности он не был руководителем; инициатива принадлежала самим членам Комиссии или же вырабатывалась в обсуждениях дел с Шахматовым. Но посещал Комиссию Корш очень охотно[2]. Для членов Комиссии было важно общение с выдающимся ученым, интересным собеседником (умел он не только говорить, но и слушать); беседы Корша, при всей его гениальности, были необыкновенно просты. Его влекло к Комиссии, вероятно, то, что и сам он мог испытывать удовлетворение в ее работах, не только от широких сообщений, но и от кропотливых занятий (напр⟨имер⟩, по редактированию диалектологических программ). А молодежь влек к нему постоянно искрившийся его талант.

---

[2] См. также статью памяти Ф.Е. Корша "Воспоминания о председателе Московской Диалектологической Комиссии" [Ушаков 1915: 68–81].

И Шахматов, и Корш всегда держали себя чрезвычайно просто; Корш был постоянно непринужденный, живой.

По смерти Корша доброжелательное отношение Академии Наук к Диалектологической Комиссии не изменилось, в частности, нельзя не поблагодарить глубокоуважаемого академика А.И. Соболевского за участие в работах Комиссии.

Итак, Московская диалектологическая комиссия – лингвистическое общество; 25-летний путь ее[3] – светлый путь; может быть, она сделала меньше, чем хотелось, но все-таки сделала немало: составлены программы, на них получены ответы, часть их издается, приближается к концу и издание остальных, напечатана диалектологическая карта.

Главная задача Комиссии – по-прежнему – изучение говоров.

В заключение Д.Н. [Ушаков] высказывает свое пожелание, чтоб нашлись силы сделать работу Комиссии более планомерной.

После этих воспоминаний председатель Диалектологической Комиссии проф. Дмитрий Николаевич УШАКОВ просит лингвистический кабинет 1 МГУ в лице его заведующего проф. М.Н. Петерсона принять в дар портреты трех великих деятелей лингвистической науки: Корша, Фортунатова и Шахматова*.

IV. Тов⟨арищ⟩ председателя Н.Н. Дурново, член-основатель, прочитал свои воспоминания о начале Кружка и Комиссии.

ВОСПОМИНАНИЯ Н.Н. ДУРНОВО

(по авторской рукописи)

Не помню точно, кому из нас первому, Григорьеву[4] или мне, кажется, что Григорьеву, пришла в голову мысль организовать кружок[5] для изучения русского языка. Я больше его чувствовал потребность поделиться своими мыслями, касающимися лингвистических вопросов, с другими, чем Григорьев, потому что в это время был занят печатаньем своей первой большой работы по диалектологии – Описания говора д. Парфенок[6], – которая являлась как бы энциклопедией моих тогдашних знаний по языку. Попутно с этим шла подготовка к магистерским экзаменам, чтение лингвистических работ ...Хотелось высказаться, посоветоваться, поучиться, и я естественно искал такую среду, в которой можно было бы высказаться. Правда, Григорьев в этом случае много дать не мог. Его интересы были больше филологические: чисто лингвистической стороной дела он не интересовался. Когда несколько позднее в наш кружок вошел Д.Н. Ушаков и стал развивать мысль, что недурно бы расширить задачи нашего кружка, сделав его лингвистическим вообще, не ограничивая его только русским языком, Григорьев был недоволен; он предпочитал, чтобы кружок остался при чисто филологических заданиях. Зато Григорьева привлекали задачи организаторского типа. Ему хотелось поскорее создать четкую классификацию старинных письменных памятников по языку, добиться экономического разделения труда по приведению в известность диалектологического материала и т.д.

---

[3] Этот доклад был сделан Д.Н. Ушаковым на юбилейном заседании МДК, посвященном 25-летию со дня ее основания. См. также: [Ушаков, Соколов 1914: 219–230; Ушаков, Голанов 1927: 1–12].

* Портреты, украшенные зелеными венками, находились в помещении заседания (такая сноска в тексте документа. – *О.Н.*).

[4] Григорьев Александр Дмитриевич – один из основателей Московской диалектологической комиссии.

[5] Первое заседание Московского лингвистического кружка состоялось в сентябре 1901 г. (см.: Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 71. Лл. 2–5). Позднее кружок был преобразован в Московскую диалектологическую комиссию. Подробнее об этом см. очерки Д.Н. Ушакова в кн.: [Ушаков 1995: 261–296].

[6] См. [Дурново 1900; 1901; 1902; 1903].

С самого начала кружок был очень невелик. На первом заседании нас было только пятеро: кроме АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ГРИГОРЬЕВА и меня, также НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ СОКОЛОВ, ИВАН МЕМНОНОВИЧ ТАРАБИН, самый аккуратный посетитель всех заседаний Кружка до его преобразования в Комиссию, несмотря на то, что его интересы и тогда лежали в значительной степени вне той области, которая была предметом занятий Кружка и Комиссии, и живший тогда в Москве молодой словинский ученый, ученик Ягича, РАЙКО РАЙКОВИЧ НАХТИГАЛЬ, теперь профессор славянской филологии в Люблянском Университете, еще недавно выпустивший ценную работу по русскому ударению.

Нахтигаль посещал аккуратно все заседания кружка до своего отъезда на родину. Все мы пятеро были по Университету однокурсники, кончили в 1899 году. Григорьев, Соколов, Тарабрин и я, Московский, Нахтигаль – Венский Университет. Д.Н УШАКОВ вошел в наш кружок только с 5-го заседания, т.е. через 2 с небольшим месяца. Кроме Д.Н. Ушакова, Кружок постепенно пополнялся и другими лицами, сначала студентами, как АРКАДИЙ СТЕПАНОВИЧ МАДУЕВ, НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КОНОНОВ, а затем и лицами старших выпусков, как АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ, ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОГОРЕЛОВ (теперь профессор Братиславского Университета), НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ШАТЕРНИКОВ и др.

Когда основывался Кружок, я лично еще не специализировался по изучению языка, как позднее. Главные мои интересы были направлены на изучение старинной литературы и устной словесности. В изучение языка я только начинал втягиваться, обрабатывая свои записи фольклорного характера, сделанные мною у себя в деревне – в Парфенках б. Рузского, теперь Воскресенского уезда Московской губ., затем в Калужской губ. в нижнем течении р. Угры и от случайно встретившихся крестьян других губерний. Попутно с записями фольклорного материала я делал наблюдения и над разговорным языком. Но лингвистом стать тогда я не собирался; моя лингвистическая подготовка была очень слаба. В программе магистерских экзаменов, к которым я тогда готовился, стоял и русский язык, но профессор Р.Ф. Брандт[7], дававший нам программу по русскому языку, ограничивал свои требования немногими старыми работами. В программе почти не было работ А.А. Шахматова, потому что проф. Брандт находил, что эти работы слишком трудны для усвоения. По общим вопросам языковедения и по сравнительной грамматике индоевропейских языков не требовалось ничего. Знакомство со славянскими языками и то только с двумя, одним западным и одним южным, требовалось лишь практическое; сравнительная грамматика славянских языков не требовалась и не была нам известна даже в объеме университетского курса, так как такого курса в Университете не читалось. Понятно – что, готовясь к магистерскому экзамену, изучая народные говоры, работая над описанием старинных рукописей, я не мог довольствоваться той программой, какая была нам дана проф. Брандтом, и, конечно, читал работы Шахматова, которые боялся нам рекомендовать проф. Брандт, и др. работы по русскому, славянскому и общему языковедению, но все же моя лингвистическая подготовка оставалась очень слабой и несистематичной, а в моих познаниях по сравнительной грамматике славянских и индоевропейских языков оставались большие пробелы, не совсем восполненные даже и до сих пор. Григорьев и Тарабрин были от лингвистики еще дальше меня. При таких условиях ясно, какое значение для Кружка с самого его возникновения имело присутствие в нем чистого лингвиста Н.Н. Соколова и слависта, уже тогда хорошо знакомого с сравнительной грамматикой славянских языков, Р.Р. Нахтигаля.

Н.Н. СОКОЛОВ[8] был необходим нашему Кружку и Комиссии как чистый лингвист. Но я бы назвал его душой и идеологическим руководителем Кружка и, в осо-

---

[7] Брандт Роман Федорович (1853–1920) – известный русский филолог-славист и педагог, член-корреспондент Императорской АН.

[8] Соколов Николай Николаевич (1875–1923) – известный русский диалектолог и педагог, один из основателей Московской диалектологической комиссии.

бенности, Московской Диалектологической Комиссии, имея в виду то обстоятельство, что Комиссия направлением всей своей деятельности, пониманием своих непосредственных задач, постановкой вопроса о методах и задачах собирания диалектологических сведений и освещением добытого ею диалектологического материала в значительной степени обязана Н.Н. Соколову. Он первый в Комиссии указал на необходимость различать переходные и смешанные говоры и первый дал определение и тех и других, изложенное в его статье "Определение и обозначение границ русских говоров", начинающей собою 1-й выпуск Трудов МДК[9], но впервые сформулированное им еще в 1904 г., в докладе о некоторых переходных говорах западной части Тверской губ., прочитанном на 9-м заседании МДК[10]. Это определение легло в основу понимания переходных и смешанных говоров в "Очерке русской диалектологии", приложенном к изданному Комиссией "Опыту диалектологической карты русского языка в Европе"[11], и во вступительной главе моих "Диалектологических разысканий"[12] 1918 года. Н.Н. Соколов в этом случае не был вполне самостоятельным: предлагаемое им разграничение чистых, переходных и смешанных говоров проводилось некоторыми и раньше, но, кажется, никто до него не делал этого с такой последовательностью и не клал этого в основу диалектологических наблюдений. Для нас, членов Комиссии, это новость, которая была нами усвоена и положена в основу наших дальнейших работ. В связи с учением о переходных говорах стоял и исторический подход к их изучению, проводившийся Н.Н. Соколовым во всех его диалектологических работах, в том числе и его погибшем исследовании по литовской (жемайтской) диалектологии. Исторический метод в применении к переходным говорам Н.Н. Соколов понимал в смысле выяснения первоначальной основы говора и тех черт, какие явились в нем под влиянием других говоров. При определении этих черт приходилось выяснять, со стороны каких говоров идут влияния и насколько эти влияния сильно изменили первоначальный характер говора и приблизили его к говорам на него влиявшим. Может быть, я изложил здесь принципы, применявшиеся Н.Н. Соколовым при изучении переходных говоров, недостаточно полно и ясно. Думаю, однако, что сейчас важно не это, а важно указать, что эти принципы были целиком приняты Комиссией и направили ее текущую работу по определенному руслу.

Н.Н. Соколов за то время, пока он работал в Комиссии, много раз предпринимал диалектологические поездки[13]. Все поездки были направлены в области с переходными говорами (между северновеликорусскими и южновеликорусскими и между великорусскими и белорусскими говорами), имели целью выяснить в самых общих чертах основные тенденции в современной эволюции этих говоров, установить их первоначальную основу и определить пути и характер позднейших наслоений в этих говорах, идущих со стороны других говоров. В постановке таких вопросов и их разрешении – главное значение этих поездок; сырого диалектологического материала они давали сравнительно мало.

Поездки как самого Н.Н. Соколова, так и других членов МДК были по большей части согласованы с планом, выработанным Комиссией, а в выработке этих планов едва ли не главнейшая роль принадлежала Н.Н. Соколову. В согласии с его пониманием задач и методов исторической диалектологии большая часть диалектологических экскурсий, организованных МДК, была направлена в область переходных говоров.

В области изучения русской диалектологии Н.Н. Соколов, несмотря на многочисленные поездки, сделал все же сравнительно мало. Но его влияние на работу самой Комиссии и ее членов было огромным.

---

[9] См. [Труды МДК 1908: 1–6].

[10] Материалы этой экспедиции опубликованы в изданиях: [Соколов 1904: 130–131; 1908: 36–45].

[11] См. [Опыт 1915: 211–344].

[12] См. [Дурново 1917–1918].

[13] Сведения о диалектологических поездках Н.Н. Соколова и его научной деятельности см. [Дурново 1923: 187–188; Булахов 1978: 215–217].

Могу вспомнить еще одну сторону в деятельности Н.Н. Соколова как члена и руководителя МДК. Это – его доклады, касавшиеся синтаксиса русского языка[14]. И здесь он, хотя и не дал много, но острой постановкой принципиальных вопросов сильно содействовал возбуждению наших интересов к этому мало его интересовавшему в то время отделу грамматики и направлению наших позднейших работ в этой области.

V. После воспоминаний Николая Николаевича Дурново выступил И.М. ТАРАБРИН, член-основатель.

Зная деятельность Комиссии на всем ее протяжении, он останавливался на 3 обстоятельствах:

1) Члены Комиссии вскоре после ее основания составили список трудов и статей по русскому языку и диалектологии, отпечатанный[15] в ограниченном количестве экземпляров.

2) Молодые сочлены работали над созданием Библиотеки Комиссии.

3) Желательно, чтобы новые сотрудники Комиссии не забывали и работы, близкой к деятельности Комиссии, какова была, напр., работа по составлению карточек для словаря быта при Историческом Музее (доведен до *С*; необходимо его завершить).

VI. Член Комиссии М.Н. ПЕТЕРСОН остановился на современном значении Комиссии – научном и педагогическом.

1) Методы изучения говоров у Д.К. совсем особые, вызванные местными условиями жизни русских говоров и не совпадающие с западными методами. Главное – это воспитание молодых исследователей – наблюдателей в одном научном направлении, что обеспечивает успех групповых и единоличных диалектологических экспедиций. Отправляясь в разные места, сотрудники К. описывают говоры по одному способу и таким образом дают однородные материалы, по которым можно писать любое исследование.

2) Интересы Д.К. гораздо шире ее наименования – здесь можно делать доклады на любую тему. Надо отметить интерес Комиссии к фонетике и к фонетической транскрипции, что связано с преподаванием в Университете.

3) Дело Комиссии – жизненное: при новых Академиях (белорусской и украинской) возникли местные диалектологические комиссии по образцу наших, как бы "филиальные отделения", строящие свою работу по нашему типу. Большинство молодежи выработало в Д. К. свое лингвистическое мировоззрение. Сам М. Н. прочитал 1 доклад здесь, затем участвовал в "синтаксических беседах".

Д<иалектологическая> К<омиссия> имеет полное основание гордиться своей работой.

VII. Член Комиссии Г.О. ВИНОКУР указал на то, что Комиссия имела большое воспитательное значение для той группы, к которой принадлежал он и его сверстники. Он не считал преувеличением сказать, что это поколение студентов училось не столько в Университете, сколько в Диалектологической Комиссии.

VIII. Преп. Школы ВЦИК А.М. ИВАНОВ[16] заметил, что в свои студенческие годы он был счастлив, что 1) учился в Университете и 2) посещал Д. Комиссию. Хотя многие из его сверстников, вместе лингвистически выраставшие в Комиссии, и отошли, но многие дают нечто для ее работы. С самого начала посещении Комиссии он почувствовал здесь эту прекрасную простоту, которая, очевидно, сохраняется в ней со дня основания, судя по прочувствованным словам одного из членов-основателей А.С. Мадуева на заседании в апреле 1928 года, которому удалось после многих лет в провинции видеть группирующуюся в ней молодежь.

---

[14] См., например: [Соколов 1903: 347–366].

[15] Далее в строке напечатано: на.

[16] Иванов Александр Максимович – член Московской диалектологической комиссии.

IX. Член Комиссии В.Н. СИДОРОВ, выступая от молодых членов Комиссии, указал, что с их стороны было бы неблагодарностью не говорить на Юбилейном Заседании, т.к. они "воспитанники К. в квадрате", являясь в области русской диалектологии учениками не только самых основателей Комиссии, но и их учеников и продолжателей.

X. Секретарь Комиссии И.Г. ГОЛАНОВ. в связи с своим положением в Комиссии заметил, что по времени вступления (1911) он не принадлежит ни к основателям, ни к молодым членам Комиссии, а составляет ее "середину", принимая уже 10-й год большое участие в ее делах по должности секретаря (иногда довольно хлопотливой). Этим он всецело считает себя обязанным председателю Комиссии Д.Н. УШАКОВУ, которому он и приносит глубокую благодарность не только от себя, но и от лица всей Комиссии: привлечение к науке часто идет не только от нее самой, но от живой личности, как в данном случае. Сегодняшнее заседание рассеивает все сомнения и показывает, что этот труд по Комиссии следует нести и дальше.

XI. Член Комиссии А.М. СЕЛИЩЕВ, назвав себя вступившим в нее не так давно (в 1921 г.), выяснил ее значение в следующей речи.

ПРОФ. А.М. СЕЛИЩЕВ

Речь на юбилее Д<иалектологической> К<омиссии> 6/II–[19]29

В 90-х годах XIX века был подведен итог всему тому, что было известно о русских говорах на всех необъятных просторах России. Это было сделано в известном диалектологическом труде академика А.И. Соболевского, в его "Опыте русской диалектологии", вып. I. Наречия великор<усское> и белор<усское>. (Живая старина, 1892 г., дополненное отдельное издание 1897 г. СПб.) и в Очерке русской диалектологии, Малорос<сийское> наречие (Ж<ивая> Ст<арина>. II. 4). Из описаний, из сырых материалов, из губернских календарей и многих других изданий извлечены были все диалектологические данные и представлены здесь в виде характеристики отдельных русских районов. В наиболее благоприятных условиях оказалась группа южнорусская, вследствие сравнительно богатого опубликованного материала и наличия ряда статей по диалектологическому описанию. Но огромные пространства великорусских говоров представлены были к этому времени весьма немногими записями и случайными неопределенными указаниями отдельных черт. Труд А.И. Соболевского составлял в течение долгого времени единственное общее пособие по русской диалектологии. Вместе с тем он значительно содействовал дальнейшим диалектологическим изучениям.

II-е Отделение Академии Наук и редакция Живой Старины издали программы-вопросы по собиранию диалектологического материала. Производились отдельные описания и диалектологические наблюдения. Диалектологический материал накоплялся. Ощущалась потребность в такой научной организации, которая планомерно приступила бы к диалектологическим изучениям, к собиранию диалектологического материала, к всестороннему изучению его и в конечной цели к составлению русской диалектологии и диалектологической карты.

Эта потребность нашла себе отклик в московском кружке молодых лингвистов, занимавшихся изучением разных вопросов по отношению к русскому языку. Уже с самого начала, с 1901 г., интересы кружка устремлялись к изучениям в области русской диалектологии. Из 22 докладов, прочитанных в заседаниях кружка, 13 были посвящены диалектологическим вопросам. Через 3 года кружок был преобразован в "Комиссию по составлению диалектологической карты русского языка" при II-м Отделении Академии Наук.

Я имею честь принимать участие в работах Комиссии только с 1922 г. О деятельности ее в предшествующие годы я получал сведения вдали от Москвы, живя в Казани, некогда оживленном культурном центре в Поволжье. В течение первых

пяти лет немного сведений доходило к нам в Казань. В 1908 г. вышел 1 выпуск Трудов Московской диалектологической Комиссии, в 1910-м 2-й выпуск; в последующие годы стали появляться дальнейшие книги. С этого времени и перед посторонним наблюдателем открывается деятельность московских лингвистов-русистов. Для русской диалектологии образование Комиссии и появление ее трудов представило новый (здесь и далее разрядка в подлиннике. – *О.Н.*) период в судьбах этой науки в нашей стране. Деятельность Комиссии отражала полно стремления к выполнению задач современной лингвистической науки. Комиссия разработала цельную программу диалектологических изучений русской области. Членов Комиссии не удовлетворило название, данное ей Академией: "Комиссия по составлению диалектологической карты русского языка". Они предпочитают именовать свою организацию Московской Диалектологической Комиссией. Задачу своей деятельности они понимали и осуществляли по более широкой программе. Они собирают и обрабатывают диалектологические данные. Они готовятся к составлению пока общей ориентирующей русской диалектологической карты, а затем к составлению подробного диалектологического атласа.

В своих заседаниях они обсуждают в числе диалектологических вопросов существенный вопрос в диалектологии вообще – вопрос о взаимодействиях соседних диалектологических групп, о возникновении переходных и смешанных говоров.

С осени 1904 года в Комиссии "зашел принципиальный разговор о них", – об этих говорах сообщал в 1-м выпуске Трудов Н.Н. Соколов, так много поработавший по этому вопросу. Вопроса о смешанных и переходных говорах касался и другой деятель Комиссии, Н.Н. Дурново, в своих "Диалектологических разысканиях в области великорусских говоров" (1918 г.). Для постороннего наблюдателя было видно, что деятели Московской Комиссии занимались не одной лишь теорией переходности говоров. Они и на деле показали, какое важное значение принадлежит этому вопросу в русской диалектологии, и положили много труда на изучение районов переходных говоров.

Мы видим, как пристально работала Комиссия над выяснением весьма важного вопроса, об оканье и аканье, над разъяснением границ между окающими и акающими говорами. Члены Комиссии и их молодые сотрудники много раз отправляются на поиски границ тех и других говоров, на определение районов с различными типами аканья (яканья). Так, напр., по одному из планов, выработанных Комиссией, Н.Н. Дурново должен был объездить летом 1904 г. западную часть Клинского уезда и сев<еро>-восточную часть Волоколамского для определения границы между оканьем и аканьем. Такого же характера поручение возлагалось на Н.Н. Дурново и в последующие годы. В 1910 году он искал границу между оканьем в пределах Рязанской, Тамбовской и Нижегородской губ.; он выполняет такую же задачу и в 1913 г. Результаты своих наблюдений и изучений диалектологического материала, собранного другими лицами, Н.Н. Дурново представил в своей диссертации: "Диалектологические разыскания в области великорусских говоров" (1918 г.). Много занимался этими вопросами и другой деятельный член Комиссии Н.Н. Соколов. Внесли свои вклады по выяснению окающих и акающих говоров также другие члены и сотрудники Комиссии. Одним из них, И.Г. Голановым, выяснены границы диссимилятивного аканья и дана карта областей, представляющих это явление.

Московская Диалектологическая Комиссия указывала не только на взаимодействия русских диалектологических групп, но и на взаимоотношения русских и нерусских групп. И этот вопрос, один из важнейших в современной лингвистике, Комиссия включила в программу своей деятельности. Н.Н. Соколов ездил в Литву и Белоруссию наблюдать взаимоотношения русских групп с литовскими и польскими. В заседании Комиссии в январе 1909 г. вызвал весьма оживленное обсуждение доклад А.В. Маркова[17]: "Область великорусского наречия и область

[17] Марков Алексей Владимирович – член Московской диалектологической комиссии (скончался в 1917 г.).

финно-угорских топографических названий". Судьбу русского языка в иноязычной среде наблюдают и позднейшие члены Комиссии: Г.Г. Дингес[18] в среде немцев Поволжья, Селищев в среде чуваш и черемис Казанского края. В.И. Лыткин, слушатель членов Комиссии профессоров Московского Университета, изучает в исторической перспективе русские элементы в языке зырян. Другой слушатель, Г.А. Нечаев, собирает интересные сведения об изолированных русских говорах в Пермском крае, говорах, представляющих в своем звуковом составе много зырянских элементов.

Деятели Комиссии много работали по физиологии русской речи. Им принадлежит большая заслуга в выяснении физиологии типа московской речи. В 1909 году несколько заседаний было посвящено докладу Д.Н. Ушакова о наблюдениях проф. Финка по физиологии русской образованной речи. В 1909 и 1910 гг. Д.Н. Ушаков и Н.Н. Дурново работали над системой фонетической транскрипции своей речи. Ими изготовлялась фонетическая запись в их произношении рассказа Чехова "Дачники". Ими выработана была система знаков для фонетической транскрипции. И запись и система знаков подвергались обсуждению в заседаниях Комиссии. Члены Комиссии, пристально наблюдавшие за речью москвичей, отметили ее неодинаковость у старшего и младшего поколений. Это – весьма важное наблюдение. Так, члены Комиссии указали, что гласному предударенному[19] речи старшего поколения соответствует[20] в речи младшего поколения москвичей. "Питухи", – заметил представитель старшего поколения председатель Комиссии Ф.Е. Корш по адресу молодых членов Комиссии. Это наблюдение несомненно. И по некоторым другим чертам своей речи молодое поколение москвичей отличается от старших, как это обнаружил и сербский лингвист Р. Кошутич, долго и внимательно наблюдавший московскую речь*. В 1911 г. в заседании Комиссии Ф.Е. Корш прочитал свой доклад по поводу хрестоматии Р. Кошутича "Руски примери". В докладе много внимания было уделено речевым тактам. К глубокому сожалению, этот доклад остался неопубликованным.

Объясняя те или иные языковые явления, Московская Диалектологическая Комиссия учитывает все возможные обстоятельства, при которых могли возникнуть в данной общественной группе изучаемые явления. Она не забывает о самих носителях говоров, не забывает о культурно-исторической судьбе их, учитывает связи населения с культурно-промышленными центрами, принимает во внимание географическое положение, способствующее интенсивности в сношениях с прочим населением или изолирующее от других групп населения. Подобные замечания, хотя и отрывочные, определяют понимание языковых процессов как процессов социального характера. Членами Комиссии предложена была в РАНИОНе в качестве темы для коллективной работы по лингвистической Секции: "Обследование и изучение, преимущественно с точки зрения социальной диалектологии, великорусских говоров, в первую очередь Московской губернии"**. Не вина этих лиц, что работа не могла быть выполнена ими. Одним из членов Комиссии впервые в русской лингвистике представлена работа по общему определению языковых явлений как явлений социального значения. Эта работа М.Н. Петерсона "Язык как социальное явление"***. Другим членом Комиссии велась работа по изучению языковых переживаний в связи с событиями и обстоятельствами последних лет****.

---

[18] Дингес Георгий Генрихович – член Московской диалектологической комиссии с 1917 г.

[19] Далее, очевидно, пропуск звука.

[20] Далее, очевидно, пропуск звука.

* Р. Кошутите. Руска граматика I. Гласови. Пэтроград, 1919. Стр. X–XV (такая сноска в тексте документа. – *О.Н.*).

** Ученые записки лингв<истической> секции. I. Стр. 130 (такая сноска в тексте документа. – *О.Н.*).

*** Ученые зап<иски> лингв<истической> секции. I. Стр. 2–21 (такая сноска в тексте документа. – *О.Н.*).

**** Селищев [А.М.] Язык революционной эпохи. М., 1928 (такая сноска в тексте документа. – *О.Н.*).

В своих заседаниях Комиссия много времени уделяет обсуждению научно-организационных вопросов. Вырабатываются диалектологические программы с главнейшими вопросами и примерами, обсуждаются планы диалектологических экскурсий.

Комиссия выполнила огромную работу по собиранию и обработке диалектологического материала, преимущественно великорусского и белорусского. Диалектологическая карта, составленная Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым. Очерк русской диалектологии, приложенный к ней, 10 выпусков Трудов Комиссии (1908–1918) – свидетели неуклонного стремления деятелей Комиссии к изучению русских диалектов во всем их разнообразном составе. В изданной карте, охватывающей все огромные пространства в Европе, занимаемые русскими диалектами, имеются, разумеется, неточности. Члены Комиссии, составители карты сознают это не меньше других диалектологов. В результате дальнейших изучений Комиссия вносит те или иные поправки в определения диалектических границ. Эти исправления выразительно подчеркиваются ею в отчетах и статьях, помещаемых в очередных выпусках ее Трудов.

Диалектологические экскурсии членов Комиссии бывали недлительны. В этих экскурсиях преследовалась определенная цель: узнать, как в намеченных местных пунктах обстоит дело с тем или иным явлением: оканье или аканье? есть ли цоканье? замены и т.п. вопросы. Данные для ответа на заранее поставленные вопросы члены Комиссии и их сотрудники могли собрать и в течение короткого времени. Комиссия принимала меры и для детального, всестороннего исследования некоторых районов. Но обстоятельства не благоприятствовали таким изучениям.

Московской Диалектологической Комиссии принадлежит заслуга в методологическом руководстве молодыми лингвистами-диалектологами. К участию в своих работах она привлекает молодые силы. Молодые люди, обнаружившие интерес к изучению русского языка, командируются ею по летам в диалектологические экскурсии в разные местности России, иногда отдаленные и глухие. В эти экскурсии они отправляются иногда вместе с одним из старших по деятельности членов Комиссии. В этих случаях начинающие свою работу диалектологи получали на практике руководящие указания и сами с своей стороны оказывали порой существенную пользу руководителям. "В поездке (1910 г.) вместе со мной принимал участие студент Московского Университета И.Г. Голанов, много способствовавший успеху этой поездки", – писал в одном из своих отчетов Н.Н. Дурново. В заседаниях Комиссии внимательно обсуждались доклады молодых сотрудников ее. Их силами также немало разобрано диалектологического материла, находящегося в архиве Комиссии – материала в виде ответов на диалектологические программы.

И до сих пор молодые члены и сотрудники Комиссии принимают в ней деятельное участие и по диалектологическим наблюдениям, и по обработке диалектологических материалов. Любовью к лингвистической науке – науке конкретных данных (а не заоблачных или планетарных фантазий) объединяет она молодых тружеников. В сотрудничестве с ними сама Комиссия, несмотря на 25 лет своей деятельности, остается по-прежнему молодой Комиссией. Пусть же бодрый голос ее проникает во все углы нашей страны и будит к энергической[21] работе грядущего диалектологического дня.

XII. Секретарь И.Г. ГОЛАНОВ огласил приветственные телеграммы и письма от учреждений и отдельных лиц.

XIII. Закрывая Юбилейное Заседание Московской Диалектологической Комиссии, председатель Д.Н. УШАКОВ высказал следующие пожелания: если в работе Комиссии иногда, может быть, не хватало планомерности, надо эту планомерность осуще-

[21] Так в тексте документа.

ствить. По отношению к молодежи нужно пожелать, чтобы она поддерживала традиции Комиссии, неся ее труд бескорыстно, каким всегда жила Комиссия. Благодаря эту молодежь за ее работу в Комиссии, Д.Н. [Ушаков] высказывает пожелание, чтобы они и дальше помогали Комиссии в осуществлении ее задач, это: 1) продолжение списка работ по р<усскому> языку и диалектологии (начатое Аванесовым и Сидоровым), 2) возобновление деятельности библиотеки, непрерывно пополняемой поступлениями от разных лиц и учреждений, 3) собирание и систематизация диалектологического материала, в частности как подготовке[22] к созданию атласа русских говоров[23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булахов М.Г. 1978 – Соколов Николай Николаевич // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Т. 3. – Мн., 1978.

Дурново Н.Н. 1900, 1901, 1902, 1903 – Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии // Русский филологический вестник. 1900. Т. 44. № 3–4; 1901. Т. 45. № 1–2; 1901. Т. 46. № 3–4; 1902. Т. 47. № 1–2; 1903. Т. 49. № 1–2; 1903. Т. 50. № 3–4.

Дурново Н.Н. 1917–1918 – Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие. Вып. 1–2. М., 1917–1918.

Дурново Н.Н. 1923 – Николай Николаевич Соколов [некролог] // Slavia, roč. 2, seš. 1. Praha, 1923.

Опыт 1915 – Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Русский филологический вестник. 1915. № 4 [Т. 71, вып. 2]; то же, отд. изд.: М., 1915 (в соавторстве с Н.Н. Дурново и Д.Н. Ушаковым).

Соколов Н.Н. (рец.) 1903 – Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни. Изложил И. Белоруссов. Орел, 1902 // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 2.

Соколов Н.Н. 1904 – [Предварительный отчет о поездке в Тверскую губ. с диалектологической целью летом 1904 г.] // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 62. № 3.

Соколов Н.Н. 1908 – Отчет о поездке в Тверскую губ. с диалектологической целью летом 1904 г. // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 1. Варшава, 1908.

Труды МДК 1908 – Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 1. Варшава, 1908.

Ушаков Д.Н. 1915 – Воспоминания о председателе Московской Диалектологической Комиссии // Русский филологический вестник. 1915. № 3.

Ушаков Д.Н. 1995 – Русский язык. М., 1995.

Ушаков Д.Н., Голанов И.Г. (сост.) 1927 – Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г. – январь 1926 г.) // Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии) / Под ред. Д.Н. Ушакова. Вып. 9. Л., 1927.

Ушаков Д.Н., Соколов Н.Н. 1914 – Краткий очерк возникновения Московской диалектологической комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904–1914) // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. Д.Н. Ушакова. Вып. 3. Варшава, 1914.

[22] Так в тексте документа.

[23] Напечатано по зачеркнутому тексту: великорусского говора.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2002 г. В.В. ПОТАПОВ

МНОГОУРОВНЕВАЯ СТРАТЕГИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРОЛОГИИ

1. ВВЕДЕНИЕ: ОБ ИСТОКАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРОЛОГИИ

В конце 60-х – начале 70-х годов гендерные исследования в языке получили широкое распространение благодаря "Новому женскому движению" прежде всего в англоязычных странах (Великобритания и США) и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой (ФЛ), или феминистской критикой языка. Основополагающей работой в этом направлении стала книга Р. Лакофф "Язык и место женщины" [Lakoff 1975], подтвердившая андроцентричный строй языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. К специфике феминистской критики языка относят ее ярко выраженный полемический императив, использование в лингвистическом анализе языковой материи различных областей человеческого знания (антропологии, истории, психологии, социологии, физиологии, этнографии и т.д.), а также определенное влияние на языковую политику [Горошко, Кирилина 1999; Кирилина 1999].

В настоящее время при изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера и наличия определенных особенностей в женском и мужском вербальном поведении можно выделить следующие основные направления исследований [Горошко 1996; Горошко, Кирилина 1999; Колосова 1996].

- Выявление определенных различий языковых уровней: фонетики, морфологии, семантики и синтаксиса, а также различий в области вербальных стереотипов в восприятии женщин и мужчин.
- Выявление семантических различий, которые объясняются особенностями перераспределения социальных функций в обществе – подход исключительно с гендерных позиций, связанный с социальной природой языка женщин и мужчин.
- Построение психолингвистических теорий, в которых "женский" и "мужской" языки сводятся к особенностям языкового поведения женщин и мужчин.
- Когнитивное объяснение выявленных показателей. В этом случае важным оказывается не только определение частотности расхождений, но и установление связи с различными аспектами картины мира.

Среди многообразия факторов экстралингвистического характера, обуславливающих специфику речевого кода говорящего, одно из ведущих мест занимает физиологический и психический фактор дифференциации по половому цензу, т.е. по принадлежности к полу. Однако степень изученности данной проблемы применительно к различным языкам мира недостаточна.

2. УСТНО-РЕЧЕВАЯ СПЕЦИФИКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРОЛОГИИ

В ходе исследования лингвистической маркированности гендерного признака остается еще не совсем выясненным, является ли женщина как носитель языка более или менее консервативной к изменению языковых норм. Тем не менее, некоторые лингвисты склоняются в пользу большей нормативности женской речи, так как женщина традиционно оказывает большее влияние на воспитание подрастающего поколения, вследствие чего она стремится говорить в соответствии с нормами литературного языка. В условиях билингвизма женщины, как правило, отдают предпочтение тому языку, который в будущем может обеспечить их детям больший успех в жизни [Wardhaugh 1986].

Понятие статуса, наряду с принадлежностью к определенному социально-экономическому классу и профессиональной группе, определяется и таким показателем, как пол. Во всех социолингвистических работах английских авторов статус женщин (также детей) определяется по социальным показателям мужа. Насколько неоднозначным может быть решение о действительном положении женщины в обществе, которое проявляется в ее речевом поведении, говорят, например, результаты, полученные психологами при оценке региональных типов произношения и стандартного RP (Received Pronunciation – принятое в высшем обществе произношение), когда и дикторами, и аудиторами-информантами были женщины [Trudgill 1978]. Как и мужчины, они получали высокую социальную оценку (высокие показатели социально-экономического класса, высокооплачиваемой работы, компетентности), наделялись положительными чертами мужского (ум, энергия, сила) и женского характера (женственность, утонченность). Отрицательными явлениями были карьеризм, эгоизм, неискренность. Отмечались такие признаки, как возможность установить равноправные отношения с мужем в семье, малодетность.

Таким образом, по речевым показателям создается образ деловой эмансипированной женщины в англосаксонском обществе (сходные данные были описаны и в США), который значительно отличается от "речевого портрета" большинства женщин, говорящих с региональным акцентом. По данным интонационного анализа, проведенного в Ньюкасле, при общей тенденции к употреблению восходящих тонов индивидуумы в женской группе испытуемых ведут себя по-разному: часть из них тяготеет к реализации нисходящих тонов, характерных для интонации мужчин, часть – к реализации регионально окрашенных тонов [Pellowe, Jones 1978].

В психологических опытах по восприятию акцента было также установлено, что аудиторы-женщины проявляли большее внимание к изменениям в произношении. Этот повышенный интерес к акценту проявился и в том, что во всех социально-экономических классах и слоях общества женщины демонстрировали наибольшее число престижных форм и наименьшее число – непрестижных [Trudgill 1974b]. В данном случае заметно большее различие в показателях между группами мужчин и женщин в нижнем слое среднего класса, где женщины демонстрируют гиперкорректное речевое поведение. В еще большей мере подобные различия обнаруживаются при усилении контроля за речью. Особенности статуса женщин сказываются на воспитании девочек. Так, уже в возрасте 6–10 лет девочки стремятся говорить правильнее в присутствии взрослых, чем среди своих сверстников. Эта тенденция заметна и у мальчиков, но в меньшей степени. В Эдинбурге, например, мальчики чаще употребляют раскатистое [R], типично шотландскую характеристику произношения, сохранившуюся среди рабочих, а девочки чаще произнося [r] фрикативное, которое распространилось в "среднем" классе под влиянием южно-английской нормы [Romaine 1978].

В области интонологии речевое поведение английских женщин практически не описано, за исключением работы о жителях Ньюкасла [Pellowe, Jones 1978]. Об американских женщинах пишут, что они чаще употребляют интонационные образцы, которые ассоциируются с выражением удивления и вежливости [Brend 1975], склонны к использованию восходящего тона в утвердительных предложениях, что объясняется проявлением некатегоричности и неуверенности [Lakoff 1975]. Отмечается, что нали-

чие вокализации типа *mm*, *er*, более частотных в речи женщин, обозначает "я с вами согласна", в то время как у мужчин оно обозначает только "я вас слушаю". Даже невербальные средства коммуникации, кинесика и мимика, выражают больше покорности у женщин и настойчивости, в некоторой степени агрессивности у мужчин. Социолингвисты полагают, что это обусловлено принципом власти и влияния в обществе [Wardhaugh 1986]. Основным типом социальных отношений, влияющим, на речевое поведение коммуникантов в англоязычном обществе, в том числе на их интонацию, является отношение превосходства и подчиненности [Шевченко 1980].

При анализе интонации мужских и женских голосов обычно обращают внимание на такие явления, как речевая компетентность женщин, авангардизм или консерватизм, эмоциональность, социальный статус и социальная речь. Вопрос о речевой (интонационной) компетентности выявлялся путем сопоставления женских и мужских прочтений текста в группе одного социального статуса (сравнение осуществлялось с ранее установленным для чтения образцом мелодического репертуара) [Crystal 1969]. Образованные женщины в такой же степени владеют интонационной нормой для чтения, как и мужчины. Существенное отличие, тем не менее, наблюдается, в частности, для нисходящих тонов. И мужчины, и женщины проявляют тенденцию к повышенной частотности нисходящих тонов. Однако женщины "опережают" мужчин в этом направлении, увеличивая частотность на 21,2% (против 13,4%). Соответственно падает частотность восходящих тонов, и эта тенденция проявляется у женщин в большей мере (13,8% vs. 7,7%). Следовательно, предполагается, что женщины проявляют особую чуткость в сфере современных произносительных тенденций при употреблении тонов, становясь действительно проводниками произносительных инноваций [Шевченко 1990]. Этот факт значим для мелодики женских исполнений, так как в их реализациях общее число типов тонов и шкал связано с наличием большого числа комбинированных контуров. Так, например, варьируется тонкая структура терминальных тонов: если у мужчин простые нисходящие тоны доминируют, то у женщин они сменяются нисходящими тонами с предшествующим повышением или понижением. Мужчины пользуются преимущественно основными, базисными типами шкал (нисходящей, скользящей, восходящей), в которых направление развития мелодики сохраняется на протяжении всего предтерминального участка. Женщинам свойственна изменчивость, использование сочетаний элементов различных типов шкал (скользящая + ровная, нисходящая с нарушенной постепенностью + скользящая и т.п.). Перцептивно создается впечатление большего разнообразия, вариативности за счет изрезанности мелодического рисунка. Таким образом, подтверждается одно из устойчивых мнений относительно повышенной эмоциональности женщин, которая в интонационной форме имеет характер нюансов, тонких различий в реализациях.

В отношении высотного диапазона, однако, обнаруживается разногласие в том, что диапазон голоса у женщин шире, чем у мужчин. Высотный уровень в речи женщин, естественно, выше, но диапазон, тем не менее, более узкий, чем у мужчин. Для выражения эмфазы в обеих группах отмечается повышение высотного уровня и расширение диапазона за счет нижнего регистра, но у мужчин контрастнее проявляется первый способ, а у женщин – второй. В целом, поскольку тоны в женском исполнении, как и весь мелодический контур, реализуются в относительно узком диапазоне, женщины "уступают" мужчинам по реализации акустического параметра – "крутизна" тонов. Речь мужчин, таким образом, звучит весомее, категоричнее. По признаку широкого диапазона и большего мелодического интервала "по крутизне" тонов мужчины могут быть отнесены к группе более высокого социального статуса. Этому впечатлению в некоторой степени содействуют темп и паузация: в мужском исполнении, как правило, темп несколько медленнее, в основном, за счет увеличения длительности пауз и синтагм. У женщин длина синтагм несколько короче, в результате чего при идентичности текста увеличивается количество синтагм и пауз, но общая длительность пауз у женщин меньше, чем у мужчин, а результате чего текст прочитывается быстрее, темп несколько ускоряется.

Дополнительные данные об эмоциональности женщин были получены на материале чтения отдельных фраз [Медведева, Шевченко 1980]. Было доказано, что несмотря на различие в абсолютных показателях и общую тенденцию к увеличению частотных характеристик при выражении различных эмоций, мужчины демонстрируют более глубокие отклонения от своей нормы, особенно при выражении эмоции гнева. Например, при выражении эмоции радости интервал ударных слогов равен 6 полутонам (пт) у мужчин и 5,8 пт у женщин, что составляет увеличение в 4 раза у мужчин и в 2 раза – у женщин. Женщины, следовательно, несут больший потенциал эмоциональности в нейтральной речи, а мужчины, хотя и не превосходят женщин по абсолютным показателям, проявляют несомненное различие в степени изменений этих показателей в эмоционально окрашенной речи.

Таким образом, в интонационной компетентности образованных женщин на материале чтения обнаруживается стремление использовать более передовые, современные формы в интонации, эмоциональность и меньшая категоричность их нейтральной речи, более низкий, относительно мужского, социальный статус. Что касается социальной роли, приписываемой женщине, то она может выявиться только непосредственно в процессе коммуникации. Мужчины демонстрируют присущую норме RP стилистическую дифференциацию чтения и говорения. Так, в спонтанной речи снижается контраст по длительности между ударными и безударными слогами, в меньшей степени замедляется темп в конце синтагмы, увеличивается доля сильноконечных контуров интенсивности. Женщин в группе RP, в противоположность мужчинам, характеризует недостаточная дифференциация двух стилей, поскольку они больше тяготеют к нормам чтения даже в спонтанной речи. В региональной группе мужчины также недостаточно дифференцируют чтение и говорение, но их стабильность иного порядка: они постоянно придерживаются нормы разговорной речи в соотношении длительности ударных и безударных слогов (1,5:1), в употреблении сильноконечного контура. Женщины региональной группы, напротив, проявляют сверхдифференциацию при чтении, перекрывая даже некоторые показатели мужчин в вышестоящей группе, но в спонтанном диалоге, где контроль за речью снижается, теряют это превосходство и переходят на уровень разговорной речи. Следовательно, неустойчивость социального статуса женщины сказывается в стремлении сохранить социокультурную тенденцию, характерную для чтения, даже перенести ее в разговорную речь, что можно представить как понижение речевой компетенции в отношении стилистической дифференциации в группе RP и гиперкорректность женщин региональной группы при чтении [Шевченко 1990].

Таким образом, проблема нахождения дифференциальных речевых признаков по половому цензу включает в себя как у н и в е р с а л ь н у ю, так и с п е ц и ф и ч е с к у ю информацию [Потапов 1997; 2000]. К специфическому слою информации, с нашей точки зрения, можно было бы с некоторыми оговорками отнести:

- во-первых, тембр голоса, соотносящийся с акустическими характеристиками спектра речи (известно, что спектр женских голосов в среднем на 17% выше спектра мужских голосов);
- во-вторых, некоторые сегментные особенности порождения речевого сигнала, к числу которых могут быть отнесены артикуляторно-акустические особенности реализации вокализма и консонантизма;
- в-третьих, супрасегментная специфика интегративного оформления речевого высказывания, соотносящаяся с просодическим структурированием последнего (например, большая степень вариативности основного тона в женской речи, меньшая – в мужской и т.д.). Можно говорить также о возможных физиологических отличиях и их спектральных коррелятах.

К специфическому слою информации [Потапов 1997] отнесем также следующие ограничения: чтó социально значимо и соответственно находит отражение в речевом высказывании (например, странами с ярко выраженной социальной иерархией

являются Великобритания и Франция, что влечет за собой наличие большой социофонетической градации).

Что же касается универсального слоя информации в области фонетической дихотомии "мужской/женский голос", то здесь прежде всего следует выделить с а м ф а к т о д и н а к о в о й п р я м о й ф у н к ц и о н а л ь н о й з а в и с и м о с т и оформления "мужского/женского" речевого высказывания от таких аргументов, как возраст, образование, воспитание, социальный статус, профессия, экономическое положение [Потапов 1997]. В частности, последний фактор позволяет некоторым лингвистам вычленять из социолингвистики даже отдельный аспект исследования: эконолингвистику [Baugh 1995]. К числу признаков универсального слоя можно отнести также диалектную принадлежность говорящих мужчин и женщин, произносительные особенности билингвального характера, влияние эмоционального фактора на порождение речи, ведущего к однонаправленным изменениям речи говорящего при, например, сильных/слабых, стенических/астенических эмоциях, соотносящихся с определенными акустическими коррелятами.

К данному универсальному слою следует отнести также коннотативную сторону реализации высказывания [Потапова 1997].

И, наконец, можно причислить к универсальному слою также фактор флексибельности "окраски" голоса в зависимости от ситуации. Ранее это было замечено А.А. Реформатским, писавшем об одном сказителе, «который пел, "сказывал" басом, а говорил "из вежливости" тенором» [Реформатский 1987].

Важно отметить, что вопрос фонетической дифференциации речи по признаку "пол говорящего" для различных языковых ареалов разработан в разной степени. Так, лучшая степень изученности этого явления представлена в англоязычных странах.

О гендерных различиях в русском языке ранее указывал еще Р.И. Аванесов: «Различия в языке, связанные с возрастом и полом говорящих, могут касаться также фонетики и грамматики. Они тоже имеют социальный характер (а не биологический). Первые – потому что в одно и то же время отражают (например, в семье) речь 3–4 поколений, различия в которой обусловлены развитием общества в течение примерно полувека. Вторые – потому что в старой деревне мужчины и женщины находились в разных условиях: женщины в значительно большей степени были "домоседами", нередко вовсе не выезжали за пределы ближайшей округи, в то время как мужчины отлучались значительно больше и часто надолго – служили в армии, занимались отхожими промыслами, ездили на зиму на заработки в город и т.д. Отсюда и различия в языке мужчин и женщин. Язык мужчин был богаче, нередко лишен наиболее ярких диалектных особенностей, включая в себя элементы городские, в то время как язык женщин был беднее и более стойко придерживался диалектных норм» [Аванесов 1984: 9–10].

Различия между женскими и мужскими голосами могут быть обнаружены как на сегментном, так и супрасегментном уровнях языка. Наиболее информативными на сегментном уровне считаются гласные звуки, на просодическом – интенсивность и частота основного тона (ЧОТ). В процессе выявления акустических характеристик, определяющих женское звучание речи, и того факта, что тембральное звучание голоса создается в основном за счет гласных звуков, исследователи сосредотачивают свое внимание в первую очередь на изучении гласных звуков женской речи. В большинстве работ параметру ЧОТ отводится роль весьма существенного или даже главного фактора в формировании специфики мужского и женского голоса.

При прочтении тестового материала на одинаковой для мужчин и женщин ЧОТ (140 Гц) правильность опознания мужских высоких и женских низких голосов на уровне слухового восприятия составляет 99,7%. Это дает возможность утверждать, что в условиях уравненной для женских и мужских голосов ЧОТ решающее значение для определения пола диктора имеют характеристики речевого тракта, которые отражаются в спектрально-динамической картине гласных звуков. Можно констати-

ровать также факт выявления акустических параметров, постоянно отличающи женские и мужские голоса: звуки [а], [о], [у] характеризуются большей степены компактности для женского голоса, чем для мужского, что находит свое отражение тенденции к слиянию первой и второй формант для женского голоса; звуки [и], [ы], [є характеризуются большей степенью диффузности для женских голосов по сравнени с мужскими, что находит отражение в большей межформантной области для перво и второй формант, при этом передние гласные женских голосов имеют тенденци к реализации второй, третьей и четвертой формант в виде единой компактно области резонансных частот, что не типично для мужских голосов; женские голос характеризуются более высокими значениями энергетических максимумов третье и четвертой формант по сравнению с мужскими, при этом область максимально энергии спектра расположена для женских голосов в более высокой области частот чем для мужских; женские и мужские голоса различаются разными характеристиками "речевого вибрато" – частотно-амплитудной модуляции в спектре гласных звуков. Вырезание из спектра мужского голоса полосы частот от 100 Гц до 500 Гц приводит на аудитивном уровне к восприятию его как женского. Исходя из этого, делается предположение, что именно максимальная энергия, локализованная в низкочастотной области от 100 Гц до 500 Гц, является признаком принятия решения о типе голоса. Однако тот факт, что речевой сигнал мужского голоса с удаленной полосой частот от 100 Гц до 500 Гц воспринимается все же как "не очень естественный" женский голос, а также факты, говорящие о возможности распознавания пола диктора лишь по характеристикам спектрально-динамической картины гласных звуков и по отдельно взятой ЧОТ, позволяют сделать вывод о том, что особое, ярко женское звучание голоса создается функционированием не одного, а ряда параметров – таких, как ЧОТ, Fn-структура, амплитудные характеристики, "речевое вибрато" – имеющих при этом свойственные именно женскому голосу значения. Исходя из этого, при объективном распознавании речи более правильным представляется отнесение голоса того или иного диктора к классу мужских или женских голосов, основанное не столько на значении ЧОТ, которая весьма вариативна, сколько на совокупности тембральных характеристик голоса.

Анализ фонетических средств русского языка позволили в некоторой степени выявить наиболее информативные для характеристики пола говорящего сегментные и просодические средства.

На сегментном уровне обращают на себя внимание следующие различия на материале московской речи [Земская, Китайгородская, Розанова 1993].

В области вокализма отмечается ряд особенностей в тембральной окраске гласных, связанных с тем, что для многих мужчин характерен меньший раствор рта при производстве звуков, чем для женщин. Это приводит к образованию более "узких" гласных, менее богатых по тембру. Практически любые гласные фонемы /а/, /о/, /у/, /и/, /э/ в любой безударной позиции в слове могут реализоваться гласными типа "ъ" после твердых согласных или "ь" после мягких согласных.

Растяжка I предударного [а]. В женской речи в позиции I предударного слога после твердых согласных на месте [а], [о] часто возможно произнесение широкого открытого [а:], длительность которого равна ударному или превышает его: [ръска:зáлъ]. Эта особенность интересна также тем, что раньше она характеризовала старомосковское произношение, и до сих пор встречается в речи старых москвичей. В современном мужском произношении в этой же позиции встречается часто гласный более узкий, приближающийся по тембру к [ъ]. Ср., например, такие факты, записанные от мужчин-москвичей, носителей литературной нормы: [ръзгаᵇвóры], [паᵇгóдъ]. Эти особенности определяют различия в ритмике слова. Наряду с общелитературной моделью тът^тá в современном литературном произношении встречаются две другие: тъта:тá и тъта'тá. Если первая из них особенно частотна в женской речи, то вторая более широко распространена в мужском произношении. Распространенность растяжки предударного [а] в современном произношении женщин – это случай перераспре-

деления старых произносительных вариантов по другим социальным признакам. Старомосковская растяжка [а] наблюдается и в речи коренных жительниц Петербурга.

Для женского произношения характерна большая дифтонгизация ударных [о] и [э]. Неоднородность этих гласных особенно заметна, если на них падает фразовое ударение: "Нас в санат[^{у}о́]рий отправляют, А на [л'^{и}э́]то куда собираетесь?" В этих же фразовых условиях в мужской речи обычно произносятся более однородные гласные.

В области консонантизма отмечается общая тенденция, свойственная мужскому произношению: меньшая степень напряженности артикуляции согласных. Эта тенденция обусловила распространение следующих особенностей в мужской и женской речи: во-первых, в женской речи наблюдается аффрикатизация [т'] [д'] (цеканье-дзеканье), что менее характерно для мужской речи; во-вторых, меньшая степень напряженности согласных в произношении мужчин обусловила ряд звуковых изменений в потоке, более частотных у мужчин: ослабление смычки у согласных (ленизация) – [*п*]очему, [*д*]авайте, [*ш'*]еловек, озвончение согласных (ассимиляция по звонкости под действием соседних гласных и сонантов) – [*п*ъ**т**а^{ъ}му́**шт**аъ]. Эта особенность наиболее ярко обнаруживается в заударной части слова в слабой фразовой позиции. Обращает на себя внимание также большая консонантная насыщенность мужской речи, обусловленная тем, что для мужчин характерна более сильная деформация гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных. Следовательно, при сопоставлении сегментных характеристик можно отметить, что особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в сфере вокализма, а мужского – в сфере консонантизма.

Рассмотренное противопоставление тесно связано с просодическими различиями мужской и женской речи. При акцентном выделении слов во фразе обнаруживаются различия в фонетическом оформлении акцентно выделенных слов. В женской речи широко представлена растяжка ударного гласного. Причем этот способ акцентного выделения обнаруживается в разных жанрах устной речи. В мужской речи в акцентно выделенных словах шире используется растяжка согласного. Широкое использование растяжки ударных гласных создает условия для более яркого выражения мелодики на этих гласных. При выражении несогласия в отрицательном ответе нормативным является использование сочетания падающего тона или положительного акцента с модуляцией: "Это Ва̃ня приехал? – Нẽт. Пẽтя". В женской речи модулированные тоны и акценты выражены особенно рельефно за счет удлинения гласного. Модуляция голоса при растяжке гласного широко используется женщинами и в других речевых ситуациях, например, при обращении к детям или животным. Женщины чаще используют интонационные средства для выражения многих значений, в то время как мужчины в этих же речевых ситуациях обычно прибегают к средствам лексики и грамматики. Например, в женской речи широко распространены оценочные высказывания типа: "Он та̲-а̲кой симпатичный! Она та̲-а̲кая противная!", имеющие специфическое просодическое оформление (положительный акцент на слове *такой*, часто сочетающийся с растяжкой предударного гласного и восходящим тоном на этом гласном + восходящий тон на оценочном прилагательном). Мужчины для выражения экспрессивной оценки чаще используют лексические средства (отличный, отлично, здорово и т.д.).

Оттенки интонационных рисунков, используемых женщинами, очень богаты. В дополнение к упоминавшимся выше гласным растяжкам и мелодическим модуляциям, женщины для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений используют смену регистров (например, для достижения большего эмоционального эффекта используется прием регистрового контраста). Сопоставление регистров может быть связано с сопоставлением оценочных характеристик явления или предмета. При этом высокий регистр обычно выражает положительную оценку, низкий – отрицательную.

Женщины в своей речи широко используют такие просодические средства как придыхание, лабиализация, назализация и др. Эти средства обычно передают различные оттенки эмоционального состояния, отношения к рассказываемому.

Следовательно, для передачи различных эмоциональных значений женщины шире, чем мужчины, используют разнообразные средства фразовой просодии. Мужчины чаще прибегают в этих случаях к лексико-грамматическим средствам. Авторы американских работ по просодии мужской/женской речи отмечают "неспособность" мужчин выражать разнообразные эмоции, главным образом положительные, голосовыми средствами. Иными словами, женской эмоциональной речи свойственна просодическая эксплицитность, тогда как для мужчин более характерна эксплицитность лексическая.

Таким образом, при исследовании дихотомии "мужское/женское произношение" необходимо выделять два слоя информации, содержащихся в речевом сигнале: специфический и универсальный. Каждый из этих слоев связан, с одной стороны, с нейрофизиологическими, психическими и антропометрическими характеристиками индивидуума, с другой стороны, с влиянием социальных и экономических факторов на формирование речевого высказывания.

3. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРОЛОГИИ

Наряду с вышеописанными гендерными признаками единиц фонетико-фонологического уровня не менее перспективным представляется анализ гендерных признаков единиц других языковых уровней, в частности лексического и грамматического.

Мужчины больше женщин восприимчивы к новым фактам в языке, они употребляют больше неологизмов, а также слов из терминологической и профессиональной лексики [Spender 1978]. Одна из книг, посвященных проблеме полового диморфизма в речи, так и называлась "Мужчина создает язык" [Spender 1985]. Некоторыми исследователями делается вывод о том, что книги авторов-мужчин читать и понимать сложнее, так как в текстах встречается большое количество редких, диалектных и малоупотребительных слов, технических терминов, что для иноязычных читателей вызывает определенные затруднения при их понимании и переводе. Женщины в большей степени, чем мужчины используют престижные формы слов, новомодные иностранные заимствования [Bate 1976; Bernard 1972; 1987; Key 1975; Lakoff 1975; Theodor-Reik 1988; Trudgill 1974a; Valentine, Damian 1988].

Было замечено, что женщины используют неологизмы и "модные" слова в повседневной речи, в то время как в официальной речи они стремятся их избегать [Lakoff 1975]. Также были обнаружены соответствующие закономерности в использовании единиц вульгарной и табуированной лексики, жаргонизмов, инвектив и слэнга [Baumann 1979; Ellis 1986; Risch 1987; Schultz 1975].

Двое американских ученых Ч.М. Гилли и С. Саммерс провели эксперимент с целью выявления различий в использовании мужчиной и женщиной вульгарной и бранной лексики (а именно: соответствующих глаголов) [Gilley, Summers 1970]. Результаты эксперимента показали, что мужчины в два раза чаще женщин использовали глагол с маркированным значением. Что же касается использования нецензурной лексики или инвектив, то частота их появления в мужской и женской речи весьма различается [Fishman 1978; Maltz, Borker 1982]. Тем не менее, в речи мужчин инвективы встречаются чаще [Kaplan 1986]. Женщина меньше мужчины в повседневной жизни склонна к использованию ругательств и бранной лексики.

При описании цвета прослеживаются следующие тенденции [Steckler, Cooper 1980]:

- Женщина использует больше специфических названий цветов, а мужчина названия насыщенных тонов и комбинации из названий основных цветов спектра.
- Женщины отдают свое предпочтение *розовому*, *темно-красному*, *желто-красному* и *голубому* цвету, в то время как мужчинам "нравится" *серый*, *коричневый* и *зеленый* цвет.

Было замечено, что там, где мужчина называет свитер светло-голубым, женщина говорит, например, *ультрамарин* или *аквамарин*.

Дж. Франк изучала использование цветовой рекламы в журнале мод и в связи с этим "мужской" и "женский" выбор цвета. Полученная дифференциация данных объясняется с позиции различий в сфере социальной занятости и с учетом устройства перцептивного аппарата женщины и мужчины [Frank 1990].

Одной из характерных черт женской речи является и использование оценочных прилагательных [Eckes 1994; Moulton, Robinson, Elias 1978; Nickols 1980]. Мужчина, если и использует оценочные прилагательные, то скорее те из них, которые определяют количественные и параметрические отношения [Ellis 1986]. По мнению Л. Хиршман, женщина скорее скажет *awful* или *pretty* вместо *very* и *so* (количественные усилительные частицы, означающие большое количество в английском языке) [Hirshman 1974].

Ранее было замечено, во-первых, что женщина использует чаще модальные глаголы в прошедшем времени [GAD 1988]: "Mightn't it be the case that...?" "Would the relationship...?"

Во-вторых, частотные характеристики в использовании различных модальных глаголов существенно колеблются для мужской и женской речи. Например, мужчина предпочитает *can*, а женщина *may*. При анализе использования глаголов *to be* и *to have* в качестве модальных были получены следующие результаты: *to have* как модальный, а не смысловой глагол и *to be* как заместитель модального глагола *must*, выражающего долженствование, в два раза чаще употребляется женщинами [Labov 1978].

В-третьих, в женской речи значительно чаще присутствуют вводные слова и выражения, выражающие различную степень уверенности говорящего, ссылки на собственное или какое-либо другое мнение и т.д. Например, *probably*, *possibly*, *certainly*, *I think*, *I suppose*; *You see*, *to seem*, *to my mind*. Эти слова и выражения находятся, как правило, в позиции начала предложения. Дж. Холмс подсчитала, что женщины в 5 раз больше мужчин используют в своей речи конструкцию *You know* [Holmes 1986].

В-четвертых, в силу более вежливого характера своей речи женщины используют средства так называемой двойной модальности ('модальный глагол + наречие'): *I was wondering if you could possibly just do me a small favour* (русск.: "Не могли бы Вы оказать мне небольшую любезность") или *If you couldn't mind...* (русск.: "Не возражаете ли Вы...") [Oakley 1972: 71]. В женской речи чаще можно встретить и словосочетание *I think* + модальное наречие: *I think you just sort of talk it out* [Oakley 1972: 87]. Дж. Коэтс в работе "Мужчины, женщины и язык" [Coates 1986: 114] приводит данные по различиям в использовании следующих модальных выражений:

	Количество единиц в текстах	
	женщины	мужчины
I mean	77	20
Well	65	45
Just	57	48
I think	36	12
Sort of	35	10

Н. Конклин, американский психолог и лингвист, предположил, что превалирование менно в речи женщин модальных средств языка "можно объяснить за счет неуверенности, неопределенности и нерешительности женской речи в целом" [Conklin 974: 73]. Более частотное употребление единиц аффектированной лексики (*awfully etty*, *terribly nice* – русск.: "страшно симпатичный"), различного плана интенсификаоров, частиц, восклицательных предложений (*What lovely earrings!* – русск.: "Что за

прелестные сережки!") связано с большей эмоциональностью женской речи [Gumperz 1987]. В речи женщины прослеживается и более глубокая гиперболизация, а также выше частота использования тропов (метафор, сравнений, эпитетов): *I'd just die* (русск.: "Я просто умерла бы"), *He'll never forget me* (русск.: "Он никогда не забудет меня") [Henley 1977: 240]. Женщина больше мужчины сосредоточена на своем внутреннем мире, отсюда и больше слов, описывающих чувства, эмоции, употребление глаголов, выражающих эмоционально-психологические состояния человека [SD 1976]. В силу повышенного эмоционального уровня у женщин и более высокая встречаемость в речи эллиптических и инвертированных конструкций [West, Zimmerman 1983; WLT 1987; Zimmerman, West 1975]. При изучении вербального поведения полов обращалось внимание и на синтаксический уровень языка [Coates 1986; Stanley, Robbins 1978; Trudgill 1974a; Wood 1966].

Гендерный подход в исследовании реализаций стратегий в определенных коммуникативных ситуациях является одним из актуальных направлений анализа диалогического взаимодействия. Различают несколько направлений в гендерном исследовании стратегии реагирования на вопрос: логико-композиционное, структурное, коммуникативно-прагматическое, лингво-когнитивное и диахроническое. Проведен сравнительный анализ коммуникативных стратегий в обозначенных аспектах по подпериодам английского языка (XVI–XVII, XVIII и XIX–XX вв.) [Вохрышева 1999].

На коммуникативно-прагматическом уровне выявляются некоторые особенности осуществления гендерных стратегий, например.

- повышенная роль отрицательности в реализации косвенных ответов у женщин;
- распространенность сослагательного наклонения в отказных высказываниях мужчин;
- высокая роль повторов в прямой и косвенной ответных стратегиях мужчин и в отказной стратегии у женщин;
- большее использование конструкций *never/nothing... but*, *This/it's... that* при реализации косвенных ответов мужчинами и конструкций с выделением рематического элемента в конце высказывания в женской косвенной ответной стратегии.

Женская и мужская стратегии отличаются также степенью использования тех или иных маркеров иллокутивной силы высказывания типа *so, even, ever, just* и т.п. При этом различия обнаруживаются на всех диахронических срезах. Так, в мужской косвенной стратегии XVIII века в гомогенной с позиции пола коммуникации большее распространение получали *rather, too, indeed*, в негомогенной – *only, so, ever, every, very*. В женской косвенной стратегии XVIII века наблюдалось преимущественное использование *indeed, to be sure, certainly* в диалоге между женщинами, в негомогенной коммуникации превалировали *such, only, ever, never*.

На субъективно-тезаурусном уровне наблюдаются следующие особенности в ориентации женской и мужской стратегий на определенные блоки когнитивных категорий. Характерной чертой мужской стратегии является направленность на социальный и политический (king, plot, war, politics, etc.) и метафизический (God, nature, time, place, philosophy) блоки. Женская стратегия преимущественно направлена на матримониальный комплекс когнитивных категорий (marriage, courting, beauty, clothes), а также на систему понятий этического характера (sin, moral, defence, honour).

Дифференциация способов реагирования на вопрос в зависимости от пола коммуникантов является важной характеристикой диалогического взаимодействия в гендерном аспекте.

Ранее О. Есперсен заметил, что женщины и мужчины образуют свои предположения по-разному, например, в речи мужчины часто можно встретить сложный, запутанный или, как его называет О. Есперсен, "рваный синтаксис" [Jespersen 1922]. Поясняя мысль О. Есперсена, английский лингвист П. Смит пишет, что мужчина, как правило, вводит одно предложение в другое, вкладывает их друг в друга [Smith 1985]. Женский же синтаксис – это как "нить жемчуга", где жемчужины нанизаны одна плотнее другой. О. Есперсен называет это координацией, т.е. мужчинам свойственен

гипотаксис, а женщинам паратаксис [Smith 1985]. "Мне кажется, что это происходит в силу того, что у мужчин нередко перед высказыванием происходит этап анализа, классификации, категоризации, что и проявляется в схеме синтаксической структуры, приводимой О. Есперсеном. В свою очередь умственный склад женщины предпочитает всяческого рода "прыжки" и пропуски, перескоки с одной мысли на другую. Они менее склонны к последовательному анализу в мышлении и предпочитают выдавать информацию как бы по частям, что и приводит к нагромождению, а иногда и сращению синтаксических структур, а также эллипсису и инверсии" [Phillips 1973: 184]. Для выделения своих мыслей женщина также чаще использует такие "эмоциональные средства", как ударение и интонация [Orasanu, Slater, Adler 1979].

При исследовании речи англоязычных женщин было замечено, что они для выражения согласия и несогласия с мнением собеседника или своей собственной эмоции чаще употребляют "хвостовые вопросы" (вопросы типа русск. *Тебе это нравится, не так ли?*, *Ты меня любишь, не правда ли?*). Таким образом, весь вопрос уходит как бы в конец, в "хвост" предложения. Хвостовые вопросы являются типичной чертой английского синтаксиса [Chandler, Basset 1989; Dubois, Crouch 1975].

Женщина также любит задавать вопросы там, где мужчина просто употребил бы императив (ср. русск. *Сделайте это* и *Не могли бы Вы сделать это?*) [Trudgill 1974a: 540]. Более того, женщина, вводя вопрос, делает его как бы персональным, отсюда и более частотное употребление в речи местоимений первого лица: *I want to ask you what time it is?* (русск.: *Я бы хотела знать, который час?*) и *What time is it?* (русск.: *Который час?*) [McDonnell 1986: 118]. Типично "женскими" являются и конструкции *I wonder if* (русск.: *мне интересно*), *It seems to me* (русск.: *мне кажется*), *My impression is* (русск.: *мое впечатление*) [Cameron 1985: 118]. Авторы объясняют эти особенности речи женщин тем, что она больше, чем мужчина стремится к вежливости и корректности в речевом поведении. В ее речи «гораздо больше вежливых форм слов, просьб, извинений "I'm sorry", "Excuse me, please"» [Clifton, McGrath, Wick 1976: 138]. От женщины, как пишет М. Адлер, изучавший речь жительниц Бруклина (район Нью-Йорка, США), можно почти на каждом шагу услышать *May* или *Couldn't* [Adler 1987: 108].

В речи женщин существенно чаще встречаются восклицательные, а в особенности, так называемые "closed-circle sentence" (назывные восклицательные) предложения: *What a nice day!* (русск.: *Что за денек!*). А вот отрицательные предложения – скорее черта мужской, а не женской речи [Baumann 1979; Brotherton, Penman 1977; Soskin, John 1963].

Исследователи отмечали и тот факт, что мужчина больше пользуется глаголами в активном залоге, а женщина в пассивном. При описании своих "интимных отношений с женщиной" мужчины пользуются переходными глаголами, в то время как женщина в аналогичной ситуации употребляют непереходные глаголы [Lees 1983; Maltz, Borker 1982].

В речи мужчин можно больше встретить "апелляций к чужому мнению", т.е. сносок и цитат [Spender 1982].

Существуют определенные различия, обусловленные половым диморфизмом, в области использования обращений [Brouner 1982; Brown 1980; Brown, Levinson 1978; Brown, Ford 1964; Ellis 1986; Herbert 1990; Hirshman 1974]. Так, "мужские" обращения более разнообразны, в них часто присутствуют какие-либо определенные физические характеристики человека, ср. *blondie* (русск.: *блондинка*) или *chestie* (русск.: *грудастенькая*) и вплоть до официального *ma'am* (русск.: *мадам*) [Herbert 1990: 202]. Обращение к лицу только по его фамилии также является типично "мужским" [Henley 1977; McConnell-Ginnet 1978]. К мужчинам обращения гораздо разнообразнее, чем к женщинам, причем только от женщин, находящихся с мужчиной в достаточно близких отношениях, мужчина может получить *dear*, *honey*, *darling* или *baby* (русск.: *малышка*, *детка* и т.д.), в то время как женщина может это слышать в свой адрес практически

от каждого. Вообще, в обращениях к женщинам присутствует гораздо больше фамильярности и даже цинизма, чем в обращениях к мужчинам [Schultz 1975].

Различия в вербальном поведении полов коснулись и семантики [Kramarae 1980; Kramer 1977; McCormack, Strathern 1980]. Например. Ч. Крамер, используя метод семантического дифференциала, выяснила, что набор дифференциальных признаков, составляющих значения слов "секс", "любовь" и "дом", существенно отличается у женщин и мужчин [Kramer 1977].

4. АССОЦИАТИВНО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРОЛОГИИ

Заслуживают внимания и результаты, полученные при проведении ассоциативных экспериментов [John-Steiner, Irvine 1989; Marshall, Cofer 1963]. Выяснилось, что мужские ассоциации богаче и более "рассредоточены", чем женские. Женские же гораздо более "концентрированнее" и у них больше совпадающих ассоциаций. Наблюдается также сильная дифференциация между женскими и мужскими ассоциациями [Nichols 1979].

Важным аспектом гендерных исследований является выявление определенных различий в вербальных стереотипах и восприятии женщин и мужчин. Во-первых, характеристики, относящиеся к мужчине, оценивались более положительно, чем те, которые описывали женщину во-вторых, женщина чаще описывалась в "терминах" тех мужчин, от которых в обществе она была как-то зависима; в-третьих, в набор свойств, определяющих тип маскулинности, входили следующие характеристики: "независимый, искусный в деле, в бизнесе, деятельный, объективный, компетентный, жаждущий приключений, уверенный в себе, лидирующий в обществе, честолюбивый и т.д.". Отсутствие аналогичных качеств, как правило, было отнесено к стереотипу фемининности. Женщина была охарактеризована как "безынициативная, неуверенная в себе, необъективная, зависимая от других, мягкая, тактичная, религиозная, аккуратная, эмоциональная и т.д." [Broverman I., Vogel, Broverman D. 1972].

Ниже приводятся следующие данные: прилагательные, ассоциируемые в обществе с женщиной, и прилагательные, ассоциируемые с мужчиной, и их оценочная классификация ("+" – положительно оцениваемые качества, "–" – отрицательно оцениваемые качества, "0" – нейтрально оцениваемые качества) [Williams, Bennet 1975: 330–331].

- Женщины: affected – (притворная); affectionate + (ласковая); appreciative + (благодарная); attractive + (привлекательная); charming + (очаровательная); complaining – (стенающая); dependent 0 (зависимая).
- Мужчины: adventurous + (предприимчивый); aggressive 0 (агрессивный); assertive 0 (напористый); autocratic 0 (властный); boastful – (хвастливый); coarse – (грубый); confident + (доверительный).

Определение различий, обусловленных полом говорящих, было проведено в ряде фундаментальных социолингвистических исследований [Labov 1978; Ervin-Tripp 1976; Lakoff 1991; Coates 1986; Cameron 1985; Tannen 1992; 1993; Channell 1994].

За последние 15 лет значительный прогресс достигнут в исследованиях по усвоению и развитию детской речи, где можно выделить несколько кардинальных направлений, занятых изучением особенностей:

- коммуникативного поведения младенцев, детей раннего возраста и их родителей [Kaye, Charney 1980; Brazelton, Tronick 1980; Gleason, Greif 1983; Gleason 1987];
- коммуникативного поведения дошкольников разного пола в процессе совместной деятельности [Dunn 1985; Steedman 1985; Sachs 1985; Sheldon 1993];
- коммуникативного поведения детей школьного возраста, дифференцированных по половым признакам [Phillips 1983; Goodwin 1980; 1990; 1993; Francis 1992; Swan 1992; Eckert 1993].

К числу наиболее интересных изысканий в области коммуникативного поведения, дифференциального по признаку пола, относятся нейролингвистические исследования. Экспериментальным путем и на основе биологических данных удалось обосновать, хотя и на фрагментарном уровне, существование различий у женщин и мужчин в области функционирования долей мозга, ответственных за речевую деятельность [Fausto-Sterling 1985; Shucard D., Shucard J., Thomas 1987; McKeever 1987; Shaywitz 1995].

Особенности языка женщин и мужчин объясняются, с одной стороны, биологическими различиями, разделением социальных сфер языкового общения, с другой стороны, сферой языкового сознания – динамичной и комплексной среды, существующей в виде разнообразных речевых построений и представляющей единство когнитивных, эмоциональных и языковых процессов.

Накопление когнитивного опыта является результатом разнообразной когнитивной деятельности, которая во многом определяется когнитивными, эмоциональными и физическими способностями личности.

Зависимость этих способностей от биосоциального параметра проявляется в следующем:

- физиологические различия женщин и мужчин, которые, в частности, проявляются в способности женщин к деторождению и природной силе мужчин;
- различия в сфере эмоций, где женщинам обычно приписывается большая эмоциональная экспрессивность, а мужчинам – проявления агрессивности [Phillips, Reynolds 1987];
- нейрологически подтверждаются особенности когнитивных процессов у женщин и мужчин, что связано с разлитым возбуждением клеток мозга у женщин и более локализованным – у мужчин. Особенно четко различие когнитивных процессов женщин и мужчин фиксируется нейрологическими методами на уровне фонетической обработки информации [Shaywitz 1995].

На протяжении долгого времени когнитивная компетентность в языке оставалась привилегией мужчин, в то время как язык женщин считали тривиальным, более консервативным и менее логичным. Объяснением данного факта может служить то, что мужчины имели несравненно больший доступ к образованию и другим сферам социальной жизни, где когнитивная деятельность осуществлялась наиболее интенсивно и масштабно.

Вторая половина XX века была ознаменована особой ступенью познавательного развития человечества – сближением когнитивной деятельности англоговорящих женщин и мужчин. После того, как англоговорящие женщины получили доступ к объему знаний мужчин, их когнитивная жизнь стала более динамичной и насыщенной когнитивными событиями. В языковом сознании женщин и мужчин не замедлили найти свое отражение не только результаты когнитивной эволюции в западных странах, но и ее тесное переплетение с социальным движением женщин, получившим название феминизма. Идеи феминизма укрепились в западной лингвистике и получили самостоятельное развитие в ряде социолингвистических исследований [Coates 1986; Ervin-Trip 1976; Cameron 1985; Lakoff 1991; Tannen 1993 и др.]. Эти исследования усматривали истоки различий в языке англоговорящих женщин и мужчин в асимметричном распределении социальной власти. Одновременно они помогли выявить те пласты языка, в которых данные различия проступали наиболее отчетливо.

Рассматривая языковое сознание англоговорящих женщин и мужчин в динамике, следует упомянуть процесс концептуализации. Термин концептуализации в когнитивной лингвистике понимается достаточно широко. Например, Р. Лангакер говорит о концептуализации как о любом аспекте ментального опыта, в частности, того, который включает переработку говорящим любого физического, социального и дискурсивного контекста [Langacker 1994].

Концептуализация имеет сложную природу, которая состоит из двух процессов – концепции и перцепции. Концепция понимается как порождающая схематизация

когнитивного опыта, причем особое внимание уделяется тому, в какой степени и как проявляется зависимость концепции от биосоциального параметра. Подтверждением этой зависимости может уже быть то, что женщины и мужчины по-разному на субкатегориальном уровне оперируют закрепленными в коллективном языковом сознании концептами и по-разному передают их с помощью языковых категорий [Колосова 1996]. При этом под концептами языкового сознания понимаются гибкие когнитивные структуры, которые служат средством передачи фрагментов объективного и субъективного знания в форме значений.

Употребление местоимений первого лица позволяют высветить определенную разницу в языковом сознании женщин и мужчин [Allen, Guy 1974]. Наблюдения за речью англоязычных мужчин и даже носителей других языков, для которых английский язык не является родным, показывает, что мужчины чаще оперируют местоимением *I* как эквивалентом *we*. Для женщин свойственна другая тенденция – инкорпорировать *I* в местоимение *we*. Употребление *we* в языке женщин имеет много общего с так называемым редакторским *we*, обычно используемым в ситуациях официального общения.

Лингвистические наблюдения совпадают с гипотезой психологов о том, что концепт "ego" женщины имеет менее жесткие и детерминированные границы [Ochs 1987], и распространяется и на другие концепты с выраженными прототипическими чертами родства, а также пространственной или временной близости. У мужчин концепт "ego" очерчен более жесткими границами.

В лингвистической литературе существует целый ряд работ, в которых в большей или в меньшей степени затрагиваются вопросы грамматической категории рода. Вместе с тем решение данной проблемы далеко до своего окончательного завершения. Одной из основных функций рода как грамматической категории является классифицирующая, т.е. язык с помощью рода различает объекты (денотаты), зафиксированные в структуре этого языка. Об этом же свидетельствует и этимология слова *род* (лат. *genus*), восходящая к понятию "класс" или "тип". Во многих языках грамматическая категория рода связана с оппозицией "мужской/женский". К этой группе относят большинство романских, а также некоторые германские языки. В других языках к этой оппозиции добавляется еще один член – средний род (например, русский, немецкий языки). Все это подтверждает тот факт, что грамматическая категория рода не является, вопреки мнению некоторых лингвистов, отражением экстралингвистической оппозиции по естественному полу [Шахмайкин 1996]. Говоря о различных точках зрения на грамматический род, следует, например, упомянуть понимание рода как несловоизменительной синтагматически обнаруживаемой морфологической категории, как точки зрения на классификацию, как на разнообразные понятия, выраженные различными знаменательными частями речи и т.д.

В английском языке, как и во многих индоевропейских языках, нейтральными словами, обозначающими лиц обоих полов, являются слова мужского рода. Образование слов женского рода производится от слов мужского рода, например, с прибавлением некоторых суффиксов и т.д.

Это основное положение, сложившееся в ходе развития некоторых современных социумов, и вызывает негативное отношение со стороны определенной группы лингвистов, борющихся за пересмотр гендерного признака в современном английском языке.

Так, они считают, что практика закрепления мужского рода за нейтральными понятиями связана с наличием предубеждений в английском обществе в ходе его исторического развития, когда оно являлось "обществом для мужчин" с доминантой патриархата, что не могло не отразиться на эволюции английского языка.

В связи с этим обратимся к некоторым примерам и рекомендациям ряда англоязычных лингвистов, например, C. Jacobson, J. Redfern, B. Sorrels, D. Spender ([Sorrels 1983; Spender 1985 и др.]), которые предложили определенные изменения в сфере лексики деловой прозы. Так, слово *man* в английском языке имеет два значения: оно

может означать "human being" или "male human being". Считается, что в соответствии с ранее происшедшими изменениями в социальной сфере использование слова *man* как родового термина привело к исключению из повседневного частотного употребления слова *woman*, что явилось следствием искаженного представления заниженной роли женщины в английском обществе. В качестве примера, иллюстрирующего данное положение, приводится утверждение, которое несет в себе в определенной степени элемент несоответствия реальной действительности: *As with other mammals, man suckles his young*. (Здесь *man* переводится как "человек", но это, с точки зрения вышеуказанных лингвистов, противоречит здравому смыслу).

С этой позиции язык, использующий гендерный признак, связан с определенными стереотипами роли мужчин и женщин в англоязычном обществе. Использование для обозначения особей женского пола слов, относящихся к живым существам на более ранней стадии их развития (*girls, babes, chicks* и др.), усиливает стереотипный взгляд на предубеждение, согласно которому разум женщины находится на менее продвинутой ступени формирования.

В связи с этим предлагается следующая система замены слов с родовым признаком "man" (см. Табл. 1).

Таблица 1

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
man	*human beings, humankind, men and women, women and men, the individual*
the best man for the job	*the best person for the job, the best man or woman for the job*
manpower	*workforce, personnel, the staff, the workers*
the common man	*the average person, ordinary people, people in general*
man hours	*hours, working time*
man the desk	*staff the desk*
chairman	*chairperson, chair, convenor, mediator, coordinator*
businessman, businesswoman	*business executive*
foreman	*supervisor*
policeman, policewoman	*police officer*

Предлагается ряд рекомендаций по устранению гендерного признака в современном английском языке:

- Не использовать слово *chairman* для обозначения мужчин и слова *chairperson* или *person chairing the meeting* для обозначения женщин.
- Использовать параллельные обращения как для женщин, так и для мужчин.

В последнее время в документах возрастает употребление данных наименований. Обращения *Miss* и *Mrs*. связаны с семейным положением. В тех случаях, когда используется параллельное соответствующее обращение к мужчине *Mr*., то по отношению к женщине рекомендуется обращаться *Ms*. Порядок перечисления имен обычно располагается по старшинству. Если же данный порядок по каким-либо причинам не используется, то расположение имен осуществляется в алфавитном порядке (см. Табл. 2).

Таблица 2

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
Frank Brown, Miss Smith and Dr. Black	*Frank Brown, Judy Smith and Ron Black; Mr. Brown and Drs. Smith and Black*
Mr. R. Jones and Miss Robin Green	*Mr. R. Jones and Miss R. Green, Jones and Green, Green and Jones, Robin Green and Robert Jones*

Рекомендуется избегать такие производные имена существительные для обозначения лиц женского пола, как *poetess* для поэта и выражения подобные *women doctors, women lawyers, lady artist*. Реальным основанием для этого является тот факт, что слова *doctor, lawyer, artist* обозначают лиц мужского пола. Рекомендуется избегать выражения, в которых ощущается "определенная снисходительность" (см. Табл. 3)

Таблица 3

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
My gal will take care of that immediately.	*My assistant will take of that immediately.*
the girls in the office	*the secretaries, office assistants*
ladies	*women* (за исключением тех случаев, когда упоминается со словом *gentlemen*)

Роль определенных стереотипов по половому признаку. В этих случаях рекомендуется избегать гендерный признак и, следовательно, изменять предложения (см. Табл. 4).

Таблица 4

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
Lecturers have wives and children to support.	*Lecturers have families to support or lecturers may have families to support.*
We are looking for an administrator who is his own man.	*We are looking for an administrator with a sense of independence and integrity.*

Рекомендуется также избегать гендерный признак при описаниях (см. Табл. 5).

Таблица 5

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
cautious men and timid women	*cautious men and women, cautious people, timid men and women, timid people*
ambitious men and aggressive women	*ambitious men and women, ambitious people, aggressive men and women, aggressive people*
the client's behaviour was typically female	*the client's behaviour... (specify the behaviour)*

Некоторые лингвисты призывают к замене определенных терминов с выраженным гендерным признаком на термин без данного признака. С этих позиций иногда относительно просто заменять местоимение *he* при помощи трансформации фразы во множественное число (см. Табл. 6).

Таблица 6

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
The welfare worker is always overworked so he...	*Welfare workers are always overworked, so they...*

Такие неопределенные местоимения, как *somebody, nobody, someone* могут быть заменены местоимением во множественном числе *they* (см. Табл. 7).

Таблица 7

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
Anyone who wants his work evaluated should...	*Anyone who wants their work evaluated should...; If a person wants their work evaluated they should...*

Рекомендуется избегать возврата противопоставлений *his/her* или *she/he*. Необходимо изменить целый отрывок текста (см. Табл. 8).

Таблица 8

Вместо (примеры):	Использовать (альтернативы):
Each student is responsible for publications on loan to him. He must return them to the library by the due date.	*Students have responsibility for publications taken out on loan, which must be returned to the library by the due date.*

Существует еще одна важная проблема, связанная с признаком "естественного рода или пола". Например, в грамматике существует утверждение о том, что собирательные местоимения *he, they* выступают заместителями нейтрального слова *man*. Однако данные показывают, что в большинстве случаев они ассоциируются с конкретными родовыми признаками и интерпретируются чаще как заменители слова *male* и гораздо реже – как заменители слова *female* [Khosroshahi 1989]. По данному вопросу в научной литературе содержатся статистические данные, свидетельствующие о том, что в 407 случаях участники лингвистического эксперимента ассоциировали *man* и *he* не с нейтральным, а с мужским полом, и только в 53 случаях они связывали эти слова с женским полом [Eakins B., Eakins R. 1978]. Это совпадает с данными других исследователей [например, Gastil 1990] и результатами психологических экспериментов, проведенных на материале разных возрастных групп. Психолингвистические эксперименты показали, что не только взрослые, но даже школьники ассоциируют так называемые нейтральные слова с мужским полом [Switzer 1990].

5. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРОЛОГИИ

Особое освещение проблема соотношения естественного и грамматического рода в языке получила в работах социолингвистического направления, где с целью выявления сексизма в языке тщательному анализу было подвергнуто устное и печатное слово. Результаты проведенной работы вновь доказали иллюзорность нейтрализации рода в семантике местоимения *he* и существительного *man* [Cameron, Coates 1988]. Высказывается мнение о том, что подобного рода лингвистические проявления следует объяснять, исходя не из понятия рода, а из социального понятия распределения власти [например, Simkins-Bullock 1991].

Социолингвистические исследования также показали, что языковое сознание англичан и американцев находится под сильным воздействием многовековой литературы иудейско-христианской традиции, подчеркивающей превосходство мужчины над женщиной. Слово *God* имеет в качестве своего референта божество не нейтрального, а мужского пола и заменяется местоимением *he*. В настоящее время делаются попытки пересмотреть концепцию мужского начала в Творце, в частности, почитатели Высшего духовного женского начала ввели в теологический язык такие слова, как *Goddess* и *Creatrix* [Miller, Swift 1989].

Зависимость языкового сознания от религиозных стереотипов подтверждена экспериментальными данными. При опросе студентов как женского, так и мужского пола было установлено, что те, кто не придерживался фундаментальных христианских представлений о предназначении женщины и мужчины, использовал в речи меньше сексистских стереотипов [McMinn 1990].

Один из способов дискредитировать собеседников, женщину или мужчину, проявляется в искаженной, порой ироничной презентации природы социального положения человека. Общество корректирует языковое сознание человека, заставляя его дифференцировать в языке и мыслях социальную природу и положение полов, предписывая человеку устремления и модели поведения, о которых он даже может быть плохо осведомлен. Когда в коллективном языковом сознании женщина рисуется как слабый пол, а мужчина как сильный, то данный стереотип несомненно откладывает отпечаток на поведение отдельного индивидуума [Trenholm, Todd-de Mancilas 1980].

Социальные стереотипы, за которыми стоит отчуждение одного рода другим, оказываются настолько сильными, что воздействуют не только на концептуальную основу слов и их прототипические признаки рода, но и на их коллакационные способности. Ниже приводятся два списка глаголов. Глаголы, относящиеся к первому списку, сочетаются, как свидетельствуют лингвистические наблюдения, со словами, имеющими признаки женского рода [Eakins B., Eakins R. 1978]. А ко второму списку относятся глаголы, обычно сочетаемые со словами, содержащими признаки мужского рода:

- SHE/WOMAN: *giggle, titter, chatter, chatter, nag, gossip, bitch;*
- HE/MAN: *laugh, discuss, remind, talk, complain, grip.*

Некоторые издательства целенаправленно изменили названия учебников и книг с целью сократить дистанцию отчуждения, зависимую от биосоциального параметра. Таким образом, в магазинах вместо "Books for boys" и "Books for girls" появились "Sports and travel" и "Arts and crafts" [Nilsen 1977c].

По резолюции ЮНЕСКО был выпущен буклет, помогающий редакторам и авторам избегать проявлений сексизма в языке. Буклет содержал комментарий на двух языках, где проводились образцы проявления сексизма в письменных сообщениях, персональных обращениях и адресных формах. Здесь же обсуждались сексистские коннотации, лимитирующие сущность и функциональную сторону личности [GONSL 1989].

В то же самое время во многих учебниках и словарях для изучающих английский язык категоризация признаков рода до настоящего времени ведется по старой модели. Существует много примеров, демонстрирующих, как социальные стереотипы влияют не только на систему слов типа woman/man, но и как они проникают глубже в слой глагольной и именной лексики. Это и дает право говорить о существовании биосоциального параметра.

Стереотипы часто используются в рекламных целях, а также в индустрии развлечений [Lakoff 1987]. Когнитивная особенность стереотипов заключается в том, что они позволяют делать быстрые выводы, пользуясь шаблонными концепциями. Стереотипизация является одним из проявлений метонимии и строится на лимитировании или редуцировании референта, что достигается путем отсечения определенных ее или его сущностных или функциональных качеств [Lakoff 1987].

Прототипические эффекты, основанные на стереотипных представлениях, используются в коммерческих и рекламных целях. Наблюдения показывают, что еще несколько лет назад женщине в рекламе преимущественно отводилась стереотипная роль домохозяйки, у которой нет иных интересов, кроме посуды, стирки, натирания полов, борьбы с пылью и грязью. Вопреки тому, что этот стереотип противоречит данным статистики, по которым 43% женщин, например, в США, работают вне дома. Некоторые виды товаров, особенно тривиальных, рекламируются с помощью женских признаков [Trauth, Huffman 1980].

Если контекст, в котором содержится местоимение *she*, имеет эмоциональную окраску, то к признаку рода добавляются ассоциативные признаки болезненности или слабости, недостаточной квалифицированности. Следовательно, в профессиональной сфере женский родовой признак содержит существительные, обозначающие определенные профессии, связанные общими прототипическими чертами, редуцированными от концепта женского рода: *teachers, receptionists, artists, editors, secretaries, singers*. Данные прототипические признаки отчетливо прослеживаются в контексте предложений. Например: *She gave us overdone steak; Tears rushed to her eyes; She always wears a crazy hat; She romanticized role as an editor; She never has the sense to hold her tongue at the right time*. Референт, обладающий признаком мужского рода, сочетается с прототипическими признаками силы и компетентности: *He refused to let anyone get ahead of him in business; He got ahead by sheer determination; His hands clenched as he faced his enemy; He is unequaled as an architect; Nothing in the painting escaped his microscopic study; He must seize ob a solution, however risky; He packs a better punch than any heavy weight in years; He has a strong voice* (см. [Gershung 1977a]). Данные примеры подтверждают мысль о том, что из двух полов женский род подгоняется под более жесткий социальный стереотип [Gershung 1977b]. Соответствующая тенденция обнаруживается не только в словарных статьях, но и в школьных учебниках, прессе, деловой корреспонденции, рекламе, судебном делопроизводстве, языке политиков и т.д.

Слова с прототипическими признаками рода имеют значение для рекламы рабочих мест. Если в объявлении о приеме на работу использовалась традиционная лексика, то только 5% женщин и 30% мужчин проявляли интерес к специальности, обычно выполняемой противоположным полом. Но в тех случаях, когда использовалась лексика с нейтрализованными признаками пола, 25% женщин и 75% мужчин интересовались возможностью получить работу противоположного пола. Если же в объявлениях использовалась лексика, где на работы, традиционно выполняемые мужчинами, приглашались женщины и наоборот, процент заинтересованных женщин возрастал до 45%, а процент заинтересованных мужчин составлял 65% [Miller, Swift 1977].

Зависимость от биосоциального параметра проявляют не только местоимения, обращения, сексистские выражения и слова обобщающего типа "женщина" и "мужчина", но и довольно значительное число слов, обозначающих профессиональную деятельность. В словаре Вебстера было обнаружено 517 названий профессий с признаками двух родов, 385 с признаками только мужского рода и 132 с признаками женского рода. Объяснение этой диспропорции дается с позиции исторически сложившихся особенностей разделения профессиональной деятельности, где мужчинам принадлежало неоспоримое первенство. Мужчины дали названия многим профессиям, которые в настоящее время используются в языке [Nilsen, 1977a; 1977b; 1977d].

Важным прототипическим признаком является также признак одушевленности. Примеры метафоризации в современном английском языке достаточно многочисленны (например, употребление мужчиной и женщиной конструкций *here he is coming* и *here she is* об одном и том же предмете, который по своему биологическому разряду принадлежит неодушевленным предметам, т.е. должно было бы быть *it*). Для объяснения подобных примеров М. Матио предлагает инвентарь семантических оппозиций, соответствующий формальной оппозиции *she* или *he* вместо *it* [Mathiot 1979]. Полученные М. Матио наблюдения представлены на трех уровнях – формальном, семантическом и когнитивном, каждый из которых включает два и более подуровней или слоев. Прослеживается определенная закономерность: чем абстрактнее уровень, тем более многослойным он является. Тем не менее, следует указать на тот факт, что границы подуровней когнитивного основания подвижны. В целом же классификация М. Матио представляет большой интерес вследствие совпадения ее с наблюдениями психологов и социологов.

Другим отличием англоговорящих мужчин от женщин в роли когнитивной личности является то, что они оперируют чаще атрибутами, допускающими четкое градуальное сопоставление, то есть в их речи можно услышать не столько лексические акцентуаторы, сколько степени сравнения наречий и прилагательных. Примером может служить градация эмоциональной привязанности, которая типична для языкового сознания англоговорящих мужчин и отсутствует в языковом сознания англоговорящих женщин [Колосова 1996]:

- WOMAN – *You are very dear to me.*
- MAN – *You are my dearest friend.*
- WOMAN – *Alex is my very good friend.*
- MAN – *Alex is my best friend.*

Редкое использование мужчинами слов типа *adorable* связано с тем, что в языковом сознании англоговорящих мужчин атрибуты, выражающие концепты эмоционального воздействия со стороны референта, либо не имеют самостоятельной значимости, либо концептуализируют заниженную амплитуду эмоционального воздействия референта на когнитивную личность. Тенденцией, характерной для них, является стремление отделить свой когнитивный опыт от сопутствующих ему эмоций и избежать эксплицитного представления этих эмоций языковыми средствами [Key 1975].

По наблюдениям Л. Гласс, анализ языка мужчин показывает, что мужчины редко оперируют словами, прототипически соотносимыми с концептом "обожание". К числу таких слов относятся слова типа *adorable, charming, precious, sweet.* Для мужчин в меньшей степени характерно выражение эмоциональной привязанности, например, с помощью слов *darling, dear, sweetheart, my love.* Они избегают эксплицитно наслаивать эмоциональный опыт на опыт когнитивный. Снижая значимость эмоционального опыта и отдавая предпочтение опыту когнитивному, мужчины избегают говорить о своих глубоких личностных переживаниях. От женщин чаще можно услышать: *I feel, I hope, I love.* Например, *I feel so sad today* [Glass 1992: 22–23].

Важно отметить и то, что в языковом сознании женщин эмоциональность сочетается с их способностью к самораскрытию. Данные исследований и опрос самих женщин показали, что они больше мужчин склонны к самораскрытию как в условиях повседневного общения, так и в условиях консультационного интервьюирования. Более того, женщины и мужчины по-разному реагировали на социальный статус партнера по коммуникации: женщина больше стремилась к самораскрытию, тогда как мужчина избегал самораскрытия перед партнером по коммуникации с более низким социальным статусом [Smith 1985].

В самораскрытии женщин часто усматривают еще одну тенденцию – их стремление к интимности. В когнитивном аспекте это выражается в том, что сокращается дистанция отчуждения между когнитивной личностью и референтом.

Концепты красивого и уродливого в англоязычной культуре имеют очерченные родовыми признаками границы, которые сформировались под влиянием устойчивых социальных стереотипов. Не случайно в языковом сознании англоговорящих концепты женской и мужской красоты обычно противопоставляются. Для обозначения мужской красоты существует особое слово *handsome*, которое не вступает в коллокации со словами, имеющими признаки женского рода.

О концепте "красота" в англоязычной культуре можно получить достаточно полное представление. Н. Вульф отмечает, что красивое является атрибутом женщин, и они стремятся к обладанию этим атрибутом, так как он делает их более привлекательными в биологическом, сексуальном плане. Для мужчин обладание атрибутом красоты не является императивом, для них наиболее важным оказывается обладание красивой женщиной. Красивое как атрибут ассоциируется прежде всего с поведением человека [Wolf 1990].

Признаки рода определяют эмоциональные оценки некоторых идиоматических выражений [Колосова 1996]. Например, *behave like a man* и *behave like a woman* идентичны по своим поверхностным и глубинным структурам, но диаметрально противоположны по своим эмоциональным оценкам, так как относятся к разным концептам. В первом случае поведение будет оцениваться положительно, тогда как во втором случае эмоциональная оценка будет отрицательной, причем при проекции на лицо мужского рода она усиливается. *Effeminate* или *like a woman* синонимично *impudent*, тогда как *manly* или *like a man* соответствует по значению *grown*. Если о мужчине говорят, что *he runs, bats, thinks, or fights like a girl* или *like a (old) woman*, то это равносильно оскорблению. Аналогичным образом воспринимается, например, выражение *a woman's answer*. Вместе с тем совершенно иначе используются в английском языке *manly, like a man, a man's answer*. Лицо женского пола в идиоматических выражениях типа *she runs, talks, or, most specially, thinks like a man* характеризуется положительно.

Следует отметить, что положительная эмоциональная оценка усиливается в зависимости от типа употребляемого глагола, так как на глагольную лексику прямо или косвенно распространяются признаки рода. В некоторых случаях это соответствует разнице в поведении женщин и мужчин, обусловленной их биологическими особенностями. Допустим, *to be pregnant* или *to give birth* в прямом значении сочетается только со словами, имеющими признаки женского рода. Если же в качестве референта подразумевается как женщина, так и мужчина, то происходит метафоризация глагольного сочетания: *to be pregnant* означает уже 'fraught with significance or implication; meaningful'. В других случаях разница в поведении женщин и мужчин закрепляется в социальных стереотипах, что, в частности, объясняет предписание женщинам особого типа речемыслительной деятельности: *to report, to narrate, persuade, argue, describe, instruct, explain*. Это соответствует стереотипным оценкам женского поведения. По социальным стереотипам речемыслительная деятельность мужчин связывается с более сложными процессами, что отражается на коллокациях с некоторыми глаголами типа *to recollect, to organize, to think, to reconstruct, to review, to hypothesize*.

Следовательно, в языковом сознании прототипические оценочные признаки женщины обычно существуют в виде стереотипов, причем при проекции на референта противоположного пола они приобретают ярко выраженные эмоциональные оценки. Иным образом обстоит дело, если под референтом подразумевается женщина, и для ее характеристики используются стереотипные мужские оценочные признаки. В этом случае отрицательные эмоциональные оценки не наслаиваются. Причиной такой стереотипизации признаков и закрепления за ними определенных эмоциональных оценок является то, что мужские оценочные признаки в языковом сознании как женщин, так и мужчин, живущих в патриархальном обществе, имеют большую значимость и традиционно оцениваются как положительные [Rogers 1986]. Для сравнения достаточно привести два контрастных примера: *she is a tomboy* и *he is a sissy* [Eakins B., Eakins R. 1978].

В ряде случаев идиоматические выражения построены на имидже женщины и поэтому прототипически связаны с концептами женского труда: воспитанием детей, приготовлением пищи, домашней работой и т.д. Если эти идиоматические выражения используются для проекции на референта мужского пола, оценивая мужскую деятельность в сферах бизнеса и политики, то наблюдается резкое усиление их эмоциональных оценок. Например: *tied to his mother's apron strings, child's play, hanging your dirty linen in public, half-baked*.

Таким образом, концептуальное пространство положительных оценочных признаков у референтов мужского пола значительно больше, чем концептуальное пространство атрибутивных признаков у референтов женского пола [Колосова 1996]. По этой причине в тех случаях, когда необходимо отрицательно охарактеризовать референта с мужскими признаками, часто прибегают к переносу оценочных признаков, стереотипно предписываемых женщинам.

Если оценочные признаки, стереотипно закрепленные за референтом-женщиной, переносятся на референта-мужчину, то чаще всего наблюдается присоединение негативных эмоциональных оценок. Если же оценочные признаки референта-мужчины переносятся на референта-женщину, то эмоциональная оценка из нейтральной переходит в положительную.

Важным аспектом в области гендерных исследований является различное восприятие цвета. Считается, что по сложившемуся стереотипу женщины предпочитают светлую часть спектра. Мужчины говорят о цвете, если это для них ситуативно важно, иными словами, цвет в их понимании существует не ради самого себя, а как атрибут интересующего их предмета [Eakins B., Eakins R. 1978]. У женщин восприятие цвета, вероятно, носит эстетический характер, что сказывается на концептуализированности цвета в их языковом сознании. Женщины наделены способностью наслаждаться цветом не как атрибутом, а как субстанцией. Существуют экспериментальные данные, подтверждающие гипотезу о том, что женщины оперируют в речи большим набором цветообозначений, чем мужчины [Steckler, Cooper 1980]. Мужчинам свойственно использовать больше конкретных определений при описании собственной внешности. Интересно и то, что при описании своих партнеров мужчины и женщины не давали конкретных характеристик, то есть цвет волос или глаз, так как это не было фактором, влияющим на выбор будущей супруги или супруга.

В лингвистической литературе есть данные, указывающие на то, что цвета привлекают больше внимание женщин, чем мужчин. Женщины для описания интерьеров использовали больше терминов для характеристики цвета и рисунка. Каждая группа давала более детальное описание интерьера, стереотипного для своего пола [Garsia, Frosch 1978].

Наблюдаемые расхождения в цветообозначении у женщин и мужчин получают разное теоретическое объяснение. Р. Лакофф считает, что эти расхождения имеют социальную природу и связаны со стереотипом распределения "сфер языкового влияния". Основной тезис можно интерпретировать таким образом, что определение цвета не имеет прямого отношения к важнейшим сферам когнитивной деятельности, а поэтому мужчины оставляют за женщинами приоритет в цветообозначении [Lakoff 1991].

Говоря о названиях цветов, следует указать, что подобно другим качественным характеристикам они содержат в себе признаки рода. В большинстве случаев эти признаки заложены в семантических структурах слов и реализуются в речи благодаря ассоциативным связям. Существуют слова из группы цветообозначения, в которых признаки рода через социальные стереотипы закрепились настолько прочно, что привели к превращению признака в сущность. Примером такого плана является субстантивация прилагательных *blond, blonde* и *brunet, brunette.* Некоторые исследователи считают, что закрепление за этими словами признаков рода – результат их заимствования из французского [Miller, Swift 1989].

Однако не следует забывать, что blond и brunet как прилагательные не несут выраженных признаков рода и могут характеризовать лицо как мужского, так и женского пола. Это связано с тем, что параллельно с заимствованием слов шел процесс их категоризации, где и сыграли роль ассоциации, построенные на социальных стереотипах. В современном английском языке *blonde* прошло еще одну ступень своего развития. Оно приобрело иную эмоциональную оценку и в результате перешло в разряд сексистских слов. Слово *blonde* часто используется мужчинами для умаления интеллектуальных способностей женщины. *She is a blonde* означает: "она глупышка".

В разговорном английском языке прилагательные с резко выраженными признаками рода попадают в категорию сексистских слов. Употребление этих слов рассматривается как проявление сексизма со стороны мужчин по отношению к женщинам. С одной стороны, сексизм синонимичен притеснению, а с другой – он является проявлением некой идеологии. Проблема сексизма в языке и речи пристально

изучается многими лингвистами в самых разных контекстах школьного и университетского обучения [Holmes 1991].

По данным лингвистического тестирования оказалось, что мужчины более позитивно реагируют на имидж женщины, переданный с помощью определений, имеющий резко выраженные признаки пола. Это распространялось не только на ее внешние данные, то также и на интеллектуальные способности, и личностные качества [Cameron, Coates 1988]. Вместе с тем женщины реагировали отрицательно на качественные характеристики с ярко выраженной сексистской окраской [Trenholm, Todd-de Mancilas 1980]. Таким образом, можно утверждать о наличии некоторого двойного стандарта в употреблении слов с атрибутивными признаками, с одной стороны: выделение признаков рода, а с другой, – стремление к их нейтрализации.

Женщины и мужчины по-разному используют в речи количественные числительные. Следовательно, можно констатировать факт функционирования различительных признаков в когнитивной субкатегоризации. Наблюдения исследователей свидетельствуют, что для мужчин количественная характеристика референта является его важнейшим атрибутом. Ситуативные подтверждения этому достаточно многочисленны. Ранее было отмечено, что мужчины в различных ситуациях более внимательно по сравнению с женщинами относятся к ведению счета [Eakins B., Eakins R. 1978]. Одновременно количественная характеристика референта для мужчин является атрибутом дискретного качества, тогда как для женщин она часто носит приблизительный характер [Eakins B., Eakins R. 1978].

Что касается порядковых числительных, то в данном случае обнаружить прямых экспериментальных доказательств, подтверждающих разное употребление слов этой категории в речи женщин и мужчин, не удалось. Но с порядковыми числительными в аспекте атрибуции сближаются степени сравнения прилагательных и наречий. Мужчины рассматривают признак в пространственно-временной соотнесенности и в системной иерархии других признаков. Это может проявляться в морфологических показателях как степеней сравнения, так и порядковых числительных. На основании данного положения можно считать синонимичными коллокации *my dearest, my best, my first (friend)*, которые указывают на то, что иерархия признаков является атрибутом референта, и на то, как это вписывается в пространственно-временную соотнесенность. У женщин выражение иерархичности признаков и их пространственно-временная соотнесенность либо отсутствуют, либо сводятся к единичным проявлениям [Колосова 1996].

Таким образом, гендерные исследования, рассмотренные на материале английского языка, обнаружили различия как на уровне системы языка, так и на уровне его употребления. Гендерные различия на уровне языка как системы выявляют определенные асимметрии, проявляющиеся в виде семантических лакун, когда в языке отсутствует обозначение для какого-либо концепта [Халеева 2000].

Следует подчеркнуть, что язык и общество всегда составляли неразрывные единство. В результате изменения роли женщины и мужчины в современном обществе в ряде стран некоторые англоязычные языковеды предлагают ввести некоторые изменения как в лексическую, так и в грамматическую материю языка. Это связано прежде всего в тем фактом, что ряд лингвистов пытается привнести категорию большей нейтральности в языке с позиции гендера [например, Khrushcheva 2001; Lessard 2001].

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что применительно к функционированию гендерного признака в языке с учетом фонетики, лексики и грамматики лингвистам следует обращать особое внимание на обнаружение, фиксацию и анализ речевых и языковых модификаций, связанных с изменением представления о ролевых функциях женщин и мужчин.

Как продемонстрировали результаты исследований в области гендерной проблематики, в специальной литературе уделяется большое внимание не только конкретным фактам, но и терминологии в данной сфере знаний. Так, можно фиксировать появление таких терминов, как "гендерный нейтральный язык" (gender neutral language), синонимичный ему термин "безгендерный язык" (non-gender specific language), "сексистский язык" (sexist language), "несексистский язык" (non-sexist language). Многообразие нововведенных терминов требует дальнейших изысканий и многостороннего осмысления.

Следует подчеркнуть, что в области гендерологии конца XX в. на материале славянских языков (русского, польского, чешского и старославянского) [SGL 1999] выявлены следующие основные тенденции:

– в сфере грамматики особенно существенных различий между женской и мужской речью не обнаружено;

– некоторые различия дают область словообразования, например, употребление диминутивов и некоторых иных форм производных слов – наименований женщин;

– женщины более склонны к кооперативной беседе, в связи с чем задают больше вопросов и высказывают больше реплик-реакций, чем мужчины;

– речь женщин более эмоциональна, что сказывается в их пристрастии к употреблению экспрессивных форм общей оценки, часто при помощи прилагательных и наречий;

– женщины чаще используют косвенные просьбы, чем приказы;

– вопрос о том, кто чаще перебивает собеседников в речи – женщины или мужчины, – требует дальнейшего изучения.

Вышеперечисленные положения перекликаются с ранее полученными результатами на материале русского языка [Земская, Китайгородская, Розанова 1993].

Современная социолингвистическая модель функционирования языка и речи включает структуру взаимообусловленных и взаимозависимых составляющих, связанных, с одной стороны, с физиологическими и нейропсихическими особенностями индивида, с другой стороны, со спецификой формирования индивидуального речевого кода под влиянием социальных (культурологических, этнических и т.д.) и экономических (принадлежность к определенной группе, слою, классу и т.д.) факторов.

Подобная комплексная модель предполагает учет как экстралингвистических, так и лингвистических аспектов речевой деятельности индивида с ориентацией в последнем случае на особенности фонетического, лексического, синтаксического планирования и реализации речевого высказывания индивидом в акте коммуникации, т.е. на особенности формирования индивидуального языкового варианта (идиолекта).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов Р.И. 1984 – Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.

Вохрышева Е.В. 1999 – Гендерная специфика стратегий реагирования на вопрос в новоанглийском языке // Гендер: язык, культура, коммуникация. М., 1999.

Горошко Е.И. 1996 – Особенности мужского и женского вербального поведения: (психолингвистический анализ). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Горошко Е., Кирилина А. 1999 – Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. М., 1999.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1993 – Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Кирилина А.В. 1999 – Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Колосова О.Н. 1996 – Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка). Дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.

Медведева Т.Г., Шевченко Т.И. 1980 – Сопоставительный анализ просодических форм выражения эмоций у мужчин и женщин // Просодия текста. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 169. М., 1980.

Потапов В.В. 1997 – Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // ИАН СЛЯ. 1997. Т. 56. № 3.
Потапов В.В. 2000 – Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // Гендер как интрига познания. М., 2000.
Потапова Р.К. 1997 – Коннотативная паралингвистика. М., 1997.
Реформатский А.А. 1987 – О тембре голоса человека // Лингвистика и поэтика. М., 1987.
Халеева И.И. 2000 – Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. М., 2000.
Шахмайкин А.М. 1996 – Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. Вопросы русского языкознания. Вып. VI. М., 1996.
Шевченко Т.И. 1980 – Социолингвистическая обусловленность эмоциональной интонации // Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 152. М., 1980.
Шевченко Т.И. 1990 – Социальная дифференциация английского произношения. М., 1990.
Adler M.K. 1987 – Sex differences in human speech. A sociolinguistic study. Hamburg, 1987.
Allen D.E., Guy R.F. 1974 – Conversational analysis: the sociology of talk. The Hague, 1974.
Bate B.A. 1976 – Generic man, invisible woman: language, thought, and social change // University of Michigan papers in women's studies. 1976. № 2 (1).
Baugh J. 1995 – Dimensions of a theory of econolinguistics // Towards a social science of language. V. 1: Variation and change in language and society. Amsterdam, Philadelphia, 1995.
Baumann M. 1979 – Two features of "Women's speech?" // The sociology of languages of American women. San Antonio, 1979.
Bernard J. 1972 – The sex game. N. Y., 1972.
Bernard J. 1987 – The female world from a global perspective. Bloomington, 1987.
Brazelton T.B., Tronick E. 1980 – Preverbal communication between mothers and infants // The social foundations of language and thought. N. Y., 1980.
Brend R. 1975 – Male-Female intonation patterns in American English // Language and sex: difference and dominance. Rowley (Mass.), 1975.
Brotherton P.L., Penman R.A. 1977 – A comparison of some characteristics of male and female speech // Journal of social psychology, 1977. № 103.
Brouner D. 1982 – The influence of the addressee's sex on politeness in language use // Linguistics. 1982. № 20.
Broverman I.K., Vogel S.R., Broverman D.W., et al. 1972 – Sex role stereotypes: a current appraisal // Journal of social issues. 1972. № 28.
Brown P. 1980 – How and why are women more polite: some evidence from a Malayan community // Women and language in literature and society. N. Y., 1980.
Brown P., Levinson S. 1978 – Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and politeness: strategies in social interaction. Cambridge, 1978.
Brown R., Ford M. 1964 – Address in American English // Language in culture and society. N. Y., 1964.
Cameron D. 1985 – Feminism and linguistic theory. London, 1985.
Cameron D., Coates J. 1988 – Some problems in the sociolinguistic explanation of sex differences // Women in their speech communities. London, 1988.
Chandler M.A., Basset D.L. 1989 – Tag questions and powerfulness: quantitative and qualitative analysis of a course of psychotherapy // Language in society. 1989. V. 18. № 1.
Channell J. 1994 – Vague language. Oxford, 1994.
Clifton A.K., McGrath D., Wick B. 1976 – Stereotypes of women: a single category? // Sex roles. 1976. № 2.
Coates J. 1986 – Women, men, and language. London, 1986.
Conklin N.F. 1974 – Toward a feminist analysis of linguistic behaviour // Papers in women's studies. 1974. № 1.
Crystal D. 1969 – Prosodic systems and intonation in English. Cambridge, 1969.
Dubois B.L., Crouch I. 1975 – The question of tag questions in women's speech: they don't really use more of them, do they? // Language in society. 1975. № 4.
Dunn J. 1985 – Sisters and brothers. The developing child. Cambridge, 1985.
Eakins B.W., Eakins R.G. 1978 – Sex differences in human communication. Boston, 1978.
Eckert P. 1993 – Cooperative competition in adolescent 'girl talk' // Gender and conversational interaction. Oxford, 1993.
Eckes Th. 1994 – Features of men. Features of women: assessing stereotypic beliefs about gender subtypes // British journal of social psychology. 1994. № 33.
Ellis H. 1986 – Man and woman. London, 1986.

Ervin-Tripp S. 1976 – "What do women sociolinguists want?". Prospect for a research field // The sociology of the languages of American women. San Antonio, 1976.
Fausto-Sterling A. 1985 – Myths of gender: biological theories about women and men. N. Y., 1985.
Fishman P.M. 1978 – What do couples talk about when they are alone? // Women's language and style. Akron, 1978.
Francis L.J. 1992 – The influence of religion, gender, and social class on attitudes toward school among 11-year-olds in England // Journal of experimental education. 1992. V. 60. № 4.
Frank J. 1990 – Gender differences in color naming: direct mail order advertisements // American speech. 1990. № 65.2.
GAD 1988 – Gender and discourse: the power of talk. Norwood, 1988.
Garcia G.N., Frosch S.F. 1978 – Sex, color, and money: who is perceiving what? or where did all the differences go (to)? // Intern. Journal of sociology of language, 1978. V. 17.
Gastil J. 1990 – Generic pronouns and sexist language: the oxymoronic character of masculine generics // Sex roles: A journal of research. 1990. V. 23. № 11–12.
Gershung H.L. 1977a – Sexism in dictionaries and texts: omissions and commissions // Sexism and language. Urbana, 1977.
Gershung H.L. 1977b – Sexism in the language of literature // Sexism and language. Urbana, 1977.
Gilley H.M., Summers C.S. 1970 – Sex differences in the use of hostile verbs // Journal of psychology. 1970. № 76.
Glass L. 1992 – He says, she says. Closing the communication gap between sexes. London, 1992.
Gleason J.B. 1987 – Sex differences in parent-child interaction // Language, gender and sex in comparative perspective. Cambridge, 1987.
Gleason J.B., Greif E.B. 1983 – Men's speech to young children // Language, gender and society: Rowley, 1983.
GONSL 1989 – Guidelines on non-sexist language. Paris, 1989.
Goodwin M.H. 1980 – Direct-response speech sequences in girls' and boys' task activities // Women and language in literature and society. N. Y., 1980.
Goodwin M.H. 1990 – He-said-she-said: talk as social organization among black children. Bloomington, 1990.
Goodwin M.H. 1993 – Tactical uses of stories: Participation frameworks within girls' and boys' disputes // Gender and conversational interaction. Oxford, 1993.
Gumperz J.J. 1987 – Preface // *P. Brown, S.C. Levinson.* Politeness: some universals of language use. Cambridge, 1987.
Henley N. 1977 – Body politics: power, sex and non-verbal communication. New Jersey, 1977.
Herbert R.K. 1990 – Sex-based differences in compliment behaviour // Language in society. 1990.
Hirshman L. 1974 – Analysis of supportive and assertive behaviour in conversations // Language and sex: difference and dominance. Rowley (Mass.), 1974.
Holmes J. 1986 – Functions of you know in women's speech // Language in society. 1986. № 15.
Holmes J. 1991 – Language and gender // Language teaching. The international abstracting journal for language teachers and applied linguists. Cambridge, 1991.
Jespersen O. 1922 – Language: its nature, development and origins. London, 1922.
John-Steiner V., Irvine P. 1989 – Women's verbal images and associations. Chicago, 1989.
Kaplan C. 1986 – Sea changes: culture and feminism. London, 1986.
Kaye K., Charney R. 1980 – How mothers maintain "dialogue" with two-year-olds // The social foundations of language and thought. N.Y., 1980.
Key M.R. 1975 – Male/female language. New Jersey, 1975.
Khosroshahi F. 1989 – Penguins don't care, but women do: A social identity analysis of a Whorfian problem // Language in society. 1989. V. 18. № 4.
Khrushcheva T. 2001 – Gender conveyance in the American popular press // Proceedings of the FEELTA 3rd International conference "People, languages and cultures in the third millennium". Vladivostok, 2001.
Kramarae C. 1980 – The voices and worlds of women and men // Special issue of women's studies international quarterly. 1980. № 3 (2/3).
Kramer C. 1977 – Perceptions of male and female speech // Language and speech. 1977. № 20.
Labov W. 1978 – Sociolinguistic patterns. Philadelphia, 1978.
Lakoff R. 1975 – Language and woman's place. N. Y., 1975.

Lakoff R. 1987 – Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
Lakoff R. 1991 – Extract from language and woman's place // The feminist critique of the language: A reader. London, 1991.
Langacker R.W. 1994 – Viewing in cognition and grammar. San Diego, 1994.
Langacker R.W. 1994 – Data and methodology. The lecture, delivered at the university of California. San Diego, 1994.
Lees S. 1983 – How boys slag off girls // New society. 1983. October: 13.
Lessard C. 2001 – Gender as a factor in English learning in Confucian Korea // Proceedings of the FEELTA 3rd International conference "People, languages and cultures in the third millennium". Vladivostok, 2001.
Maltz D.N., Borker R.A. 1982 – A cultural approach to male-female miscommunication // Language and social identity. Cambridge, 1982.
Marshall G.R., Cofer Ch.N. 1963 – Associative indices as measures of word relatedness: summary and comparison of ten methods // Journal of verbal learning and verbal behaviour. 1963. V. 6.
Mathiot M. 1979 – Sex roles as revealed through referential gender in American // Ethnolinguistics: Boas, Sapir and Whorf revisited. The Hague, 1979.
McConnell-Ginnet S. 1978 – Address forms in sexual politics // Women's language and style. Akron, 1978.
McCormack C., Strathern M. (eds.). 1980 – Nature, culture and gender. Cambridge, 1980.
McDonnell D. 1986 – Theories of discourse. Oxford, 1986.
McKeever W.F. 1987 – Cerebral organization and sex: interesting but complex // Language, gender and sex in comparative perspective. Cambridge, 1987.
McMinn M.R. et al. 1990 – Does sexist language reflect personal characteristics? // Sex roles: A journal of research. 1990. V. 23. № 7–8.
Miller C., Swift K. 1977 – Words and women: new language in new times. London, 1977.
Miller C., Swift K. 1989 – The handbook of non-sexist writing for writers, editors and speakers. London, 1989.
Moulton J., Robinson G.M., Elias C. 1978 – Sex bias in language use: "natural" pronouns that aren't // American psychologist. 1978. № 33.
Nichols P. 1979 – Black women in the Rural South: conservative and innovative // The sociology of the languages of American women. San Antonio, 1979.
Nichols P. 1980 – Women in their speech communities // Women and language in literature and society. N. Y., 1980.
Nilsen A.P. 1977a – Linguistic sexism as a social issue // Sexism and language. Urbana, 1977.
Nilsen A.P. 1977b – Sexism as shown through the English vocabulary // Sexism and language. Urbana, 1977.
Nilsen A.P. 1977c – Sexism in children's books and elementary teaching materials // Sexism and language. Urbana, 1977.
Nilsen A.P. 1977d – Sexism in the language of marriage // Sexism and language. Urbana, 1977.
Oakley A. 1972 – Sex, gender and society. Melbourne, 1972.
Ochs E. 1987 – The impact of stratification and socialization on men's and women's speech in Western Samoa // Language, gender and sex in comparative perspective. Cambridge, 1987.
Orasanu J., Slater M.K., Adler L.L. (eds.) 1979 – Language, sex and society. Does "La différence" make a difference? // Annuals of the New York Academy of Sciences. 1979. № 327.
Pellowe J., Jones V. 1978 – On international variability in Tyneside speech // Sociolinguistic patterns in British English. London, 1978.
Phillips J.R. 1973 – Syntax and vocabulary of mother's speech to young children: age and sex comparisons // Child development. 1973. № 44.
Phillips S. 1983 – Sexism and self-concept in the language of children: a middle childhood survey // The sociogenesis of language and human conduct. N. Y., 1983.
Phillips S.U., Reynolds A. 1987 – The interaction of variable syntax and discourse structure in women's and men's speech // Language, gender and sex in comparative perspective. Cambridge, 1987.
Risch B. 1987 – Women's derogatory terms for men: that's right, "dirty" words // Language in society. 1987. № 16(3).
Rogers J. 1986 – Dictionary of clichés. London, 1986.

Romaine S. 1978 – Postvocalic [r] in Scottish English: sound change in progress // Sociolinguistic patterns in British English. London, 1978.
Sachs J. 1975 – Preschool 'boys' and 'girls' language use in pretend play // Language, gender and sex in comparative perspective. Cambridge, 1985.
Schultz M. 1975 – The semantic derogation of women // Language and sex: difference and dominance. Rowley (Mass.), 1975.
SD 1976 – Sex difference: social and biological perspectives. New York. Garden City, 1976.
SGL 1999 – Slavic gender linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 1999.
Shaywitz B. et al. 1995 – Sex differences in the functional organization of the brain for language // Nature. 1995. V. 373. № 6.
Sheldon A. 1993 – Pickle fights: Gendered talk in preschool disputes // Gender and conversational interaction. Oxford, 1993.
Shucard D.W., Shucard J.L., Thomas D.G. 1987 – Sex differences in the patterns of scalp-recorded electrophysiological activity in infancy: possible implications of language development // Language, gender and sex in comparative perspective. Cambridge, 1987.
Simkins-Bullock J.A. 1991 – An investigation into the relationships between gender and language // Sex roles: A journal of research. 1991. V. 24. № 3–4.
Smith P.M. 1985 – Language, the sexes and society. Basel, 1985.
Sorrels B.D. 1983 –The non-sexist communicator. Sydney, 1983.
Soskin W.F., John V.P. 1963 – The study of spontaneous talk // The stream of behaviour. New York, 1963.
Spender D. 1978 – The right way to talk: sex differences in language // Times Educational Supplement. 1978. № 3. November: 19.
Spender D. 1982 – Women of ideas (and what men have done to them): from Aphra Behn to Adrienne Rich. London, 1982.
Spender D. 1985 – Man made language. London, 1985.
Stanley J.P., Robbins S.W. 1978 – Sex-marked predicates in English // Papers in linguistics. 1978. № 11.
Steckler N.A., Cooper W.E. 1980 – Sex differences in color naming of unisex apparel // Anthropological linguistics. 1980. V. 22.
Steedman G. 1985 – Language, gender and childhood. London, 1985.
Swann J. 1992 – Girls, boys and language. Oxford, 1992.
Switzer J.Y. 1990 – The impact of generic word choices: an empirical investigation of age-and sex-related differences // Sex roles. 1990. V. 22. № 22.
Tannen D. 1992 – You just don't understand. Women and men in conversation. London, 1992.
Tannen D. 1993 – The relativity of linguistic strategies: Rethinking power and solidarity in gender and dominance // Gender and conversational interaction. Oxford, 1993.
Theodor-Reik M. 1988 – Men and women speak different languages // Psychoanalysis. 1988. № 2(4).
Trauth D.M., Huffman J.L. 1980 – Applying a scale for sexism // Proc. of the 1-st annual conference 'Communication, language and sex', Rowley, 1980.
Trenholm S., Todd-de Mancilas W. 1980 – The effect of sexist language on interpersonal judgments // Proc. of the 1-st annual conference 'Communication, language and sex'. Rowley, 1980.
Trudgill P. 1974a – Sociolinguistics. Harmondsworth, 1974.
Trudgill P. 1974b – The social differentiation of English in Norwich. Cambridge, 1974.
Trudgill P. 1978 – Sociolinguistic patterns in British English. London, 1978.
Valentine C.A., St. Damian B. 1988 – Gender and culture as determinants of the ideal voice // Semiotica. 1988. № 71.
Wardhaugh R. 1986 – An introduction to sociolinguistics. Oxford, 1986.
West C., Zimmerman D.H. 1983 – Small insults: a study of interruptions in cross-sex conversations between unacquainted persons // Language, gender and society. Rowley (Mass.), 1983.
Williams J.E., Bennet S.M. 1975 – The definition of sex stereotypes via the adjectives check list // Sex roles. 1975. № 1.
Wolf N. 1990 – The beauty myth. London, 1990.
WLT 1987 – Women language transition. Albany, 1987.
Wood M.M. 1966 – The influence of sex and knowledge of communication effectiveness on spontaneous speech // Word. 1966. № 22.
Zimmerman D., West C. 1975 – Sex roles, interruptions and silences in conversation // Language and sex: difference and dominance. Rowley (Mass.), 1975.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 2002

РЕЦЕНЗИИ

***И.М. Стеблин-Каменский.* Этимологический словарь ваханского языка.** Санкт-Петербург; Издательство "Петербургское Востоковедение", 1999. 480 с.

Рассматриваемый "Этимологический словарь ваханского языка" – явление неординарное во многих отношениях. Эта неординарность вызвана рядом обстоятельств, как объективных, связанных с особенностями ваханского языка и его необычной судьбой, так и субъективных, диктуемых авторским подходом к материалу создателя Словаря – И.М. Стеблин-Каменского.

Из объективных обстоятельств определяющими явились, главным образом, следующие.

Во-первых, ваханский – один из языков восточноиранской "ветви" иранской языковой семьи, входящей, в свою очередь (через определенные промежуточные ступени родства) в большую индоевропейскую семью, что делает свидетельства его истории (и, в частности, истории его лексики) ценными не только для иранистики, но и для индоевропеистики в целом.

Во-вторых, это язык, распространенный в горах Южного Памира и частично в примыкающих регионах Афганистана, Пакистана и КНР, и относящийся – по географии распространения и по ряду лингвистических черт (по определенным типологическим признакам и по составу лексического корпуса) – к ареальной группе памирских языков, которая входит, в свою очередь, в ареальное объединение памиро-гиндукушского региона и далее в Центрально-Азиатский языковой союз, характеризующийся целым рядом структурно-типологических и контенсивно-типологических признаков (подробнее о них см. [Топоров 1965; Эдельман 1980]). Это существенным образом отражается на составе ваханской лексики: с большим количеством как явных заимствований, так и ареальных слов, общих для ряда соседних языков, но с неясным первоисточником, а также на истории отдельных слов – с определенными семантическими сдвигами, с продуктивностью определенных словообразовательных моделей.

В-третьих, бытование народа – носителя этого индоевропейского языка – в условиях горных районов Средней и Центральной Азии обусловило отражение в его лексике реалий природы, особенностей хозяйствования и предметов хозяйственной деятельности, обычаев и пр., требующих от составителей любого словаря не простого перевода лексем (который читателю-европейцу может оказаться не всегда понятным), а объяснения характера реалий, способов хозяйствования, вида и предназначения орудий труда и других предметов и т.д.; в отдельных случаях даже такие объяснения могут оказаться непонятными без рисунков-иллюстраций.

В-четвертых, это язык "малочисленного" народа, бывший до последних лет бесписьменным, не имевший письменной традиции в прошлом и находящийся на протяжении многих веков и поныне под сильным воздействием (и в первую очередь – лексическим) со стороны "престижных" языков региона – таджикского и дари.

Авторским лингвистическим и этнолингвистическим подходом к материалу объясняются некоторые особенности Словаря в плане отбора и презентации материала ваханского языка, выбора лексем других языков для сравнения, объема представленных в словаре экстралингвистических данных, трактовки некоторых процессов в истории ваханского языка. Так, автор счел необходимым включить в словарные статьи не только этимологии собственно ваханских слов и заимствований в ваханский из других языков, а также – для сравнения – этимологически родственные слова в других иранских и неиранских языках, но и сопоставление ваханских слов с семантически близкими (но не родственными этимологически) словами дру-

гих языков ареала. Во многих словарных статьях присутствуют, кроме того, географические, этнографические и иные экстралингвистические комментарии.

Всем этим объясняются особенности содержания и структуры данного Словаря в целом и словарной статьи в частности, а также способ представления в нем языкового материала. Автор построил Словарь таким образом, чтобы максимально разносторонне осветить исторические условия и пути развития лексики ваханского языка.

В результате Словарь явился по существу не только этимологическим, но до некоторой степени также сопоставительно-семантическим и ареальным этнолингвистическим словарем лексики памиро-гиндукушского ареала, наглядно демонстрирующим тот фон, на котором развивалась и изменялась ваханская лексика.

Следует сразу отметить, что до последнего времени подобного масштабного монографического исследования, посвященного изучению в диахроническом аспекте лексики этого языка (да и других языков региона) не существовало. Опубликованные до сих пор данные об истории ваханского языка немногочисленны и относительно невелики. В основном это либо исторические экскурсы к описанию синхронной системы языка, либо история его отдельных подсистем, либо краткое описание его исторической фонетики и морфологии в сравнительном плане, либо этимологии тех или иных слов.

Этими обстоятельствами объясняется необычная для этимологических словарей композиция Словаря.

На форзаце в начале и конце книги даны соответственно карта-схема распространения ваханского языка и карта памиро-гиндукушского этнолингвистического региона, а в конце книги в разделе "Приложения" (с. 461–478) приводятся фотографии, схемы и рисунки, отражающие местные реалии и элементы материальной культуры ваханцев (схема поливного орошения, архитектурные детали традиционного дома, орудия труда, процессы пахоты, молотьбы и т.д.). Кроме того многие географические, исторические и этнографические сведения о Вахане и ваханцах – о некоторых местных реалиях, о труде и быте носителей языка, об их обычаях, верованиях (включая описания правил труда и быта на летовке, местных орудий труда, некоторых приемов земледельческого и скотоводческого производства, особенностей приготовления некоторых традиционных блюд, способов выделки кож, ткачества и многое другое) – даются, как уже говорилось, в конкретных лексических статьях.

В "Предисловии" к словарю (с. 5–14) автор приводит сведения о Вахане и его населении, о ваханском языке и условиях его бытования (в частности, указано на все возрастающее влияние на ваханский со стороны таджикского языка, с. 8), далее кратко излагается история изучения языка, характеризуются материалы исследования (с. 11–12) и построение Словаря (с. 12–14). Здесь же автор оговаривает свои критерии отбора материала и составления словника для этимологического анализа в Словаре.

Далее следует "Очерк ваханской фонетики" (с. 15–57). Здесь по параграфам расписан современный звуковой и фонологический состав ваханского языка и исторические соответствия каждой из фонем и фонемных групп (описание снабжено схемами развития согласных – на с. 37–40, гласных – на с. 56–57). В дальнейшем в конкретных словарных статьях основного корпуса Словаря автору уже не приходится повторять правила фонетических соответствий или отклонения от них для каждого слова: он просто приводит номера параграфов, где эти правила и исключения сформулированы. Следует отметить, что такой прием действительно удобен для читателя, поскольку позволяет проконтролировать историко-фонетическую судьбу той или иной лексемы.

В этом же разделе определяется та древняя фонетическая модель, на которую ориентируется автор при реконструкции им древнеиранских прототипов ваханских слов: это некий праваханский (восточноиранский) диалект (с. 15, 17, 38–40 и 46 и сл.), уже несколько отличный от общеиранского (или праиранского) состояния.

Далее следуют списки сокращений: обширный библиографический список (с. 58–70), хотя и не исчерпывающий: часть работ просто упоминается в тексте, а часть (особенно статьи, включая собственные статьи автора) дается в виде отсылок к журналам, сборникам и т.д.; список языков и диалектов (с. 70–72) и прочие, включая список грамматических терминов (с. 72–73).

В конце Словаря (с. 457–460) помещен дополнительный лексический список, содержащий слова, зафиксированные различными авторами в разных местах расселения ваханцев и упоминаемые в научной литературе, но не нашедшие подтверждения в материалах правобережного Вахана, собранных самим И.М. Стеблин-Каменским. Такой список объективно полезен, поскольку позволяет более полно представить себе состав ваханской лексики, пусть даже в ее возможных (и не полностью достоверных) диалектных вариантах.

Заключает книгу, как уже говорилось, серия рисунков, схем и фотографий, поясняющих материал многих словарных статей.

Собственно Словарь (с. 74–456) построен по алфавитному принципу – в качестве заглавного слова выступает современное ваханское, сопровождаемое переводом и, при необходимости, грамматическими и семантическими толкованиями, включая этнографические и прочие объяснения. Далее в словарной статье дается этимология слова – с реконструкцией прототипа, отсылками к параграфам историко-фонетического описания и с обсуждением возможных вариантов (а также с комментариями по поводу этимологий, предлагавшихся предшественниками). Затем приводятся этимологически родственные слова других языков и – далее – семантически (но не обязательно этимологически) близкие слова языков данного ареала.

Например, в статье *yurm* 'рука (от плеча до локтя)' (с. 433) дается древнеиранский прототип **arma-* (с отсылкой к параграфам исторической фонетики), затем этимологические параллели из авестийского, древнеиндийского, осетинского и других языков; попутно указывается этимология сходного фонетически, но имеющего иное происхождение сарыкольского названия локтя; далее – названия верхней части руки в других языках, восходящее к древнеиранскому **bāzuka-*.

Статьи, посвященные местным реалиям, включая природные объекты, традиционный дом и его устройство и пр., имеют обычно более сложную композицию. Например, статья *γuv* 'закром' – яма для хранения семенного зерна (с. 189) содержит не только древнеиранский этимологический прототип **γaβa-* с отсылкой к параграфам историко-фонетического очерка, сравнительно-этимологический материал, семантико-сопоставительный материал и отсылки к более дальним производным от того же древнеиранского корня, но и описание того, где и каким образом делались и обустраивались эти сооружения, причем это описание предшествует собственно лингвистической части статьи.

В статьях, посвященных глаголам, в качестве заглавных выступают основы настоящего и прошедшего времени, а для глаголов, подверженных значительным звуковым чередованиям, приводятся также формы, значительно отличные в фонетическом плане от "чистых" основ – обычно это формы 3 л. ед. числа настояще-будущего времени, основа перфекта, плюсквамперфекта и инфинитив (см., например, с. 148, 221, 300–301 и др.).

Весь материал иранских языков и древних прототипов приводится в Международной иранистической транскрипции.

Такой подход обусловил "объемное" представление в Словаре истории ваханской лексики, исходящее не из абстрактных реконструированных лексем и схем, а из реалистического представления о происхождении современной лексической системы из разных источников: из трансформированных (в фонетическом и семантическом планах) древних лексем, из разновременных прямых адстратных заимствований, из субстрата (проявившегося не только в усвоении субстратных лексем, но и в построении новых слов из исконного материала, но по субстратным моделям) и, наконец, из неизвестного источника; отмечаются и слова с неясной этимологией. Такой реализм в подходе к истории лексики, свойственный и более ранним трудам И.М. Стеблин-Каменского (см., например, [Стеблин-Каменский 1982]) выгодно отличает этимологии этого автора от многих других – иногда заманчивых, но невероятных построений.

Вместе с тем, как во всяком большом труде, содержащем и обсуждающем в разных аспектах материал многих языков, и здесь можно отметить отдельные спорные моменты, а также неизбежные стилистические, терминологические и иные шероховатости, отдельные опечатки (хотя в принципе они почти отсутствуют) и прочие негативные мелочи, появление большей части которых, совершенно очевидно, обязано существенному сокращению текста в процессе редакционной подготовки рукописи.

Так, спорной представляется формулировка критерия, избранного автором для квалификации того или иного слова как собственно ваханского или как усвоенного из таджикского языка – в случаях совпадения результатов собственного развития лексемы из древнего иранского прототипа и адаптации к ваханскому языку заимствованного таджикского слова. Этот критерий определяется автором следующим образом: "... такие ваханские слова, как *sar* 'голова', *sang* 'камень', *rang* 'цвет', *ar* 'каждый', не могут считаться исконно ваханскими, так как против возможности непосредственного развития их из древнеиранского свидетельствует то, что все они встречаются и во многих других языках этого района (в том числе и в неиранских)" (с. 8). Представляется, что такое свидетельство скорее можно расценивать как косвенное, заставляющее историка языка "насторожиться", чем собственно лингвистическое свидетельство неисконности слова, поскольку в результате такого слишком строгого отсеивания "неисконной" лексики часть совпадающих собственно ваханских и таджикских слов может оказаться несправедливо отстраненной от исконно ваханского лексикона.

В конце "Предисловия" (на с. 14) автор указывает, что работа над Словарем была завершена в основном в 80-х годах, чем объясняется неполное привлечение более поздней литературы. По-видимому, этим обстоятельством можно объяснить повторенное на с. 55 традиционное, но уже опровергнутое в литературе положение о фонетике как движущей силе в трансформации более высоких уровней языка. Согласно этому положению закрепление места ударения на втором – третьем слоге от конца слова вызвало редукцию и выпадение заударных слогов (в основном, грамматических показателей), что значительно изменило структуру иранских языков от синтетического к аналитическому типу. Однако, как показали исследования, изменения в морфологической системе иранских языков начались на более высоких уровнях – семантическом, синтаксическом и морфологическом; фонетика (в виде заударности конечных слогов) лишь "вымывала" из системы те посткорневые элементы, которые становились в силу тех или иных причин "пустыми" или малоинформативными. Информативно весомые элементы при этом не исчезали.

Из конкретных замечаний и пожеланий к тексту Словаря можно отметить следующие.

В некоторых статьях явно пропущены объяснения, наличие которых сняло бы возникающие у читателя вопросы.

Например, отдельные этимологии, при всей их фонетической безупречности, вызывают вопросы к семантической стороне или к словообразовательной характеристике рассматриваемых лексем. Так, на с. 47 в качестве примера различного отражения в ваханском одной и той же древней основы приводятся слова *pud* 'след, подошва, ступня' < **paδa-* и *pad* 'голень' < **paδa-* (те же прототипы содержатся в основном корпусе Словаря на страницах соответственно 270 и 256), при вах. *pыd* 'нога' < **pāδa-* (с. 48, 283). Хотелось бы видеть хотя бы предварительное объяснение различия рефлексов **paδa-* в словах *pud* и *pad*, поскольку отражение здесь следов индоевропейского тона автором отрицается (и вполне справедливо). Является ли это различие следствием древней иранской (возможно, диалектной) акцентной оппозиции типа вед. *pád-* (м.р.) 'нога' (с кратким *a* в некоторых косвенных падежах) ~ *padá-* (ср.р.) 'шаг, след ноги'? Или оно связано с семантикой слов, например, с вторичным переосмыслением основы-прототипа вах. *pad* в какой-то период как лексемы женского рода и присоединением вторичного суф. **-ā*, впоследствии отпавшего, но давшего эффект *a*-умлаута (ср. приводимое автором соответствие в виде афганского *p(ə)lá*)? Или староваханский промежуточный прототип к *pud* употреблялся обычно с препозитивным определителем (и потому находился во второй части звукового комплекса, под ударением), а прототип слова *pad* выступал в качестве первого (и потому безударного в прошлом) компонента в составе композитов?

Некоторые сопоставления требуют историко-фонетического уточнения. Так, на с. 193 – в статье, посвященной суффиксу *-iǰ*, *-ič*, сходные суффиксы в языках шугнанорушанской группы трактуются как отражения древнего суффикса **-(a)čī-*, что справедливо лишь для суффикса жен. рода *-éз*: прототипом суффикса мужского рода в этой группе языков является др.-иран. **-(a)ka-*, при том, что в язгулямском языке суффикс инфинитива *-iǰ* действительно восходит к **-(a)čī-*. Об этом, в частности, говорится в работе [Соколова 1967: 28–29], на которую ссылается автор.

Сочетание в словарных статьях этимологического и сопоставительно-семантического принципов вполне уместно, однако в случае внешних сходств сравниваемых слов с ваханскими желательно наличие в статьях объяснений, по которому именно признаку (этимологическому или семантическому) включено данное слово, чтобы у читателя не возникало иллюзий относительно этимологического единства слов, которые подобраны в этой статье по семантическому сходству и не являются родственными. Например, в статье *vaγd* название мифического существа – 'нечистая сила', 'оборотень' (с. 378), при формах, возводимых к древнему **βaγda-*, в том же предложении приводятся язгулямские слова *vāǵ* 'боящийся, страшащийся (мифических существ)' и вторичное образование от него *vaǵáy* 'страх, ужас (перед мифическими существами)'. Следовало бы подчеркнуть, что данные язгулямские слова включены в статью не по этимологическому признаку, поскольку они являются производными от другого корня: язг. *vāǵ* родственно классическому персидскому *bāk* 'страх', русскому *бояться*.

По-видимому, текст Словаря подвергся редакционному сокращению, причем не всегда удачно. В частности, пострадал при этом отсылочный материал. Так, при обсуждении заимствований из персидского и таджикского языков встречаются пометы "тадж., перс." и "перс., тадж.", однако само слово приводится только в одной форме – либо персидской (обычно – в транскрипции классического персидского языка – с обозначением долгот гласных), либо таджикской. В результате действительная принадлежность каждого

такого слова персидскому или таджикскому языку понятна только иранисту, знающему эти языки и способному мысленно "перетранскрибировать" с классического персидского на таджикский и обратно. Ср., например, тадж., перс. *kār-yār* (с. 219, таджикская форма была бы с *o* на месте *ā*), перс., тадж. *kalon* (там же, в классическом персидском было бы *ā* на месте тадж. *o*); перс., тадж. *murabbo* (с. 235 с тадж. формой), перс., тадж. *oš* (с. 254, в кл. перс. было бы *āš*), перс., тадж. *dūš* (с. 296, при том, что в персидском языке *ū* отсутствует) и др.

Иногда такие сокращения нарушают систему отсылок (как например, на с. 18, где имеется отсылка к § 71, в котором речь должна была бы идти о реконструкции звукового состава древневосточноиранского консонантизма, а на деле трактуется система гласных современного ваханского языка) или искажают авторский текст (например, на с. 165 – в статье *δus* 'пчела', где в качестве "кафирских" языков перечислены языки кховар, калаша, шина, относящиеся к другой группе – дардской). К счастью, такие случаи единичны.

К отдельным статьям напрашиваются дополнения. Так, в статье *kuč-kuč* возглас, которым подзывают щенка, собаку (с. 212) наряду с названиями собаки в непали, ягнобском, осетинском, восходящими к **kuti*, стоило бы упомянуть этимологически близкие им слова в языках памирского ареала, например, в языках шугнано-рушанской группы (ср. шугн. *kud* 'пёс' < **kuta-*, *kid* 'сука' < **kuti-*, в язгулямском *k°od* 'собака' < **kuta-*). Можно было бы подчеркнуть, что слово имеет аналоги и в других индоевропейских языках, ср. русск. *кутя*, *кутенок* и др.

В статью вах. *pǯčodák* 'зрачок', букв. 'девочка' (с уменьш. суф. *-ək*) (с. 276) при сравнении с сарыкольским *γocak* 'зрачок' от *γoc* 'девочка', шугн. *cēm-γācak* 'зрачок' (букв. 'гла́за-девочка') от *γāc* 'девочка' и т.д. – можно было бы добавить язг. *čāmi γačág* 'зрачок', букв. 'гла́за девочка'.

К статье *čaṣ-: čaṣt* – 'убирать (сразу)', 'вынимать', 'вычерпывать' (с. 139) можно добавить язг. *čaχ-: čaχt* 'снести, унести (водой, например, мост); собрать что-л. с поверхности жидкости (например, сливки с молока)'.

К статье *dərzáq, darzák* 'трещина' (с. 156) можно добавить сар. *dorz* 'отверстие, щель, дыра'.

К статье *šəlkí* 'нож для нарезания лапши' (с. 336) к словам рушанского, хуфского языков (руш. *xancaláy*) можно добавить язг. *xancíl*.

Встречаются отдельные случаи (крайне немногочисленные!) опечаток, неточных диакритик. Например, на с. 144 дано заглавное слово вах. *dastmezá* 'рукавица' вм. *dastməzá* (ср. правильную форму *dastməzá*, приведенную двумя строчками выше); на с. 271 в статье *pup* 'дед' приводится при сравнении форма руш., хуф. *būb вм. bŭb* (ср. [Соколова 1959: 149]); на с. 283 в статье *рыдп, рыδп* 'седло' в отсылочном материале дано "Соколова. ЯА 233" вм. "Соколов. ЯА 233"; на с. 247 в статье *nədəfs-* ... 'прилипать' в качестве параллели приводится форма др.-инд. *dabn-* вм. *dabhno-* (если имеется в виду презентная основа) или *dabh-* (если имеется в виду корень), см. [Mayrhofer 1957: 17].

Однако таких случайных помех на редкость мало. В целом Словарь отличается тщательностью разработки словарных статей, аккуратностью в подборе фактов и в подаче материала (кстати, четко и адекватно воспроизведенного), с постоянной паспортизацией источников материала (не только чисто лингвистических) и этимологий.

"Этимологический словарь ваханского языка" – капитальный энциклопедический труд, занявший у автора не одно десятилетие большой кропотливой работы по сбору, этимологической обработке материала многих языков. Этот труд имеет, кроме лингвистической ценности для индоевропеистики, важное значение для изучения истории региона, материальной и духовной культуры населяющих его народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Соколова В.С. 1959 – Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.; Л. 1959.

Соколова В.С. 1967 – Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.

Стеблин-Каменский И.М. 1982 – Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.

Топоров В.Н. 1965 – Несколько замечаний к фонологической характеристике Центрально-Азиатского языкового союза (ЦАЯС) // Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1965.

Эдельман Д.И. 1980 – К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // ВЯ. 1980. № 5.

Mayrhofer M. 1957 – Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 9. Heidelberg. 1957.

Д.И. Эдельман

***Л.П. Крысин.* Толковый словарь иноязычных слов.** Около 25 000 слов и словосочетаний. Изд. 2-е, доп. М.: Русский язык, 2000. 856 с.

Лексикографическая семья пополнилась новым словарем – новым как по дате выхода, так и по принципам подачи материала. Каждый словарь так или иначе вписывается в предшествующую традицию в своей области. "Толковый словарь иноязычных слов" Л.П. Крысина является интересным опытом, появившимся на пересечении трех "парадигм" (в терминологии Т. Куна [Кун 1977]): а) "парадигмы" средневековых глоссариев, приточников и азбуковников (прообразов словарей иностранных слов); б) личной "парадигмы" автора; в) "парадигмы" интегрального лексикографического описания языка (в духе Ю.Д. Апресяна и Ю.Н. Караулова). Опыт оказался удачным: и у рецензируемого словаря, и у тех словарей, которые – несомненно – выйдут за ним вслед по проложенным следам, впереди хорошее будущее. Очевидно, заявленные три "парадигмы" требуют некоторой расшифровки.

Первая "парадигма" связана с историей создания словарей иностранных слов в отечественной науке. Остановимся вкратце на основных, узловых моментах, предваряющих появление данного Словаря, чтобы еще отчетливее оттенить, подчеркнуть то новое, что внес Л.П. Крысин в современное лексикографирование иностранных слов – поистине "большое видится на расстоянии" (С. Есенин). Действительно, история словарей иноязычных слов в русском языке насчитывает много столетий: в древности элементы будущих толковых словарей-справочников были вкраплены в тексты в виде глосс. Древнейшим глоссарием является "Речь жидовьскаго языка преложена на рускую неразумно на разум, и в евангелих, и в апостолах, и в псалтыри, и в паремие, и в прочих книгах", помещенная в качестве приложения к Новгородской Кормчей 1282 г. Этот глоссарий содержит небольшой свод (174 слова) имен библейских персонажей, наименований библейских мест (имена собственные составляют 115 толкуемых лексем), и небольшое количество имен нарицательных: еврейских, греческих, латинских, арабских, эфиопских – всего 59 слов. Первые же более или менее систематизированные и направленные на толкование в первую очередь апеллативной лексики перечни глосс относятся к XIII веку. Глоссарии и были прообразами современных словарей иностранных слов.

Лексикография должна была пройти долгий путь развития, прежде чем первый – в современном смысле термина (то есть не основанный на толковании слов только о д н о г о текста или т и п а текста – богослужебного, богословского) – словарь иностранных слов, содержащий 503 слова, появился в XVIII веке по поручению Петра Первого – рукописный "Лексикон вокабулам новым по алфавиту" (он был опубликован только спустя два столетия [Смирнов 1910; Обнорский, Бархударов 1948]).

Первый печатный словарь создан лишь в середине 60-х годов – "Словарь разноязычный, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке и некоторых славянских слов" Н.И. Курганова (издан в качестве приложения в [Российская универсальная грамматика 1789]). Наконец, следует упомянуть "Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту..." (1803–1806 гг.; Ч. 1–3) Н.М. Яновского (данный словарь примечателен тем, что содержит более 10 000 слов и по принципам толкования может быть назван словарем энциклопедическо-филологического типа [Цейтлин 1958; Василевская 1967; 1969; Войнова 1980; История 1998: 74 (данный раздел написан Л.С. Ковтун)]; полемику М.Ш. Файнштейна по некоторым вопросам с указанными авторами см. в [История 1998: 131–137]), а также "Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)" (Т. 1–3. СПб., 1863–1864) В.Р. Зотова и Ф.Г. Толля. (Упоминание двух последних словарей неслучайно, их связь со Словарем Л.П. Крысина мы еще прокомментируем.) Итак, от средневековых глоссариев (через более поздние азбуковники, приточники) – через лексикографию XVIII и XIX веков – к современности: таковы опорные точки первой "парадигмы".

Вторая "парадигма" отсылает нас к научной стезе Л.П. Крысина. Данный Словарь – логическое и закономерное продолжение наблюдений над иностранными словами, которые по предложению В.В. Виноградова в 60-е годы начал ученый в своей кандидатской диссертации, опубликованной позднее в виде отдельной книги "Иноязычные слова в современном русском языке" (М., 1968), – обратите внимание на перекличку названий книги и Словаря: в обоих трудах исходным является прилагательное "иноязычный", а не "иностранный" (обоснование данной позиции автора читатель найдет как в упомянутой

книге, так и в Словаре). Принципы, заложенные в этой книге, давно уже ставшей настольной для специалистов-лексикологов, развиваются и реализуются в вышедшем Словаре. Проверка высказанных ранее теоретических положений на практике, длившейся почти 30 лет, до выхода данного Словаря, – доказательство тщательной и неспешной работы ученого, которого не устраивают скоропалительные решения и наспех, на потребу моде и рынку сделанные "словари" (а таких в наши дни предостаточно). Таким образом, ранняя книга Л.П. Крысина и вышедший сейчас Словарь представляют два опорных пункта личной "парадигмы" лингвиста.

Третья "парадигма" связана с влиянием идей Ю.Д. Апресяна и Ю.Н. Караулова на современную лексикографическую мысль. С именем первого лингвиста в отечественной лексикографии начался период интегрального подхода к слову [Апресян 1986]. С именем второго ученого в русской лексикографии сформировалось представление о словарной статье как о варьируемом наборе лексикографических параметров, изменяющих от словаря к словарю в зависимости от его целей, функций, потребителя и т.д. [Караулов 1981]. Несомненно, теоретические идеи Апресяна и Караулова и их практическое (словарное) воплощение являются продолжением и развитием мыслей, высказанных в свое время Л.В. Щербой при создании им общей типологии словарей. Щерба представил систему словарей в следующих оппозициях (противоположениях): словарь академического типа – словарь-справочник; энциклопедический словарь – общий словарь; thesaurus – обычный словарь (толковый, переводной); обычный словарь – идеологический (= идеографический) словарь; толковый словарь – переводной словарь; неисторический словарь – исторический словарь [Щерба 1958]. Эти "чистые" оппозиции на практике в словарном деле чаще всего переплетены, отражая сложность и противоречивость самого объекта описания. Л.П. Крысин творчески использовал накопленные лексикографические достижения Щербы, Апресяна и Караулова, сформировав теоретическую и практическую позицию своего словаря (некоторые положения были сформулированы в [Крысин 1997]). Такое "парадигматическое" представление данного Словаря помогает обратиться к истокам, увидеть современную проблематику и спрогнозировать развитие словарей такого типа в будущем.

Перечислять положительные стороны Словаря можно долго, подробно останавливаясь на каждом моменте: это и большой объем словника, и тщательно продуманный этимологический аппарат (приводится не только первичный этимон языка-источника, но и ближайшие языки, из которых слово могло быть заимствовано в русский язык; это чрезвычайно полезная и интересная информация, имеющая как научную, так и познавательную ценность, наконец, это "просто" доставляет удовольствие в процессе чтения – немаловажное и редкое качество научного труда), и фиксация произносительных норм, и грамматическая характеристика слова, и его стилистическая маркировка, и энциклопедическая информация о реалии-денотате (см., например, *марафонский, котурны, планета, идеографический* и др.). Чрезвычайно важными, интересными и полезными являются системно-языковые и понятийные связи лексем: приводятся аналогические соответствия понятийного плана (*коммуна, класс, дегенерация, палимпсест, октава, октет, троллейбус, дельта, тромбон, мегантроп* и др.), представлена довольно обильно фразеология и фразеологизированные комплексы (*компания, коммунизм, пресс, фронт, карта, монастырь, монета* и др.), неотъемлемой характеристикой языковой жизни слова являются его сочетаемостные характеристики (*камера, классический, стиль, экономия, политика, макияж* и др.), словообразовательные связи слова показывают его укорененность и освоенность в языке (*генерал, картофель, майор, мазохизм, актер* и др.).

Зона аналогов слова (смысловые "притяжения" и "отталкивания") позволяет заключить, что перед нами элементы идеографического (тематического, понятийного) справочника, и – как показывает данный Словарь – это обстоятельство пошло на несомненную пользу филологическому словарю. Зона собственно языковых параметров слова (произношение, грамматика, стилистика, толкование) свидетельствует, что это словарь ф и л о л о г и ч е с к и й по своим критериям и подходам к лексической единице. Именно сочетание филологического словаря с энциклопедическим (и отчасти идеографическим) делает Словарь Л.П. Крысина новаторским в современной отечественной лексикографии и служит, с одной стороны, продолжателем традиции и, с другой, – зачинателем нового поколения словарей иноязычных слов. Словарь Яновского уже на рубеже XVIII–XIX веков давал орфографические и фонетические варианты иноязычных слов, указывал сферы их использования, толковал лексемы через русские синонимы или предлагал описательное (дескриптивное) объяснение реалии; Словарь Зотова – Толля (в обиходе – Словарь

Толля) представлял как прямые заимствования (в этом не было ничего нового), так и давал лексические кальки (ср., например, включение "политических" терминов *правый, левый* – калькированных из французского *droit, gauche*).

Таким образом, Словарь Л.П. Крысина вписан в существующую "парадигму" словарей иноязычной лексики, усовершенствовав процедуру подачи слов, справочник тем самым задает образец, модель для других. Вместе с тем, "парадигматический" взгляд позволяет прочертить некоторые перспективы работы в данном типе словарей, а именно: привлечение не только заимствованных слов, но и калькированных лексем, актуальных для современников (как, например, в Словаре Толля). Разумеется, это не легкая работа, связанная с выявлением в русском языке таких слов, однако не безнадежная, если а) принять ориентацию словаря на литературный язык, б) использовать уже накопленные значительные наблюдения русистов над калькированными словами (типа *подразделение* < франц. *subdivision; небоскреб* < англ. *sky-skraper; пользователь* < англ. *user* и т.д.).

Если эта работа не под силу одному человеку, то вполне по плечу коллективу лексикографов и лексикологов при современной оснащенности труда филологов компьютерной техникой и программным обеспечением. Кажется также, что тогда сам термин "иноязычный" можно понимать так: слово, пришедшее из иных (других) языков в прямом или переведенном (калькированном) виде; Л.П. Крысин понимает под иноязычными "слова, заимствованные из западноевропейских языков... и языков народов бывшего СССР и многонациональной России: (с. 5). Однако содержательные отличия термина "иностранный" и "иноязычный" при таком подходе все-таки не вполне "лингвистичны", а мотивированы культурно-исторически (экстралингвистически). Не "вернуться" ли нам (на новом витке развития теории и практики лексикографии) к тому пониманию иноязычного слова, которое было свойственно для отечественного языкознания середины XIX века?..

Филологические преимущества словаря Л.П. Крысина перед словарями иностранных слов, в подавляющем числе случаев следующими традициями энциклопедической подачи слова, очевидны. Узловые пункты построения словарной статьи Л.П. Крысиным предложены убедительные и перспективные. Далее мы коснемся только тех проблем филологического представления иноязычного слова, которые – как кажется – ставит Словарь перед последующими справочниками или переизданиями.

Один из коренных вопросов каждого словаря – объем словника, это традиционно критикуемая часть любого словаря. Словарь Л.П. Крысина предлагает читателю внушительное количество толкуемых фактов – около 25 000 лексем и словосочетаний. Автор обосновывает правомерность или неправомерность, с его точки зрения, включения слова (словосочетания) в свой словарь (с. 6–7), избегая слишком поспешной фиксации и предпочитая "выждать" некоторое время, в течение которого лексема должна еще "зарекомендовать" себя не просто как частотная словоформа, проникшая в русский язык, но адаптированная в нем и приобретшая права лексического (а следовательно, и лексикографического) "гражданства".

Однако динамика современной лексической системы такова, что "выжидание" может оказаться весьма коротким периодом времени. Например, в первом издании Словаря (в 1998 г.) не было слов *интернет, секонд-хэнд, паркинг, сайт, номинант* и др., очевидно, не включенных автором по причине новизны и неопределенной судьбы в языке. Во втором издании они включены в Словарь (пусть не на своем алфавитном месте, а в составе Дополнения – очевидно, по технически-полиграфическим причинам), что свидетельствует, во-первых, о внимании автора к изменяющейся языковой действительности, во-вторых, о постоянном и очень быстром пополнении русского лексикона новейшими заимствованиями и их быстрой адаптацией (словообразование, сочетаемость) в языке (преимущественно в средствах массовой информации – употреблю все-таки пусть и неуклюжее, но традиционное словосочетание-термин вместо масс-медиа). Вот почему невключение в Словарь таких лексем, как *чат* (англ. *chat* "болтать; болтовня"), *сноуборд, траст, трастовый, велоэргометр, алкометр, степпер, фэнтази = фэнтези = фэнтэзи, кросс-опрос, контекстология, рэмбо, мачо, чикано, бизнесвумен = бизнес-вумен, бизнес-леди, махалля, конфу = кунфу, инти* "основная денежная единица Перу", *караоке* и др. едва ли выглядит оправданным. Очевидно, что сфера компьютеров, спорта, бытовых приборов, автомобильного дела, социологии, политологии и других областей лексики оказывается наиболее беззащитной для проникновения заимствований, поскольку слабо или совсем не обеспечена своим, "отечественным" лексическим материалом.

Основной текст Словаря отражает кодифицированный литературный язык и выдержан в нормативном духе и стиле – там мало жаргонных образований. Во втором издании Словаря симпатии автора стали все больше склоняться в сторону филологизма (то есть показу реальной жизни термина), что привело к включению жаргонных лексем: *гешефт, грин, гэг, хипповый, хипповать, ламер* (тогда почему нет слова *юзер* < англ. *user* с тем же значением и не менее – если не более! – широким хождением); также оказались включенными окказионализмы или слова, еще не ставшие или имеющие мало шансов стать фактом русского языка; *бардотизм* (<Брижит Бардо), *бебиситтер*. Включение их в словник Словаря продиктовано, как нам кажется, личной позицией Л.П. Крысина (эти лексемы явно не частотны), однако это право составителя. Здесь же мы хотим подчеркнуть то обстоятельство, что формирование словника – дело трудное и зачастую субъективное, потому что – ориентируясь на вышеприведенные жаргонные лексемы – также обоснованно можно спросить и себя, и автора: чем "хуже" слова типа *гёрл, стрит, кранты, ксива, шмон, смак* (идиш. *schmack* < *нем. schmecken* "пробовать на вкус"), *жлоб* (идиш. *zhlub* "тупица, хам") и др. и почему они "недостойны" словарной фиксации, в жаргонах освоенные задолго до *гринов* и *гэгов*? кроме того, автор включил слово *уик-энд* (кстати, данному без всяких ограничительных помет: так ли?), но не дал такие частотные в современном русском речевом обиходе междометия, которые явно пришлись по вкусу, – *вау* (англ. *wow* – первоначально: возглас восхищения в театре), *опс*= *упс* (англ. *oops* = *hoop* = *whoop*), *бла-бла-бла* (англ. *bla-bla-bla*), *шит* (англ. *shit* "дерьмо") – кажется, что данные междометия прочно и надолго "обосновались" в русском языке.

Жаргонная лексика в наше время имеет очень высокую степень распространения, благодаря чему границы между типами жаргонов часто стерты или размыты (так называемый *интержаргон*, или *общий жаргон*). К сожалению, у Л.П. Крысина нет пояснения собственно стилистических помет, однако кажется, что стилистическая помета "жарг." у него чаще всего ассоциируется с профессиональным сленгом (жаргоном). Как же быть с другими жаргонами – уголовным, студенческим, музыкальным, наркоманов и проч.?.. Разумеется, нельзя превращать словарь иноязычных слов, в словарь жаргонной лексики, но где границы привлечения жаргонного материала? Тут еще много невыясненного и неопределенного. Очевидно, это – "подводные камни" словаря иноязычных слов, выполненного с филологических позиций, или – если угодно – неизбежная "плата" за филологизм: живой язык прорывает плотины и преграды энциклопедизма, просачиваясь в Словарь через щели словообразования, сочетаемости, фразеологии. Удержать этот языковой поток (живой, как жизнь – Н.В. Гоголь; эти слова в качестве эпиграфа к своей книге использовал К. Чуковский) и теоретически трудно, а практически вообще вряд ли возможно.

Поскольку мы имеем дело с языковым материалом, а не просто энциклопедическими понятиями, то встает вопрос о вариативности слов и степени ее отражения в Словаре. Только один пример в качестве образца. Л.П. Крысин дает слово *плеер* [лэ] без графических вариантов, посчитав, видимо, эту графическую форму установившейся и нормативной в русском языке. Однако другие лексикографические источники (не менее авторитетные в современной лексикографии [ТСРЯ; БТС]) показывают неустоявшуюся графическую форму: *плейер, плеер, плэйер*, то есть дают динамическую орфографическую картину данной лексемы. Можно ли с уверенностью сказать, что в русском языке останется только графическая форма, предложенная Л.П. Крысиным, а все другие отомрут? Современный лексический материал такой определенности – по нашим наблюдениям – не дает. В то же время Л.П. Крысин приводит такие редкие (на наш взгляд) варианты, как *нюдизм, нюдист* (ТСРЯ, БТС, "Современный словарь иностранных слов" их не дают). Очевидно, со стороны автора требуются дополнительные обоснования правомерности и законности выбора того или иного графического варианта. К сожалению, Л.П. Крысин не упомянул в достаточно внушительном "Списке основных источников" двух словарей, изданных в Санкт-Петербурге и уникальных каждый по-своему: ТСРЯ представляет динамическое состояние русского языка на исходе XX века, БТС является самым полным на сегодняшний день однотомным толковым словарем русской лексики (около 130 000 слов).

Толковые словари стремятся к унификации подачи материала. Словарь Л.П. Крысина унифицирован в достаточно высокой степени, но встречается и непоследовательность. Например, при толковании и языковой жизни экономического понятия лучше следовать единообразному способу подачи: в Словаре даны производные слова таким образом – *холдинг* (толкуется) < *холдинговый, франчайзинг* (толкуется) < *франчайзинговый*,

однако нет слова *фьючерс*, хотя есть *фьючерсный*; нет слова *венчур*, хотя есть *венчурный*. При толковании политических или религиозных учений, течений также существует традиция подачи материала – через обозначение религии, веры к ее последователям. Такой путь кажется логически и лингвистически обоснованным: в Словаре даны – *буддизм* (толкование) и его производные: *буддист, буддистский; индуизм* (толкование) и его производные – *индуист, индуистский* и др. Однако эта логика нарушается, когда мы встречаемся с термином *кришнаит*: мы видим *Кришна* (через объяснение), *кришнаит*, но не найдем *кришнаизм*, *кришнаитский*, хотя оба слова в русском языке употребляются на тех же правах, что и *буддист, буддистский, индуист, индуистский*. Конечно, следовало бы дать толкование термина *кришнаизм* и от него – производные *кришнаит, кришнаитский*, чтобы не нарушать унифицированность подачи и в каком-то смысле не вводить читателя в заблуждение (он может подумать, что в русском языке слов *кришнаизм, кришнаитский* нет).

Не всегда выдержано также словообразовательное гнездо слов: есть *кроссворд*, но нет *кроссвордист* (популярное в современном языке), есть *кроманьонец*, но нет *кроманьонский*, есть *критик*, но нет *критикессы* (хотя есть *поэт – поэтесса*), есть *регент*, но нет *регентский*, есть *планктон*, но нет *планктонный*, есть *озон* и *озоновый*, но нет *озонный*, есть *оккульт* и *оккультист*, но нет *оккультистка* и т.д. Критерий "филологизма" в словообразовании и гнездах иностранных слов следовало бы разработать более тщательно: где границы гнезда, что попадает в гнездо, а что нет, каковы параметры словообразовательного гнезда и другие теоретические вопросы. Так, есть *фалда* и его производное *фалдить* (явно не частотное в русском языке); может быть, вместо таких слов-признаков лучше было бы дать дополнительные лексемы, например, на уровне так называемых "повторяющихся" формантов (есть *нейрохирург*, но нет *микрохирурга*), или регулярных словообразовательных усечений (типа приведенного в Словаре слова *фанат*, но не менее употребительного, но отсутствующего *фан*).

Одним из трудных вопросов грамматической характеристики несклоняемых имен нарицательных (а таких довольно много в иноязычном словаре) является родовая принадлежность. Теоретически здесь как будто нет больших проблем – в академических грамматиках и справочных пособиях по русскому языку указано, что род такого типа слов определяется в соответствии с категорией "одушевленное – неодушевленное" (ценность данного справочника в том, что Л.П. Крысин дает такое указание при одушевленных существительных). Однако речевая практика постоянно нарушает эти академические заповеди. Словари отражают большое количество неизменяемых слов, не определившихся в грамматической категории рода. Для примера приведем только несколько лексем, грамматическая квалификация которых трактуется по-разному Л.П. Крысиным и словарями неологизмов [Словарь новых слов 1995; Новые слова и значения 1997]; вначале дается лексема, в скобках – грамматическая квалификация Л.П. Крысина, через тире – грамматическая квалификация слова в словарях неологизмов: *профи* (м. и ж. – м.), *масс-медиа* (мн. – ж.), *кенгуру* (м. и ж. – м.), *крузадо* (с. – м.), *татами* (с. – м. и ср.), *триеннале* (с. – с. и ж.) и др. Очевидно, разнобой в подаче несклоняемых имен нарицательных в разных словарях сохранится и в будущем, ибо составители часто опираются на разные принципы определения рода (отнесение слова к той или иной морфологической категории, влияние смысловых связей с другими соотносительными словами, однако чаще всего эти принципы полуинтуитивные). Закономерность, однако, в русском языке все-таки существует: дистрибуция мужского и женского рода расширяется, среднего – сужается [Мякиля 2000: 103].

Л.П. Крысин создал интересный, полезный, во многом новаторский филолого-энциклопедический справочник. Можно смело сказать, что для толковой лексикографии это новый тип словаря иностранных (иноязычных) слов – словари XIX века (например, Яновского и Толля) стоят еще слишком далеко от качественной словарной разработки материала. На перекрестье филологизма и энциклопедизма (неслучайно Щерба обозначил это сущностное для лексикографии противоположение в своей классификации) есть неясные, спорные, дискуссионные вопросы, часть из которых мы постарались затронуть в настоящей рецензии. Однако несомненно одно: Словарь Л.П. Крысина займет достойное место на полке как филолога-специалиста, так и каждого человека, для которого обращение к словарю является проявлением уважения и любви к Слову. На моей книжной полке этот справочник сразу же встал рядом со Словарем Ожегова – надо ли аргументировать причины такого "неслучайного соседства?"

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1986 – Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986. № 2.

БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Василевская И.А. 1967 – К методологии изучения заимствований (Русская лексикографическая практика XVIII века) // ИАН ОЛЯ. 1967. № 2.

Василевская И.А. 1969 – Отражение новых иноязычных заимствований в русской лексикографическом практике XVIII века: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1969.

Войнова Л.А. 1980 – "Новый словотолкователь" Н. Яновского и его источники // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.

История 1998 – История русской лексикографии. СПб., 1998.

Караулов Ю.Н. 1981 – Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Крысин Л.П. 1997 – Лексикографическое представление иноязычного слова: типы грамматической информации // Проблемы лексикографии. СПб., 1997.

Кун Т. 1977 – Структура научных революций. М., 1977.

Мякиля Кари 2000 – К проблеме рода несклоняемых заимствованных имен нарицательных в современном русском языке // Scando-Slavica. T. 46. Copenhagen. 2000.

Новые слова и значения 1997 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов // Под ред. Левашова Е.А. СПб., 1997.

Обнорский С.П., Бархударов С.Г. – Хрестоматия по истории русского языка. М., 1948. Ч. II. Вып. 2.

Российская универсальная грамматика 1769 – Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие. СПб, 1769.

Словарь новых слов 1995 – Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Котеловой Н.З. СПб., 1995.

Смирнов Н.А. 1910 – Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Первого // Сборник ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. № 2. Приложение 1.

ТСРЯ 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения // Под ред. Скляревской Г.Н. СПб., 1998.

Цейтлин Р.М. 1958 – Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

Щерба Л.В. 1958 – Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. [Л], 1958.

А.В. Зеленин

***W. Müller.* Das Gegenwort-Wörterbuch. Ein Kontrastwörterbuch mit Gebrauchshinweisen.** Berlin; New York; W. de Gruyter. 2000. 580 S.

В 2000 году вышло стереотипное переиздание Немецкого антонимического словаря Вольфганга Мюллера в мягкой обложке, стоящее в четыре раза меньше первого издания 1998 г., что важно для пользователей.

Противопоставленность семантики – один из методов ее презентации, прием, широко используемый в словарях и учебной практике. Антонимы свойственны далеко не каждому слову: глаз, язык, зуб, шар, желтый, воробей, считать, яблоко, дверь, компьютер и т.д. и т.п. не имеют антонимов. Другое дело, когда в речи может встретиться неожиданная противоположность: Она съела пирожок с капустой, а я с удовольствием. Важны антонимы регулярные, системные, Они-то и даны в словаре Мюллера.

Испытывающий "муки слова" пишущий человек, преподаватель-филолог, стремящийся уточнить семантические отношения, иностранец, овладевающий спецификой чужого языка, любой небезразличный к языку – все найдут в книге В. Мюллера очень много полезного и нужного. Для связанных с немецким языком русских, этот, у нас, к сожалению, еще пока малоизвестный справочник доставит большую радость открытий и увлекательного погружения в тайны языка. Перед нами вне всякого сомнения произведение лексикографии, отмеченное высокой степенью самобытности, по-новому поставившее традиционную проблему и вооружившее большую армию читателей богатым свежим материалом. Новизна антонимических фактов этого словаря позволяет обновить и углубить теорию парадигматических отношений в лексике. Его теоретическое значение для лингвистики трудно переоценить, оно имплицитно заложено в предлагаемом фонде и его потенциальной интерпретации.

Привлекательна и интересна библиография по антонимии, хотя некоторые русские работы можно было бы к ней добавить.

Обратимся к материалу словаря. Что такое alt? Alt/frisch (Butter, Brötchen, Handtücher), alt/jung (Mann, Wein), alt/neu (Anzug, Nachricht, Haus, Staatsgrenzen, Kartoffeln, Arbeitskollegen, Zeitung, Freundin); die alten Bundesländer, das Alte Testament, die Alte Welt. Кратко, но информативно. В. Мюллеру удается схватывать

самое важное в семантике антонимов. Осуществленное включение в словник антонимических биномов в обратном порядке практически необходимо. Привлечение неологизмов очень важно.

В отличие от других антонимических словарей, В. Мюллер отходит от холистической подачи полисемии: natürlich/grammatisch (das Geschlecht), natürlich/künstlich (Hafen, See, Blumen, Licht, Sprachen), natürlich/übernatürlich (die Heilung bewirken), natürlich/unnatürlich/gewaltsam (Tod), natürlich/widernatürlich (Geschlechtsempfinden) – разные семемы natürlich выделены в отдельные словарные статьи. Это наглядно, удобно, хотя несколько нарушает целостность слова.

Словарь представляет антонимичные пары с кратким комментарием. Это комментарии разного свойства.

1. В одних случаях это названная в скобках отрасль знания, к которой относятся приведенные понятия: monoklin/diklin (*Botanik*) gerader Rücken/gebrochener Rücken (*Buchbinderei*), relative/absolute Adresse (*EDV*),

2. В других случаях это – толкование семантики: Repräsentantenhaus/Senat (*Abgeordnetenkammer, USA*); Finissage (*Veranstaltung, mit der eine Kunstausstellung beendet wird*); Fixstern (*selbstleuchtender Himmelskörper*);

3. В третьих случаях комментарий составляет словоупотребление: religiös/irreligiös (*sie sind religiös*), morgendlich/abendlich (*der morgendliche Himmel*); morgen/gestern/heute (*das Wetter von morgen; das Konzert findet morgen statt; er wird morgen (erst) abreisen*), Genosse/Genossin (*liebe Genossen und Genossinnen*), geöffnet/geschlossen иллюстрируются примерами: *die Tür, das Geschäft ist geöffnet*, а geöffnet//ungeöffnet – *ein geöffneter Brief; das Kuvert war (schon) geöffnet*; Großvater/Enkel (*der Großvater liest seinem Enkel aus dem Märchenbuch vor*); Gruppenreise/Einzelreise (*Preise für Gruppenreisen*), Schatten/Sonne (*sie legte sich in den Schatten*). Приемлемость примера для антонима решается читателем.

Предлагаемое довольно часто толкование семантики только одного из приводимых двух слов иногда ощущается как недостаточное. Так Homonym объяснен, Heteronym – нет, в то время как его значение из контекста не вытекает: Zusammensetzung/Ableitung (*das Wort "Fensterscheibe" ist eine Zusammensetzung*) – значение "деривация" из подобного объяснения вывести нельзя; задаваемая словарем задачка становится трудной: Sauer/Süß (*bezahlte, aber noch nicht geleistete Arbeit* – Jargon). Иногда все же уточняется, к которому из двух антонимов относится толкование: Rappe/Schimmel (*Rappe ist ein schwarzes Pferd*), только это делается не всегда.

Половинное толкование (т.е. только одной части антонимической пары) не всегда подходит ко второму антониму: Rezitativ/Arie (von einem Instrument begleiteter Sprechgesang, zum Beispiel in der Oper) – почему, спрашивается, только одним инструментом, и ария – не Sprachgesang, а где специфика речитатива? Rhema/Thema объяснены нечетко. Уход от толкования семантики антонима не всегда оправдан: Briefkurs/Geldkurs (Börse), Cyber money, особенно потому, что второго нет в 10-томном Дудене 1999 г. Принятый в словаре порядок объяснения только одного (обычно первого) из двух приведенных антонимов типичен и не встречает поддержки: Brachland/Ackerland (unbestelltes Ackerland), Ricke/Rehbock (weibliches Reh), Rogen/Milch (Eier des weiblichen Fisches), Sattelpferd/Handpferd (das Pferd, das im Gespann links – vom Bock aus gesehen – geht) требует догадки. Для отдельных случаев, когда имеются в виду не очень известные слова, например, Sephardi (71 с.), eusebisch (71 с.), Zeitwert (380 с.) эта нечеткость особенно досадна.

Когда слово многозначно, не всегда мотивирован выбор семем для приведения антонимов: нет sitzen/aus dem Gefängnis herauskommen, Ladenhüter/Ware mit gutem Absatz; Pedal связывается у всех прежде всего с велосипедом, а не с игрой на органе, поэтому Pedal/Manual (Orgel) едва ли нужны.

Разнохарактерность комментариев (то это отраслевая отнесенность, то толкование значения, то примеры словоупотребления, то предупреждения об ограничении употребительности, например veraltet) распыляет внимание пользователя словаря, предоставляя ему возможность додумывать характеристику приводимых слов.

Сомнительна целесообразность привлечения в словарь имен собственных в их прямом первоначальном значении, особенно литературных героев: Hänsel/Gretel, Max/Moritz, Hase/Igel (Grimms Märchen), Амур/Психея, Нарцисс/Гольдмунд (из романа Г. Гессе), Самсон и Далила, Ромео и Джульетта (последние символизируют скорее гармонию, чем полярность). Если еще Адам и Ева подчеркивают мужское и женское начало или такие имена, как Saulus/Paulus (Gegner, Befürworter einer Ansicht), Sancho Pansa/Don Quichotte, Pat/Patachon как-то еще противопоставлены, то Sarah/Abraham, Perikles/Aspasia, Orest/Pilades, Osiris/Isis, Remus/Romulus, Desdemona/Othello, Cäsar/Kleopatra и т.п. далеки от прямой контрастности. Engels/Marx – антонимы? (164 с.). Это уже отдает анекдотом.

В интересах сохранения понятийной противопоставленности словарь в некоторых случаях отходит от структурного параллелизма:

modebewußt/ein Modemuffel sein; ohnmächtig werden/zu sich kommen; sich zusammennehmen/sich gehenlassen. Ср. в русском асимметричные антонимические структуры: "пан или пропал"; "сами с усами". При расширенном понимании антонимии это представляется оправданным.

Отнесенность номинаций к антонимам отнюдь небесспорна для некоторых пар словаря: Genußmittel/Nahrungsmittel (zum Beispiel Kaffee, Tabak) понятийно разнообъемны; Tee/Kaffee, Kaffee komplett/pur, bar/mit Scheck, barfuß/mit Schuhen, telefonieren/faxen, LP/die Single, Rot/Grün (der Verkehrsampel), Rotwein/Weißwein и т.д. противостоят в регулярном употреблении, но в более строгом понимании они не антонимы. Несловарность квазиантонимии нельзя просто отбрасывать, она нуждается в рассмотрении, и помещение ее в словарь, по крайней мере, пока до уточнения ее сути в лингвистической теории оправдано.

Большой интерес в обсуждаемой книге Мюллера представляет словарь словообразовательных и грамматических средств образования антонимов, составивший целых 25 страниц. В него включены, между прочим, и антонимичные аффиксы с разными корневыми морфемами: abstoßen/anziehen, aufbehalten/absetzen, aufwachen/einschlafen, auflassen/zumachen, aufziehen/zuschieben (das Schubfach), ausziehen/anbehalten, ausstoßen/einziehen (Atem), auseinandernehmen/zusammensetzen, bejahen/verneinen, sich befreunden/sich verfeinden, entlassen/einstellen, erlauben/verbieten, – er/Ge...-er (Schlager/Geschlagener, Befreier/Befreiter).

В сводном словаре словообразовательных и грамматических средств формирования антонимов, помимо аффиксов, приведены следующие грамматические структуры: Partizip II + bekommen (geliefert bekommen/liefern), Partizip II/Partizip I (eingeladen/einladend), Partizip I/Partizip II (liebend/geliebt, definierend/definiert), Partizip I zu ... (ausbildend/auszubildend), Partizip I/Partizip II (Schlagender/Geschlagener, Jagender/Gejagter), Passiv/Aktiv (verführt werden/verführen, eingeladen werden/einladen).

Такой исчерпывающий комплексный подход к строевым особенностям антонимов едва ли можно еще встретить в германистике.

Ценно, что словарь учитывает множественность антонимичных соответствий одному продуктивному для образования контрастных слова аффиксу: haar**los**/**be**haart, stimm**los**/stimm**haft**, merkmal**los**/merkmal**haltig**, bart**los**/bär**tig**, kinder**los**/**mit** Kindern, erfolg**los**/erfolg**reich**. rücksichts**los**/rücksichts**voll**.

Было бы весьма желательно найти форму предостерегающего комментария для аффиксов, специализирующихся на образовании антонимов, однако, иногда отклоняющихся от этой своей основной функции: Missernte – плохой урожай, а не его отсутствие, Unmenschen – мерзкие люди, "нелюди", "звери". Вместо отрицания выражена пейоративность, некачественность.

Словарь не ставит своей целью приводить фразеологические антонимы: sich ins Zeug legen (sich anstrengen) – eine ruhige Kugel schiben (sich nicht anstrengen), alter Hase (erfahren) – junger Dachs (unerfahren), Großes Tier – kleiner Mann, jm unter die Arme greifen – jn im Stich lassen и т.п. противоположные своим целым составом или его частью: der Himmel/die Hölle auf Erden, auf der Bildfläche erscheinen – von der Bildfläche verschwinden, mit dem Strom/gegen den Strom schwimmen.

Не затрагиваются в этой связи словосочетания: das Kommen und Gehen, hier und da, das Für und Wider, jung und alt, auf Gedeih und Verderb с антонимическими компонентами, дающими в целом своеобразное сложное понятие. Словарь не затрагивает пословиц, которые как известно, часто строятся на контрастах. Смысловые контрасты в составе пословиц превращают в антонимы то, что за их пределами ими не является: "Федот, да не тот"; "Велика Федула, да дура"; "Милые бранятся только тешатся"; "Ни богу свечка, ни черту кочерга"; "Лучше синица в руках, чем журавль в небе". Этот тип отношений остается за пределами словаря. В то же время отдельные крылатые слова учтены: Hammer und nicht Amboß sein wollen, Zuckerbrot und Peitsche.

Отсутствие указания типа оценки ощущается для ряда слов как недостаток: Etappenhengst/Frontschwein. Не лишни были бы стилистические пометы при таких словах, как geil, Textilstrand, Null Bock auf etwas haben, Mami, Papi.

По вопросам полноты словника можно было бы высказаться как в связи с пожеланием его некоторого пополнения, так и сокращения. Если, например, каузативность (вызывающая соответствующее действие или состояние) имеет свои особые средства выражения: fällen (< fallen), röten/rot machen, lachen, jn lachen lassen, то транзитивность и интранзитивность выражаются одним и тем же словом с соответствующей экспликацией в синтагматике: kochen – кипеть и кипятить, вариться и варить; rollen – катиться и катить; leihen – давать и брать взаймы; mieten – снимать, сдавать; pachten – сдавать и брать в аренду; heilen – лечить и выздоравливать. Целесообразность включения подобных явлений в словарь дискуссионна и отнюдь необязательна. То, что в немецком языке передается одним и тем же словом, в русском – разными.

По традиции актантные противопоставления не принято рассматривать в связи с антонимией. Залоги, агенсность/пациенсность дают вполне четкую полярность функций, которая отнюдь не чужда антонимической проблематике и могла бы быть к ней подключена. В этой связи напрашиваются некоторые выводы для лексикографирования антонимов.

Словарь не касается энантиосемии (внутренней антонимии): **Eingang** ins Haus ist zugleich ein **Ausgang**. Die Türen werden automatisch **geschlossen**, d.h. auch gleich **geöffnet**. **Ankleide**raum ist auch ein **Aus-** und **Um**kleideraum. Man **steigt** auf den Berg und den Berg runter. **Umzug** ist ein Auszug aus der alten und ein Einzug in die neue Wohnung. Wenn man sich **umzieht**, zieht man sich erst aus, dann neu an. Auf dem Friedhof ist ein **Grab** eine Grube und ein Hügel gleichzeitig.

Энантиосемия имеет в каждом языке свои особенности, которые осложняют освоение безэквивалентности в преподавании. Когда в русском метро дается команда "Быстрее производите **посадку**" предполагается "Beeilen Sie sich beim **Ein-** und **Aussteigen!**" Одному русскому слову соответствует два немецких. Или: русское слово **раздевалка** параллельно немецкому **Ankleideraum** – различия во внутренней форме при понятийном равенстве.

Словарь явно недооценивает антонимию характерологических слов типа: халтурно/добросовестно, неряха/чистюля, замкнутый/общительный, талант/бездарь и т.п.

Вольфганг Мюллер, большой знаток сексологической лексики, смело включил немалую ее часть в словарь. Тем самым он затронул две важные проблемы: 1) социологический аспект языка в этико-эстетическом воплощении и 2) расширение рамок антонимии как лексиграфического явления. Брошен вызов традиционному прюдизму: лексикографически на конкретном материале поставлен вопрос рамок табу и его легализации. В круг антонимов включены отношения, ранее в него не входившие. Это ново и оригинально.

Типичным для многих книг справочного характера лексикографическим недостатком является неэкономное расходование словарного пространства. Борьба за сжатие объема словаря крайне необходима для гарантии его практичности и легкости применения. Данный словарь, при всей его качественности, можно упрекнуть в неоправданной переоценке некоторых раритетов, прежде всего отраслевой лексики, отдельных экзотизмов (Damenbart/Bart, Selo/Derewnja), историзмов, но это для него неопределяюще. Излишни неинформативные примеры (Mangel/Überfluß, Männerkrankheit/Frauenkrankheit), содержательно ничего не добавляющие.

Можно сделать несколько частных замечаний. Техническое редактирование могло бы быть в отдельных случаях более тонким. Наличие или отсутствие скобок в правой (объяснительной) колонке не представляется мотивированным и дифференцирующим для дефиниций, коллокаций, отраслевых отсылок и частных дополнительных комментариев. Тип уточняющей информации не унифицирован и варьирует от одной антонимической пары к другой. В отдельных случаях (их совсем немного) комментарии могли бы быть более четкими: Lemma/Teillemma – *"Sau" ist ein Teillemma* – объяснение непонятно, правда, на 491 с. оно выражено несколько удачнее, однако опять же без ссылки на полуаффиксацию. Поскольку аффиксоиды идут во многих словарях самостоятельными леммами, "часть" леммы здесь неуместна по причине своей нетипичности.

Из технических претензий к словарю, точнее к полиграфии нельзя не упомянуть, что умлауты проставлены над буквами настолько малозаметно, что о них можно только догадываться.

Чтобы по достоинству оценить обсуждаемый словарь, надо понять его место в антонимической лексикографии. Ее обзор заслуживает специального рассмотрения и должен был бы занять достаточно много места. Здесь же целесообразно очень кратко коснуться основных типов словарей антонимов. Одни из них представляют собой противопоставление синонимических рядов, из которых антонимические пары читатель должен выбирать сам. Антонимическая бинарность, составляющая суть этого типа парадигматических отношений, практически пущена на самотек, отдана на откуп "самодеятельности" пользователя. Семемы при этом не определяются, коллокации не приводятся. Извлечь практическую пользу может человек хорошо знающий язык. Эта разновидность представлена словарями Х. Верле – Х. Эггерс и Э. и Х. Булитта.

Другой тип антонимических словарей имеет примеры словоупотреблений с приведением толкования семантики сопоставляемых слов [Введенская 1971], без толкования и с цитатами из разных произведений [Львов 2000; Комиссаров 1964], или с цитатами-отрывками из одного произведения, в котором сталкивается писателем предложенное употребление антонимов [Завьялова 1969] или антонимические словари без примеров, но с учетом многозначности [Колесников 1972; К. и Э. Агрикола – Duden 1992].

Сравнение принципов словаря В. Мюллера с остальными лексиконами антонимов (включая и русские) говорит в его пользу. Число привлеченных им антонимов значительно больше, чем это обычно встречается в справочниках этого профиля, его словарь полнее других и, что особенно ценно, его биномы выделены четко, наглядно, и весь фонд конфронтируемых слов с противоположной семантикой – на ладони, их не надо извлекать из обычно затемненного в других словарях антуража интерпретируемой лексической единицы, не нужно трудиться за лексикографа, который подчас приглашает читателя поработать за него и доделать недоданную должным образом антонимию. У В. Мюллера же обнаруживается нечто обратное, некоторая парадоксальность примененных примеров: нежелательная в принципе чрезмерная лапидарность, недосказанность и даже неполнота информации оборачивается достоинством – за ее счет обнажается антонимичность как таковая, достигается искомая выделенность. Ее не надо искать, она готова для читателя и, при этом, в должном и понятном виде. Если для ряда своих единиц словарь не дотягивает показ некоторых свойств антонимов, узнать которые было бы все же желательно, то как бы за этот счет проясняется задуманная идея демонстрации противопоставленности, далеко не всегда регулярная и обычная, предложенная, однако, не без основания, с вполне оправданной логикой. В этом противоречивая, но бесспорная ценность и оригинальность данного словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М., 1995.

Введенская Л.А. 1971 – Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1971.

Завьялова В.М. 1969 – Антонимы. Пособие по лексике немецкого языка. М., 1969.

Колесников Н.П. 1972 – Словарь антонимов русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Тбилиси, 1972.

Комиссаров В.Н. 1964 – Словарь антонимов современного английского языка. М., 1964.

Львов М.Р. 2000 – Словарь антонимов русского языка. М., 2000.

Bulitta E. u. H. 1983 – Wörterbuch der Synonymie und Antonymie. 2. Aufl. Frankfurt/M., 1983.

Duden. 1992 – Wörter und Gegenwörter. Wörterbuch der sprachlichen Gegensätze. 2. Aufl. von Chr. u. E. Agricola. Mannheim u.a. 1992.

Wehrle-Eggers 1961 – Deutscher Wortschatz. Ein Wegweiser zum treffenden Ausdruck. 12. Aufl. Stuttgart, 1961.

В.Д. Девкин

Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова. **Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: "Птицы"** / Отв. ред. М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев. М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.

Словари образных средств языка принадлежат, безусловно, к разряду желаемых словарных сочинений (см. об этом, к примеру, в [Девкин 2001: 89, 92]). Однако до недавнего времени они были представлены в отечественной лексикографии лишь отдельными образцами. В последнее десятилетие, с усилением общей тенденции к словарному описанию языка, число таких справочников заметно возросло. На материале языка художественной литературы были составлены столь разные по предмету и методике описания, параметрическим характеристикам словари, как [Полухина, Пярли 1995; Туранина 1997; 1998; Павлович 1999; Феркель 2000]. Книга Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой относится к категории сводных писательских словарей, строящихся с привлечением произведений значительного ряда авторов (в ней, по нашим подсчетам, приведены примеры из произведений более чем 300 писателей). Важно подчеркнуть, что фундаментом для разработки рецензируемого Словаря послужили теоретические исследования его составителей, уже не первый год изучающих тропеические средства русской художественной литературы. В основе Словаря – успешно применявшиеся авторами и ранее идеографический и диахронический принципы организации материала, разумное сочетание которых позволило им наглядно показать состав компаративных тропов (метафор и сравнений) русской литературы в связи с поэтической (художественной) картиной мира и эволюцию их как системы.

Выпуск 1 "Птицы" включает: Введение (с. 13–20); корпус словарных статей, состоящий из трех частей: Часть I. **"Птицы"** как образ сравнения (с. 21–298); Часть II. **"Птицы"** как предмет сравнения (с. 299–369); Часть III. **"Крылья", "Перья"** как образ сравнения (с. 371–440); восемь указателей к разным частям Словаря и к Словарю в целом (с. 459–476).

В небольшом по объему, но, как кажется, вполне достаточном для работы с "Материалами...", Введении излагаются концепция Словаря и его конструктивные принципы, характеризуются источники, основу которых составляют поэзия и проза русских писателей XIX–XX вв. Выбор тезаурусного (а не, к примеру, алфавитного или грамматического) принципа группировки тропов обусловлен, как поясняют авторы, стремлением к показу их в "возможно более полном объеме охвата образных полей" (с. 13). Используя идеографическую классификационную сетку, описанную в различных вариантах зарубежными и отечественными лексикографами, Н.А. Кожевникова и З.Ю. Петрова видоизменяют ее, приводя в соответствие с самим тропеическим материалом. В результате схема расположения словарных статей, совпадая в целом с иерархическим логико-понятийным порядком лексического тезауруса, приобретает определенные отличия от него. Это связано преимущественно с тем, что в соответствии с семантическим признаком, который выдвигается на первый план в тропеическом контексте, некоторые семантические классы извлекаются из своего обычного места и переставляются в другое. «Так, – пишут авторы, – в класс "Свет" включены обозначения времен суток – *ночь, день, утро, вечер*, которые принадлежат и к классу "Время". Для тропов, уподобляющих *ночь, день* и т.п. птицам, определяющим основанием для сравнения является семантический компонент "свет/тьма" (плюс "цвет", в общем – зрительное впечатление), а не "быстрое движение", как для тропов класса "Время". Ср. *свет, заря* – и *день, утро*; *мрак, темнота – ночь*. Слово *день* при этом относится в разных употреблениях к двум разным классам: *день* как единица измерения времени (особенно во множественном числе) – к классу "Время" (*Дни летят, как птицы*), где при сравнении с птицей подчеркивается быстрота пролетания дней, *день* как светлое время суток – к классу "Свет"» (с. 15).

Диахронический принцип в расположении материала используется авторами как дополнительный и поэтому "не обязательно соблюдается с абсолютной точностью (он вообще, – справедливо замечают они, – достаточно условен – ведь весь материал художественной литературы учесть невозможно)" (с. 17). Например, приводя обычно родовое обозначение, а затем видовые, составители резонно отступают от такого порядка, если видовое обозначение появляется в литературе гораздо раньше родового. Сразу же отметим, что в тех случаях, когда читатель имеет дело с объемными статьями, выстроенными хронологически, ему нетрудно, как мы убедились, проследить динамику в использовании тропов, выявить авторов – писателей и поэтов, особенно склонных к употреблению тех или иных образов. Так, просмотр фрагмента I части Словаря, посвященного метафоре **гнездо** (как жилище человека), показывает, что употребление ее на протяжении XIX в. (в 30–90-е гг.) практически не прерывалось, но заметно сократилось с началом XX в. Из писателей, в творчестве которых фиксируется эта метафора (а среди них Гоголь, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Лесков, Некрасов и др.), чаще других обращался к ней Тургенев.

Структура словарной статьи в рассматриваемой книге не проста. Едва ли, впрочем, можно было ожидать простоты, элементарности в словарной организации столь сложной материи, как тропы. По основным своим параметрам, по организации отобранных примеров словарная статья в справочнике в целом едина. (Наблюдаемые в частях I и II незначительные различия, например в подаче редких и окказиональных слов, определяются спецификой описываемых в них обозначений.) Хотя реализуется она в трех частях справочника с разной степенью полноты, такое единство микроструктуры Словаря, полагаем, усиливает его целостность. Добавим, что выработанная авторами структура словарной статьи такова, что расширение материала не повлечет за собой ее изменения.

Наибольшее развертывание получает словарная статья в части I. Здесь собраны тропы, образы сравнения у которых относятся к семантическому полю "Птицы". В качестве названия статьи выступает конкретное слово – обозначение реалии как предмета сравнения (ДУША, СЕРДЦЕ, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СУДЬБА и т.п.); подразделы статьи – обозначения образов сравнения (СУДЬБА – **индейка, ворона, птица, лебедь, ворон, гагара, кукушка**). Представляется удачным расположение материала в статье по семантической близости образов сравнения: последовательное введение дериватов (в том числе неологизмов), синонимов и квазисинонимов, гипонимов и т.д. вскрывает многообразие системных связей внутри совокупности образных наименований, обнаруживает "способность" того или иного предмета сравнения к образопорождению. Кроме того, подобный способ подачи образных единиц позволяет явно обозначить, "выдвинуть" каждый, в том числе лишь однажды употребленный образ. См., к примеру, раздел "Человек как птица", где в качестве слов-образов выступают такие обозначения птиц, как: **петел** – устаревшее наименование петуха (*Сердцем радостен и светел, Я п о ю, как ранний* ***петел****, В одино-*

честве и мгле... – Клычков; в прямом значении это слово находим, например, у Тютчева: *Хладен, светел, День проснулся – Ранний петел Встрепенулся*); **плимутрок** – название особой породы кур (*Я, словно исполинский* ***плимутрок***, *З а к и д ы в а ю ш е ю...* – Багрицкий) и др. (с. 66).

По типам конструкций, в которых встречаются опорные слова тропов, материал разграничивается в каждой части словарной статьи. Основные из них – метафоры и сравнения – даны в виде специально выделенных разновидностей. Метафоры, например, представлены чистой метафорой, метафорой-загадкой, генитивной метафорой, метафорической перифразой, конструкцией отождествления. Среди сравнений отмечаются сочетания, включающие основание сравнения (глагол, прилагательное), не включающие его, а также сравнительные конструкции со сложными основаниями. Обширный и разнообразный материал подвел авторов к необходимости выделить также сравнения с несколькими глаголами или прилагательными, с повторяющимся словом действия или признака. В части I отмечаются статьи, содержащие как большинство из приведенных типов образных конструкций, так и лишь некоторые из них. Ср., к примеру, статью ПОЭТ – ПТИЦА (класс "Человек"), в которой представлены почти все названные конструкции (с. 113 и далее), и статьи РАЗУМ, РАССУДОК (подкласс "Интеллект" того же класса), где выделены только сравнения с глаголом (с. 144). Следует сказать, что внутри тропов авторы также применяют группировку материала по семантической близости. Так, сравнения с глаголом, имеющие в качестве опорного элемента слово **птица**, делятся на семантические подклассы: "Положения тела" (*нахохлиться, сидеть* и т.п.), "Звуки" (*щебетать, петь, свистеть* и т.п.) и др. Система рубрикации в подаче компаративных тропов в Словаре представляется нам основательно продуманной и оптимальной: множественность рубрик позволяет строго классифицировать материал, придавая ему наглядную, удобную для восприятия пользователем форму.

Часть II Словаря уступает I по числу статей и их объему. Значимость этой части определяется, однако, не количественным параметром. Напомним, что обозначения предметов сравнения нечасто отбираются, группируются для специального описания, хотя, как свидетельствуют материалы Словаря, массив таких обозначений формируется за счет не только общепоэтических, общекнижных метафор типа **соловей – певец**, но и заметного числа окказиональных, уникальных в своем роде образных употреблений. Имя **соловей** как обозначение предмета сравнения иллюстрируется, например, такими контекстами: *Наш соловей, как* ***рыцарь***, *слит с луною* (Бальмонт), *В департаментах весен, где, повторяя обычай Исконный, в комнате зеленых ветвей,* ***Делопроизводитель*** *весенних притчей Строит языком соловей* (Шершеневич), *А ты, соловей, пригвожденный к искусству,* ***В свою Клеопатру влюбленный Антоний,*** *Как мог ты довериться, бешеный, чувству, Как мог ты увлечься любовной погоней* (Заболоцкий). Надо заметить, что исследователи сделают интересные наблюдения, соотнося словарные статьи первых двух частей книги, сравнивая, например, пары существительных, каждое из которых выступает и как образ, и как предмет сравнения. Так, в отношении пары **душа – голубь** можно сказать, что при очевидном доминировании формулы "душа подобна голубю" возможна и реализуется обратная конструкция – "голубь подобен душе". Ср.: *В крещенски голубую прорубь Мелькнул души молочный* ***голубь*** (Кузмин) и ⟨...⟩ *увидел светло летевшего голубя. Не быстро неслась птица, как бы зная свою непорочность* ⟨...⟩ *"Есть поверье, – думал он, – что голубь – это человеческая* ***душа***. *Дай Бог, чтоб так!"* (Зайцев).

Часть III занимает в Словаре особое положение. Описываемый здесь материал вполне обоснованно оформлен авторами как самостоятельный раздел, ибо выходит за рамки семантического поля "Птицы". Как известно, крылья у разных реалий в поэзии восходят к крылатым божествам античной мифологии, перья (и производные) также прямо не связаны с образом птицы. Материал здесь, как и в предыдущих частях не подгоняется под стандартные классификационные схемы, напротив – последние корректируются авторами с учетом состава и характера отобранных иллюстраций. В результате, например, в части **ПЕРЬЯ** класс "Человек" представлен четырьмя реальными подклассами, включающими от одной до трех статей, а класс "Время" – лишь двумя статьями.

Специального упоминания заслуживают различного рода примечания, образующие факультативный раздел словарной статьи. Это примеры из древнерусской литературы, фольклорные и библейские параллели, сведения о мифологическом происхождении некоторых образов и т.д. Даваемые по необходимости, очень аккуратно, дозировано, они помогают читателю проследить истоки возникновения тропов, что совершенно необходимо для правильной их оценки и интерпретации.

Особую разновидность примечаний составляют внутрисловарные отсылки – к фрагмен-

там справочника, описывающим сходные по характеру выражения образности единицы (см., например, с. 33, 197, 403 и др.), подчеркивающие целостность и системность предлагаемого в Словаре материала.

Рецензируемый Словарь снабжен указателями, составленными по образам и предметам сравнения для каждой части (с. 441–469). Выполняя свою основную функцию – адресации словоупотреблений, указатели дают представление и о частотности единиц Словаря, позволяют легко выделить наиболее и наименее частотные обозначения образов и предметов сравнения. Например, в Алфавитном указателе образов сравнения к III части целый "куст" адресов сопровождает слова *крылатый, легкокрылый, окрыленный*, которые дополняются менее частотными, но тоже употребительными прилагательными *бескрылый, белокрылый, быстрокрылый* и низкочастотными *буйнокрылый, многокрылый, гранитнокрылый* и под. В справочный аппарат книги включены также впечатляющий по своему составу Алфавитный указатель писателей с принятыми сокращениями (с. 470–473) и Указатель основных прозаических произведений (с. 474–476).

Словарь Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой вносит, как нам представляется, заметный вклад в разработку теории лексикографии тропов. В совокупности всех своих частей и разделов он дает богатейший материал для исследований по истории языка художественной литературы, открывает новые перспективы в лингвистическом осмыслении феномена тропов.

Очевидно, что в книге такого масштаба неизбежны разного рода недочеты и погрешности. Они не носят принципиального характера и, полагаем, легкоустранимы. Обратим внимание лишь на два момента, которые авторы, возможно, посчитают необходимым учесть, работая над следующими выпусками Словаря.

В "Материалах..." отсутствует обычный для словаря любого типа список условных сокращений, предваряющий корпус словарных статей и призванный облегчить работу пользователя. Приводимые во Введении сокращения **Мтф., Ср., Ср. с гл.** и **Ср. с прил.**, к сожалению, не охватывают все обозначения такого рода, используемые в словарных статьях. Например, на с. 34, 425 и др. приводятся примеры на метаморфозы, вводимые нигде не зафиксированным сокращением **Мтмрф.**; на с. 34, 117 и др. используется также нигде не отмеченное сокращение загл. В Словаре неоднократно (на с. 41, 96, 173, 189, 215, 394 и др.) используется сокращение Ср. – сравните (в отличие от **Ср.** – сравнение), ошибки в шрифтовом оформлении которого вносят некоторую путаницу (см. примечание на с. 277, открывающееся фразой: **Ср.** связанное с общеязыковым употреблением *канареечный цвет* словосочетание *пожелтел, как канарейка*...).

Несомненную ценность Словарю придало бы, думаем, включение в него еще одного приложения: списка фамилий писателей с указанием страниц, на которых встречаются примеры из их произведений. При наличии такого индекса пользователь мог бы легко, без утомительного просмотра всего массива статей, найти примеры из интересующих его авторов.

В заключение следует сказать, что скромно названная "Материалами..." книга Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой представляет собой оригинальный опыт системного описания тропов, полноценное лексикографическое сочинение, продолжения которого будут ждать все заинтересованные читатели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Девкин В.Д. 2001 – О неродившихся немецких и русских словарях // ВЯ. 2001. № 1.

Павлович Н.Н. 1999 – Словарь поэтических образов: В 2-х тт. М., 1999.

Полухина В., Пярли Ю. 1995 – Словарь тропов И. Бродского (на материале сборника "Часть речи"). Тарту, 1995.

Туранина Н.А. 1997 – Метафора В. Маяковского: Словарь. Таблицы. Комментарий. Белгород, 1997.

Туранина Н.А. 1998 – Метафора С. Есенина: Словарь. Таблицы. Комментарий. Белгород, 1998.

Феркель Владлен 2000 – Частотный словарь поэтических образов. Челябинск, 2000.

Л.Л. Шестакова

№ 1 2002

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

12 апреля 2001 г. в конференц-зале Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН состоялось заседание Ученого совета института, посвященное памяти доктора филологических наук Владимира Николавича Сидорова. Ставшие традиционными "Сидоровские чтения" собрали специалистов разных областей языкознания – историков русского языка, диалектологов, историографов науки, исследователей современного русского языка и др. Программа чтений включала доклады, воспоминания и сообщения учеников В.Н. Сидорова, его коллег и знакомых, а также исследователей научного наследия ученого, одного из ярких представителей Московской фонологической школы.

Из выступивших на памятных чтениях следует отметить следующие имена: Р.В. Бухтурина прочитала доклад "Л.Л. Васильев", в котором рассказала о биографии ученого, о его нелегкой, полной драматизма судьбе и научных открытиях в области фонетики и акцентологии, намного опередивших научную мысль начала 1900-х гг. В выступлении прозвучали фрагменты писем Л.Л. Васильева и редкие документальные свидетельства из собственной коллекции Р.В. Бахтуриной. Доклад В.А. Дыбо "Загадка Л.Л. Васильева" был посвящен теоретическому обоснованию идей ученого в области истории русского языка, раскрытию их потенциала в сегодняшней практике диалектологических исследований. Докладчик также рассказал о полемике Л.Л. Васильева с А.А. Шахматовым и учеными того времени, коснулся вопроса о значении каморы, наметил перспективы акцентологических исследований в русле трудов Л.Л. Васильева. Выступление О.В. Никитина "Из истории Московской лингвистической школы (архивные материалы)" освещало малоизвестные эпизоды из истории научной мысли первой половины XX века. Докладчик ознакомил участников чтений с найденными им редкими архивными материалами, касающимися жизни и деятельности А.А. Шахматова, Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново, А.М. Селищева, И.Г. Голанова, В.Н. Сидорова, А.М. Сухотина, А.А. Реформатского, С.С. Высотского и др. представителей Московской лингвистической школы. С.Н. Борунова прочитала воспоминания Н.А. Янко-Триницкой о В.Н. Сидорове "Он был моим учителем", где с особой теплотой говорится о личных качествах ученого, его преподавательском таланте. Доклад В.М. Алпатова "Арест и заключение В.Н. Сидорова" был посвящен тяжелейшему периоду в жизни ученого (1930-е гг.), когда он был незаконно репрессирован и отбывал заключение по сфабрикованному НКВД так называемому "делу славистов". В.М. Алпатов ознакомил слушателей с документами личного дела В.Н. Сидорова, рассказал об обстоятельствах пребывания ученого в ссылке и первых годах деятельности после освобождения. Доклад М.В. Панова (читал Л.П. Крысин) "Воспоминания о В.Н. Сидорове" содержал живые подробности общения двух ученых, раскрывал атмосферу подлинной исследовательской деятельности, энтузиазма в науке, который был свойствен В.Н. Сидорову. Заключительным докладом на конференции стали воспоминания М.А. Реформатской "А.А. Реформатский о В.Н. Сидорове".

Председательствующий на чтениях Л.Л. Касаткин, подводя итоги "Сидоровских чтений", подчеркнул важность и актуальность состоявшегося мероприятия, отметив при этом большую заинтересованность как самих участников, так и слушателей, которые были также вовлечены в дискуссию по данной проблематике.

В заключение необходимо сказать, что материалы "Сидоровских чтений" будут опубликованы в готовящемся к изданию Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН сборнике трудов "Отцы и дети Московской лингвистической школы".

О.В. Никитин
(Москва)

21–23 мая 2001 г. на филологическом факультете Новгородского Государственного университета им. Ярослава Мудрого прошел Международный симпозиум "Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков", посвященный 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Власа Платоновича Жукова.

В течение трех дней с докладами выступило 49 ученых и молодых специалистов из Санкт-Петербурга, Москвы, Волгограда, Брянска, Белгорода, Пскова, Кургана, Тамбова, Иваново, Тулы, Сыктывкара, Владимира, Петрозаводска, Великого Новгорода. В работе симпозиума приняли участие и представители стран СНГ.

В центре обсуждения были проблемы лексической, фразеологической, межуровневой (стратификационной) переходности, а также переходные явления в сфере паремиологии (секции 1–4). Выступившие в этих секциях докладчики стремились выявить как языковые, так и экстралингвистическое причины явления переходности.

В качестве основного направления в изучении **лексической переходности** можно назвать анализ динамики смысловой структуры слова.

Авторы докладов обращались к таким дискуссионным проблемам лексикологии, как вопрос о трансформации значения лексемы под влиянием прагматических факторов; о переходе отдельных групп лексики из одной ограниченной сферы употребления в другую; о разграничении сложных слов и словосочетаний, квазиантонимов и антонимов, лексических синонимов и вариантов. С.И. Алаторцева (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление актуальным проблемам неологии, убедительно продемонстрировав зыбкость грани между речевыми и языковыми явлениями в лексике, между потенциальностью, понимаемой как незамещенная позиция в системе языка, и окказиональностью – своеобразным мостом между языковой потенцией и ее речевой реализацией ("узуальным" словом). В докладе А.В. Приображенского (Петрозаводск) на материале карельских говоров был рассмотрен процесс перехода нарицательной лексики в топонимию. Е.Н. Котлярова (Белгород) предложила интересный подход к проблеме взаимодействия омонимии и многозначности, выявив промежуточные, переходные случаи – градационную шкалу "полуомонимов". Еще один, малоисследованный аспект лексической переходности связан с системой производной лексики. Это борьба "лексического" и "словообразовательного" в семантической структуре производного слова, противоположных тенденций к поляризации и идентификации, причем первая связана с фактором лексической самоценности, индивидуальности мотиватора и мотивата, а вторая – с единством внутренней формы, выступающей как своеобразный семантический стержень в системе единиц, связанных отношениями производности. Мотивы лексико-словообразовательной переходности прозвучали, в частности, в выступлениях В.К. Радзиховской (Москва), Е.В. Огольцевой (Великий Новгород).

Фразеология рассматривалась участниками симпозиума как сфера, в которой переходность, это универсальное свойство языковой системы, проявляется наиболее ярко. Поскольку свойства синкретичности, вариативности, гибридности заложены в самой природе фразеологического значения, феномен ФЗ стал главным предметом обсуждения в секциях 2 и 3. Наблюдения и выводы, которыми обменялись участники симпозиума, убедительно продемонстрировали уместность и научную продуктивность использования теории поля как в изучении словарного состава языка, так и при анализе тонких фразеологических материй [доклады Л.П. Гашевой (Челябинск), С.Я. Гехтляр (Брянск), В.К. Радзиховской]. А.В. Жуков (Великий Новгород), опираясь на тезис о ядерно-периферийной организации фразеологии вообще и ее зыбких, переходных явлений в частности, выявил в своем докладе признаки фразеологизмов с общим аналитическим значением (*отбивать хлеб, падать духом*), определяющие их особое положение на периферии фразеологии. С другой стороны, на основе того же полевого принципа была установлена качественная неоднородность состава данных единиц, разная степень их удаленности от сильноодиоматичного ядра.

Докладчики отдали дань не только "классическим" проявлением фразеологической переходности, связанным с системными отношениями единиц (антонимией и энантиосемией, синонимией и вариативностью, внутрикатегориальной и межкатегориальной омонимией), но и относительно новым аспектам ее изучения. Например, активно обсуждался такой актуальный вопрос современной фразеологии, как когнитивные механизмы формирования ФЗ, роль фразеологии как одного из способов представления концептуальной картины мира, проблема интерпретации фразеологического знака [доклады Н.Ф. Алефиренко (Волгоград), Г.И. Богина (Тверь)].

Весьма интересный ракурс фразеологической переходности открылся в противопоставлении фразеологического значения, характеризующего собственно фразеологизм, и значений "фразеологизированных", присущих другим языковым единицам и в том или ином смысле уподобляющихся первому. Докладчики обращались к анализу отыменных предлогов, отмечая фразеологизированность их значений, к фразеосхемам – устойчивым синтаксическим моделям, к фразеологизированным производным словам. В докладе В.Г. Дидковской (Великий Новгород) "фразеологичность" так называемых фразеологических сочетаний (*принять участие, производить впечатление*) была квалифицирована как вторичное явление, связанное с их лексико-синтаксической, "переходной" природой. Н.Р. Гусева (Санкт-Петербург) анализировала в своем докладе фразеологизированные синтаксические конструкции с отрицательным значением, трактуя их "фразеологичность" как "имплицитный характер выражения идиоматического значения". В рамках проблематики, связанной с **межуровневой переходностью**, докладчики обращались также к активным процессам фразообразования и от фразеологического словообразования.

Доклады, посвященные проявлениям переходности в смежной с фразеологией сфере – **паремиологии** – выявили многочисленные белые пятна, а следовательно, и перспективы изучения пословиц и поговорок: анализ ядерно-периферийных отношений в сфере паремиологии, особенно в зоне переходных случаев (пословично-поговорочные выражения); рассмотрение паремиологии в плане синхронии и диахронии; исследование паремиологической переходности в единстве логических, структурно-семантических и прагматических аспектов; изучение одного из динамично развивающихся явлений в области паремиологии – явления многозначности пословиц и ее отражения в словарях.

На симпозиуме были достойно представлены и другие аспекты изучения лексикологии и фразеологии, в частности, **сопоставительный** (секция 7). Н.Л. Шадрин (Санкт-Петербург), анализируя проблему разграничения фразеологических заимствований и интернациональной фразеологии, привлекал для определения классификационного статуса этих единиц данные сопоставительного анализа эквивалентных и параллельных фразеологических оборотов-библеизмов в разных языках. Социокультурным и идиоэтническим аспектам изучения фразеологии был посвящен и доклад В.Т. Малыгина (Владимир), который подчеркнул актуальность изучения взаимосвязи образного компонента фразеологизма с теми типичными этническими ситуациями, номинации которых данный фразеологизм служит.

В рамках **исторического** и **диалектного** изучения лексики и фразеологии (секция 6) одним из основных был вопрос о взаимодействия компонентного состава фразеологизмов. Докладчики обращались также к классификации типов и форм проявления переходности в диалектной фраземике, к исследованию тематических групп диалектной лексики, к этимологии отдельных диалектных слов и фразеологизмов, к проблемам лексикографического и фразеографического описания говоров [выступления Л.Я. Костючук (Псков), Л.Е. Кругликовой (Санкт-Петербург), В.Л. Васильева (Великий Новгород), И.А. Кобелевой (Сыктывкар)].

Предметом специального обсуждения стали вопросы **функционирования ФЕ в тексте** (секция 5): явления, пограничные между языковой и авторской фразеологией; текстовые трансформации значения и формы фразеологизма; представление в художественном дискурсе концептуального содержания фразеологизмов; анализ ФЕ как ключевых единиц с обобщенным символическим смыслом, характеризующих идиостиль автора. В докладах С.Я. Гехтляр (Брянск), В.И. Заики (Великий Новгород), А.М. Григораш (Киев) текст предстал той естественной почвой, которая питает все живые динамические процессы в сфере лексики и фразеологии.

Яркой особенностью симпозиума была множественность интерпретаций феномена переходности. Одни ученые трактовали его как нечеткость грани между фразеологизмом и его вариантами (языковыми и индивидуально-авторскими), другие – как неопределенность лексико-грамматических характеристик фразеологизма, третьи – как совмещение в одной единице свойств свободного и устойчивого сочетания (синкретизм). Многие участники симпозиума подошли к переходности как к проблеме общеязыковой. Переходность усматривали в фактах невозможности однозначной квалификации того или иного явления, в деривационных отношениях между единицами разных уровней, в выполнении языковой единицей нетипичных для нее функций и так далее.

Несмотря на такую "многоликость" анализируемого объекта, сквозь множественность трактовок ясно проступало некое объединяющее начало. В сущности, работа симпозиума проходила под знаком одной центральной идеи: количественное накопление нестандарт-

ых, асистемных употреблений, своеобразных ечевых реализаций языкового знака приодит постепенно либо к качественному реобразованию уже существующих знаков ыка, либо к формированию новых единиц ыковой системы. С другой стороны, роцессы функционирования той или иной диницы в речи могут рассматриваться как редство снятия противоречий языковой истемы, средоточием которых и являются ереходные случаи. Таким образом, "мысль ункциональная" определила научный пафос онференции и ознаменовала выход научного оиска за пределы одномерного, "линейного" ассмотрения фразеологии.

Материалы симпозиума – тезисы докладов 35 авторов из России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Польши – опубликованы в сборнике: Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков // Вторые Жуковские чтения / Материалы Международного научного симпозиума 21–23 мая 2001 г., Великий Новгород, 2001.

К памятной дате – восьмидесятилетию со дня рождения Власа Платоновича Жукова – был приурочен выход в свет еще двух изданий. Памяти одного из учеников В.П. Жукова – Николая Ивановича Лаврова – посвящен Межвузовский сборник научных трудов "Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах" (Великий Новгород, 2001). В серии "Ученые университета" издана брошюра: Влас Платонович Жуков. Биобиблиографический указатель. Великий Новгород, 2001.

Состоявшийся на только что прошедшем симпозиуме обмен мнениями показал, что теоретическое описание неясных, "промежуточных", синкретичных языковых единиц представляет немалую практическую, лексикографическую ценность. Следующая конференция, провести которую кафедра русского языка НовГУ планирует в 2004 году, будет посвящена актуальным проблемам лексикографии, фразеографии и паремиографии.

Е.В. Огольцева (Великий Новгород)

21–24 мая 2001 г. в Нижнем Новгороде на филологическом факультете Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского проходила международная научная конференция "Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина и современность". Конференция была приурочена к 85-летию профессора Б.Н. Головина, чей вклад в общее языкознание, терминоведение, стилелогию, лингвостатистику, изучение грамматики современного русского языка широко признан в науке. В работе конференции приняли участие исследователи научных учреждений Арзамаса, Владимира, Волгограда, Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Кирова, Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Пскова, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Тобольска, Челябинска, Череповца, Ярославля и других городов России, а также представители ближнего и дальнего зарубежья – Белоруссии, Украины, Чехии, Германии, Тайваня. Всего было сделано 108 докладов. Тематические направления конференции в основном отражали те сферы лингвистической науки, в которых плодотворно работал Б.Н. Головин.

На пленарных заседаниях участники и гости конференции заслушали доклады Д.М. Поцепни (Санкт-Петербург) о языке художественной литературы в концепции Б.Н. Головина, Л.В. Златоустовой (Москва) об исследовании речевых особенностей в лингвокриминалистических целях, С.М. Кузьминой (Москва) об истории кодификации русской орфографии в XX веке, Г.М. Грехнёвой (Нижний Новгород) о функциональном аспекте языка в трудах Б.Н. Головина, М.А. Грачёва (Нижний Новгород) о татуировках как специфическом объекте лингвистических исследований. В докладе Б. Гревингхольт (Кельн) было проведено сравнение эллипсов в русском и немецком языках, в докладе К. Лепиловой (Острава) анализировались современные тенденции в речевой коммуникации детей под напором материальных условий современной жизни. Цай Мин Шин (Тайвань) сделал доклад о влиянии русской лингвистической школы на изучение фразеологии современного японского языка.

На секции "Теория языкознания" в выступлениях Л.Л. Агафоновой (Москва), Н.Л. Васильева (Саранск), Е.Ф. Кирова (Нижний Новгород), Л.В. Златоустовой (Москва), С.Р. Омельченко (Волгоград), Л.М. Салминой (Казань) и других рассматривались механизмы и единицы звучащей речи, сущность языковой деятельности, функции языка и речи, вопросы когнитивной лингвистики, проблемы генезиса русского языка и др.

На секции "Фонология" в докладе Л.А. Сараджевой (Волгоград) по-новому интерпретировалась история некоторых

звуковых сочетаний русского языка на основе соотношений категорий лабиовелярности и велярности в индоевропейском языке. Доклады В.С. Маркелова (Казань) и К.И. Долотина (Москва) были посвящены вопросам суперсегментной фонетики – фонетики фразы и текста. В докладе С.В. Князева и Е.В. Моисеевой (Москва) на основе осциллографического и спектрографического анализа показана высокая степень распространенности гортанной смычки в позиции перед гласным в абсолютном начале слова в русском языке. Доклад Р.С. Касымова и Е.Ф. Кирова был посвящен губной артикуляции русских гласных, и в нем выдвинута идея о градуальности русских гласных по лабиализации. В докладе Е.Л. Бархударовой (Москва) были раскрыты некоторые лингводидактические аспекты построения практических курсов по русской фонетике в иноязычной аудитории.

Тематика секции "Лексикология, терминология и терминография" объединяла как общеупотребительскую, так и диалектную лексикологию и лексикографию, а также терминологию. Доклады Е.И. Голованова (Челябинск) и К.А. Власовой (Арзамас) были посвящены описанию языкового представления отдельных коцептов русской культуры. Доклады Н.Э. Гронской (Нижний Новгород) и М.В. Сандаковой (Киров) касались различных аспектов многозначного слова – направления метонимических переносов и описания структуры полисеманта в свете идей релятивности. С.А. Журавлев (Йошкар-Ола) в своем докладе рассматривал толковый словарь как средство отражения русской ментальности. В докладах Н.Г. Ильинской (Москва), О.А. Глущенко (Москва) и О.Н. Крыловой (Санкт-Петербург) нашли отражение различные особенности диалектной лексики и проблемы ее лексикографического описания. Доклады И.А. Кузнецовой и В.Б. Шавлюк (обе – Нижний Новгород) содержали описание терминологии различных областей науки. С.Н. Виноградов (Нижний Новгород) анализировал возможности моделирования структуры понятия с помощью формальной структуры термина.

Проблематика секции "Словообразование в морфемика" включала взаимоотношение морфемики и словообразования, словообразования и орфографии, проблемы границ морфемы, морфологического статуса разных языковых единиц, в частности аффиксоидов. Эти вопросы были представлены в докладах М.В. Косовой (Волгоград), А.В. Лемова (Саранск), В.Н. Немченко (Нижний Новгород), А.И. Плещинской (Казань), Л.В. Рацибурской (Нижний Новгород) и других.

На секции "Методы и методики изучения языка" в докладах Т.М. Горшковой, Н.Н. Лавровой, Л.И. Ручиной, Т.И. Семеновой И.И. Тепловой (все – Нижний Новгород), Т.В. Яковлевой (Белгород) показана востребованность идей Б.Н. Головина, связанных с подходом к языку как многоуровневой функционирующей системе, и было отмечено, что авторы ряда учебников, как школьник, так и вузовских, уделяют недостаточно внимания терминологической культуре, определению вводимых понятий.

На секции "Грамматика" основное внимание уделялось уточнению ряда синтаксических и морфологических понятий, функционированию различных грамматических единиц и категорий, осмыслению синтаксических идей Б.Н. Головина и их значения для современной синтаксической науки. С докладами выступили С.А. Еремеева (Рязань), Л.В. Калинина (Киров), И.М. Карельская (Нижний Новгород), О.А. Острова (Самара), Е.Н. Лагузова (Ярославль), А.Ю. Маслова (Саранск), В.И. Чуглов (Вологда) и др.

На секции "Стилистика слова и язык писателя" в докладах С.А. Акимовой (Нижний Новгород), О.И. Литвинниковой (Нижний Новгород), В.И. Роговцова (Могилев), Р.Л. Смулаковской (Череповец), С.А. Якимовой (Нижний Новгород) и других исследователей рассматривались отдельные аспекты функционирования различных единиц и категорий в художественных, публицистических, рекламных текстах. Когнитивный подход к анализу текста лежал в основе докладов С.Ю. Лавровой (Череповец) и Т.В. Романовой (Нижний Новгород). Описание структуры и употребления перифразы в классицизме и сентиментализме позволил Л.В. Грехневой сделать выводы, немаловажные для исторической стилистики. На методику анкетирования опирались наблюдения Т.Г. Никитиной (Псков) над восприятием пословиц современной молодежью. Возможности применения статистического метода при изучении художественного произведения в школьной и студенческой аудитории раскрыла Л.И. Гетман (Нежин).

На секции "Историческая грамматика и диалектология русского языка" в докладах Э.Н. Акимовой (Саранск), Н.В. Казанцевой (Нижний Новгород), Л.А. Климковой (Арзамас), Е.Б. Кузьминой (Псков), Н.В. Логуновой (Соликамск),

С.А. Рылова (Нижний Новгород), Е.В. Суворовой (Арзамас) и других авторов анализировались ономастика, диалектный синтаксис, отдельные лексико-грамматические группы диалектной лексики, этикетные формулы, функционирующие в диалектной речи.

На секции "Палеославистика и история русского литературного языка" в докладах И.Ю. Абрамовой (Нижний Новгород), Е.И. Варюхиной (Санкт-Петербург), О.В. Зуга (Ижевск), Л.П. Клименко (Нижний Новгород), Е.А. Кожемяковой (Чебоксары), В.Д. Петровой (Чебоксары), М.В. Пименовой (Владимир), Л.А. Шабловской (Нижний Новгород) рассматривался широкий круг вопросов структурной организации различных письменных памятников (Житий, Евангелия XII–XIII вв. и др.), символических номинаций, семантики отвлеченных существительных, особенностей отдельных написаний в древнерусских памятниках.

На секции "Германские языки" в докладах С.В. Постниковой (Нижний Новгород), А.И. Железновой (Нижний Новгород), Л.П. Кургут (Харьков) на материале английского и немецкого языков были рассмотрены референция признаковых слов, взаимоотношение абзаца и сверхфразового единства в учебно-научном тексте, средства выражения каузального значения в коммуникативной модели.

На конференции было организовано два круглых стола. Тематика первого из них, руководителем которого была С.М. Кузьмина (Москва), – "Проблемы кодификации русской орфографии". Эта тема вызвала большой интерес и собрала многочисленную аудиторию, принявшую активное участие в дискуссии. Мнения участников разделились: значительная часть выступавших одобрила умеренность проекта новой редакции "Правил русской орфографии и пунктуации", подготовленного в ИРЯ им. В.В. Виноградова Российской академии наук, однако были высказаны и другие пожелания – существенно упростить русскую орфографию или, наоборот, ничего не менять в ней, сохраняя тем самым культурную преемственность поколений. Большинство присутствующих высказалось за необходимость обсуждения проекта всеми кафедрами русского языка университетов России.

Круглый стол "Языковые особенности художественного текста" (руководитель – Д.М. Поцепня, г. Санкт-Петербург) предполагал обсуждение следующих вопросов: 1) все ли элементы художественного текста эстетически значимы, можно ли говорить о наличии в художественном тексте "упаковочного материала", каково содержание этого термина? 2) каково соотношение объективного и субъективного при интерпретации и восприятии текста читателем? 3) как соотносятся между собой терминологические системы, используемые при разных методиках анализа художественного произведения? В ходе обсуждения подчеркивалась важность курса "Анализ художественного текста" в филологической подготовке студентов, необходимость научного обсуждения метаязыка исследований художественной речи (в рамках конференции, симпозиума).

По итогам работы конференции была принята резолюция. Участники конференции были едины в мнении, что высшая школа должна занимать активную позицию в отстаивании места русского языка в школьной программе и дисциплинах историко-лингвистического цикла в педагогических вузах. Было принято решение о регулярном проведении конференций, связанных с научным наследием проф. Б.Н. Головина.

Материалы конференции предполагается опубликовать в специальном сборнике.

С.Н. Виноградов, Л.И. Ручина
(Нижний Новгород)

14–17 сентября 2001 г. в Москве состоялась Международная научная конференция по проблеме "Язык и культура". Хотя разнообразные взаимоотношения и взаимодействия культуры и языка являются предметом пристального внимания лингвистов, культурологов, этнологов уже много десятилетий, вопрос этот по-прежнему далек от решения. Это объясняется и отсутствием единой точки зрения на культуру (по словам С.П. Мамонтова, имеется около 300 определений этой категории), и существенными расхождениями в подходе к отношениям между культурой и языком (ср. работы Н.И. Толстого, С.Г. Тер-Минасовой, И.С. Улуханова и др.). Поэтому конференций под названием "Язык и культура" состоялось очень много [одна из последних "Русский язык и культура (изучение и преподавание)" прошла в РУДН в 2000 г., а в Киеве международные конференции "Язык и культура" проводились ежегодно с 1992 г.], сборники статей и методические материалы по данной проблеме публикуются постоянно (так, пособие Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова переиздавалось несколько раз).

Однако представительная международная конференция под названием "Язык и культура" проведена в России впервые. Она была организована Отделением литературы и языка РАН, Московским государственным институтом международных отношений, Институтом иностранных языков (г. Москва) и научным журналом "Вопросы филологии". На конференцию было подано около 400 докладов, в ней приняли участие почти 800 ученых и преподавателей из 25 стран: России (представители 76 городов), США, Великобритании, Германии, Италии, Швеции, Дании, Японии, Индии, КНР, ЮАР, Польши, Болгарии, Румынии, Украины, Беларуси, Эстонии, Латвии, Литвы, Армении, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Азербайджана.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, направил участникам конференции приветствие, в котором он отметил, что изучение истории культурно-языковых отношений между народами является ключом к осознанию многих политических и социальных процессов, важным элементом взаимного уважения и понимания между народами. На конференции были оглашены также приветствия Президента РАН Ю.С. Осипова, академика-секретаря Отделения литературы и языка РАН Е.П. Челышева, ректора МГИМО А.В. Торкунова, ректора Института иностранных языков (г. Москва) Э.Ф. Володарской.

Формы работы конференции были многообразны, что соответствовало сложности обсуждаемых проблем: состоялось четыре пленарных заседания, работали девять секций, было проведено два круглых стола.

На пленарных заседаниях основное внимание было уделено общей проблеме конференции – соотношению культуры и языка, в том числе русского языка. Эта проблема была поднята в докладах Е.П. Челышева "Русский язык как государственный язык Российской Федерации", Э.Ф. Володарской "Лингвистическое заимствование как отражение межкультурных взаимодействий", В.Г. Гака "Язык и культура. Язык или культура?", М.И. Исаева "Роль русского языка в развитии национальных культур народов России", В.М. Лейчика "Анализ соотношения культуры и языка: функциональный подход", В.Ю. Михальченко "Национальный язык и национальная культура: социолингвистический аспект", Н.Б. Мечковской (Беларусь) "Языковые объекты в лингвокультурологии: коллизии между популярным и эвристически ценным", М.Л. Ремневой "Язык и культура", С.Г. Тер-Минасовой "Глобальный язык в глобальной деревне?", С.Д. Шелова «Концепт "человек, личность" в зеркале лингвокультурологии», И. Барон и М. Херслунда (Дания) "Языки как картины мира: типологический подход к датскому и французскому языкам". В тесной связи с общим направлением конференции были доклады по теоретическим проблемам лингвистики: В.М. Алпатова "Мировая лингвистика и национальные лингвистики в XX в.", А.В. Бондарко "Значение и смысл (проблемы стратификации семантики)", Ю.Л. Воротникова "Языковая картина мира как лингвистическая категория". Ю.С. Степанова "Именования индивидов в актуальном и возможных мирах. Имя и дескрипция", С. Сятковского (Польша) "Синхронно-сопоставительное языкознание и преподавание иностранных языков", А.Я. Шайкевича "Достоевский о русских и менталитет исследователей менталитета", А.Д. Швейцера "Перевод как акт межкультурной коммуникации". В нескольких докладах обсуждались проблемы отдельных языков на культурном фоне: Х.Х. Мюллера (Дания) "Стратегии лексической номинации в испанском языке", Дж. Робертс (Великобритания), "Тезаурус древнеанглийского языка: неалфавитный подход", Э.Р. Тенишева "Родной (тюркский) разговорный язык литовско-польско-белорусских татар XV–XVII вв." Доклад Э.Н. Шевяковой "Роль романа конца XX века в процессе рождения современного мировидения" был посвящен литературоведческой тематике.

В течение всех четырех дней работа конференции проходила также в девяти секциях.

В докладах секции "Теоретические проблемы лингвистики" (а их было более 70) были подняты актуальные вопросы, включая достижения когнитивной лингвистики, в том числе выделение языковых и культурных концептов в различных языках. Отдельно рассматривались проблемы текста, семасиологии, лексикологии, фразеологии, грамматики и словообразования, стилистики. Ряд докладов был посвящен билингвизму и полилингвизму (в Европе, Латинской Америке, на Филиппинах), а также гендерной лингвистике.

В многочисленных докладах секции "Языки и культуры. Национально-языковая картина мира" (более 50 докладов) обсуждались конкретные аспекты соотношения культуры и языка, межкультурной коммуникации (так называемого диалога культур), трудности изучения иностранного языка в единстве с культурой данной страны. Были рассмотрены отдельные концепты в соответствующем языке и в сопоставлении с другими языками (Бог, труд, явления природы).

На заседаниях секции "Проблемы культурологии" были зачитаны доклады на темы,

не связанные непосредственно с языком, но входящие в общую проблематику конференции, в том числе по вопросам о понятии национального менталитета, о культурных концептах, о духовности культуры, о культурных процессах в современном обществе, о различных сферах культуры (религии, музыке, живописи и др.).

Наиболее многочисленной была секция "Литература и искусство на рубеже столетий: исторические судьбы и перспективы" (свыше 80 докладчиков). Разнообразие тематики потребовало разделить секцию на три подсекции: "Диалог культур. Постмодернистское пространство текста", "Проблемы изучения русской литературы. Проблемы поэтики жанра в мировой литературе", "Сентиментализм, романтизм, символизм как феномены мировой литературы. Литература и религия". Помимо теоретических вопросов, обозначенных в названиях подсекций, были рассмотрены особенности развития национальных литератур (русской, американской, французской, коми, белорусской и др.) в конце XX века.

Оживленную дискуссию вызвали доклады секции "Проблемы социолингвистики и психолингвистики", прежде всего потому, что в наше время проблемы функционирования мировых языков, взаимодействия национальных языков, а также перспективы сохранения языков исчезающих приобрели особую актуальность. В этой же секции ряд докладов был посвящен социолингвистическим аспектам изучения языков Азии (фарси, узбекского, таджикского, корякского и др.).

Горячие споры возникли при обсуждении многих проблем, поднятых в докладах секции "Русский язык в России и мире". Здесь были затронуты как теоретические, так и прикладные вопросы функционирования русского языка в нашей стране (в прессе, в государственных органах, в том числе в Думе), обучения русскому языку в высшей и средней школе. Некоторые доклады касались использования русского языка в странах ближнего Зарубежья, преподавания его в Армении, Латвии, Эстонии, Украине, изучения русского языка в КНР, Японии и др.

В докладах секции "Проблемы изучения европейских языков" были рассмотрены грамматические, лексические, фонологические, этимологические аспекты ряда западноевропейских языков: английского, немецкого, французского, испанского, древнегреческого. Докладчики проанализировали современные направления сопоставительных исследований, особенности межъязыковых контактов, прежде всего, на материале славянских языков.

На заседаниях секции "Проблемы перевода и лексикографии" были подняты вопросы прикладной лингвистики, включая трудности художественного и делового перевода, что вполне объяснимо в свете актуальных задач межкультурной коммуникации и взаимного обогащения народов разных стран культурными ценностями. Кроме того, освещались достижения в создании и использовании современных типов словарных произведений (компьютерных и электронных словарей, терминологических банков данных).

Наконец, более чем в 40 докладах секции "Проблемы лингводидактики" были обсуждены трудности преподавания родного и иностранных языков с привлечением культурологического (страноведческого) компонента, были критически оценены современные методики и технологии изучения и освоения языка на всех его уровнях.

Можно сказать, что общественными потребностями наших дней была продиктована необходимость проведения круглого стола на тему "Язык и письменность" (руководители Е.П. Челышев и Э.Ф. Володарская). На заседании круглого стола были рассмотрены два актуальных вопроса: "Национальные языки и национальные алфавиты" (докладчики – Э.Ф. Володарская, В. М. Алпатов, Е.М. Верещагин, Г.К. Венедиктов, Э.Р. Тенишев) и "Письменность и орфография" (докладчики – Н.С. Бабенко, Н.Н. Германова, С.М. Кузьмина, В.В. Лопатин).

При обсуждении первого вопроса внимание было в основном заострено на проекте перевода на латиницу татарского языка. Рассмотрев лингвистические и культурологические аспекты этой проблемы, участники круглого стола пришли к выводу о нецелесообразности перехода татарского языка на систему письма, в основе которой лежит латинский алфавит, и приняли соответствующее обращение к государственным органам и общественным организациям. Данное обращение сыграло свою положительную роль в решении этого вопроса в Государственной Думе.

Всесторонне обсудив второй вопрос на материале русского, английского, немецкого языков, участники круглого стола и конференции в целом сочли возможным рекомендовать разработчикам проекта новой редакции "Правил русской орфографии и пунктуации" продолжить доработку проекта с учетом поступивших как положительных, так и критических замечаний, а также мнения тех ученых, которые предостерегают от излишней торопливости в этой работе в современных условиях.

По многочисленным просьбам научных работников и преподавателей, принявших участие в конференции, был организован круглый стол "Дискуссионные проблемы филологии" (руководитель А.Я. Шайкевич),

где были более подробно рассмотрены некоторые вопросы, возникшие при обсуждении пленарных и секционных докладов, в том числе касающиеся "прогресса" и "регресса" в развитии языков, соотношения национального менталитета и национально-языковой картины (модели) мира и т.п.

При подведении итогов конференции была высказана рекомендация сделать регулярными подобного рода встречи ученых системы российских академий, преподавателей высших учебных заведений России и других стран, для обсуждения междисциплинарных проблем, спорных вопросов лингвистики и культурологии. Предложено провести следующий форум по данной проблематике в 2003 году.

Материалы прошедшей конференции изданы под названием «Международная научная конференция "Язык и культура" Москва, 14–17 сентября 2001 г. Тезисы докладов» (М., 2001).

Выступавшие на заключительном заседании отметили, что конференция "Язык и культура" вышла за рамки собственно научного мероприятия, она получила широкий резонанс в общественной жизни, была освещена в средствах массовой информации (пресса, радио, телевидение). Целый ряд докладов конференции рекомендован к опубликованию в научных журналах.

В.М. Лейчик (Москва)

25–26 сентября 2001 года во Владимирском государственном педагогическом университете состоялась очередная научная конференция "Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект", проводимая в 4-й раз, начиная с 1995 года, кафедрой русского языка филологического факультета. В конференции приняли участие ученые педагогических и научных учреждений Москвы, Владимира, Дзержинска, Кирова, Коломны, Нижнего Новгорода, Новокузнецка, Омска, Орехово-Зуева, Санкт-Петербурга, Таганрога, Ярославля.

За два дня работы конференции было заслушано и обсуждено 35 докладов и сообщений.

Пленарное заседание открыл доклад П.В. Чеснокова (Таганрог) "Глубинная семантическая основа подчинения и сочинения", посвященный вопросам взаимообусловленности семантических и синтаксических отношений языковых единиц. На обширном материале были показаны различия между конструкциями сочинения и подчинения, основанные на противопоставленности логических категорий (по мнению докладчика, присоединение идеи отношения к референту характеризует сочинение, а к релату – подчинение). Особое внимание П.В. Чесноков уделил случаям грамматической омонимии (синтаксическому синкретизму) и различным контаминационным образованиям, противопоставленным друг другу в системе языка и связанным с явлениями переходности.

В.М. Бельдиян (Омск) посвятил свое выступление атрибутивным конструкциям с синтаксической связью согласования и управления в русском языке (типа *время наших героев, полк сыновей, человек дела, планета людей, узник совести* и под.), которые, как считает докладчик, соотносимы с изафетом в некоторых иранских, тюркских и семитских языках. Доклад Е.А. Красиной (Москва) «"Длинное согласование" в перформативном высказывании» был посвящен теории речевых актов, согласно которой тесное взаимодействие всех трех сфер перформативного высказывания (сферы говорящего субъекта Я, адресата-слушателя ТЫ и речевого воздействия) обеспечивает формально и семантически проявляющееся "длинное согласование". В.И. Фурашов (Владимир) в докладе "О трех сферах существования словосочетаний" отметил, что словосочетания, во-первых, существуют в предложении, во-вторых, их модели принадлежат языковой системе, в-третьих, многие подчинительные непредикативные словосочетания, вычленяясь из предложения, являются средствами "расчлененной номинации". М.Н. Пименова (Владимир), проанализировав дефиниции основной единицы ментальности в рамках различных лингвистических направлений – этнолингвистики, антропологии языка, лингвокультурологии. этногерменевтики, предложила скорректированное определение *концепта*.

На заседании секции "Синтаксис" доклад Е.Н. Лагузовой (Ярославль) "Описательный глагольно-именной оборот и словосочетание: зона переходности" был посвящен функционированию устойчивых сочетаний, в которых стержневой глагольный компонент частично десемантизирован, так что такого рода соединения слов

занимают промежуточное положение между знаменательным словом и свободным словосочетанием (ср. *дать оценку / оценить* и *дать книгу*). Н.В. Юдина (Владимир) в докладе "Прилагательные качественные и относительные (семантика и синтагматика)" отметила, что традиционное деление имен прилагательных на известные лексико-грамматические разряды требует учета не только морфологических и семантических признаков, но и синтагматических особенностей (ср. *собачья конура, собачья шуба* и *собачья преданность*) В докладе Л.А. Черновой (Коломна) "Синтагматика составных именных членов предложения", помимо определения главных членов, представленных сочетанием связочного глагола в личной или неличной форме с присвязочным именным компонентом, были обоснованы структурные и семантические признаки, а также внутренняя и внешняя синтагматика составных именных членов предложения. Е.Н. Варюшенкова (Владимир) в докладе "Обособленный инфинитив при существительном-подлежащем" пришла к выводу, что в предложениях с обособленным присубстантивным инфинитивом лексическая модальность имени существительного в роли подлежащего в сочетании с его синтагматическими свойствами как бы перерастает в модальность предложения в целом, в связи с чем особую значимость приобретает сопутствующая предикативность обособленного инфинитива. В докладе М.С. Искренковой (Владимир) "Сказуемые, осложненные глагольными частицами *взять, взял, возьмет, возьми + и, да, да и*" были прослежены разнообразные модальные оттенки, осложняющие семантику простого глагольного сказуемого, что позволяет говорить о парадигматическом варьировании сказуемого. Доклад Н.В. Иосилевич (Владимир) "Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта" был посвящен анализу многоуровневой семантики субъекта и объекта; для типичного подлежащего характерны корреляции с агенсом, с одушевленностью субстантива, с субъектной лексической ориентацией предиката, с отнесенностью к теме высказывания, а для типичного дополнения – с пациентом, с неодушевленностью субстантива, с объектной лексической ориентацией предиката, с отнесенностью к реме. Л.В. Калинина (Киров) в докладе "О влиянии процесса метонимии на возможность сочетания существительных singularia tantum с количественными определителями" установила, что семантика абстрактных, вещественных и собирательных существительных при метонимическом переносе конкретизируется, поэтому изменяются и их синтагматические возможности: в рамках определенного контекста данные существительные обнаруживают способность сочетаться с количественными определителями. В докладе К.С. Федоровой (Санкт-Петербург) "Построение высказывания в специфической коммуникативной ситуации: регистр общения с иностранцами, изучающими русский язык (синтагматический аспект)" выявлены особенности общения с иностранцами на русском языке: информация в высказывании дублируется при помощи синтаксических синонимических конструкций, а при отборе таких конструкций обязательно имеет место ориентация на литературную тему.

На заседании секции "Морфология" в докладе О.В. Мальцевой (Киров) "Синтагматика субстантивированных причастий, образованных от переходных глаголов" рассматривалось обозначение в тексте объекта переходного глагола, от которого образовано страдательное причастие, в связи с чем были выделены три основных типа контекстов, свидетельствующих об ослаблении глагольных свойств субстантивата. Е.А. Мерзлова (Киров) в докладе "О некоторых синтаксических особенностях существительных с конкретной семантикой" на примере существительных со значением "помещение" обнаружила две их функции: идентифицирующую в синтаксической позиции подлежащего / дополнения и предикативную, в которой предикат может иметь значение классифицирующего, характеризующего и оценочного признака. Доклад В.М. Савиной (Владимир) "Деепричастие в системе глагольных форм" был посвящен всестороннему анализу глагольных и наречных признаков деепричастия, позволившему по-новому оценить некоторые известные его свойства, обнаружить новые аспекты и расширить представление об этом классе слов. В докладе М.В. Сандаковой (Киров) "Метонимия прилагательного как результат синтагматического сдвига" описывался круг метонимических значений, возникающих у прилагательных при смещении определения с одного имени существительного на другое. Е.В. Чабристова (Владимир) доклад "Структура индивидуальных имен собственных, включающих в себя порядковое числительное" посвятила разграничению постоянных и переменных признаков составных наименований, не получивших развития в современном обществе. В докладе М.В. Лысяковой (Москва) "Иерархия признаков-параметров в семантике единиц ЛСГ глаголов бытийности" анализировались семантические элементы лексического значения многозначного глагола *быть*; было предложено выде-

лять 2 группы лексико-семантических вариантов значения на основе темпорального и локального параметров. Доклад В.А. Карючиной (Новокузнецк) "Тенденция к аналогии как одна из основных в развитии морфологической системы русского языка" интересен с точки зрения соединения фактов диахронии и синхронии. Доклад В.В. Носковой (Владимир) "Онимы как базовая основа регионализмов" посвящен анализу семантического пространства собственных имен, в которых выделяется лексическое и энциклопедическое значение. На базе первого рождаются регионализмы с узуальными значениями, объединяющиеся в словообразовательные гнезда, парадигмы, ЛСГ, а на базе энциклопедического значения – регионализмыми–окказионализмы, которые могут вступать между собой в квазисинонимические или квазиантонимические отношения.

На заседании секции "Словообразование" А.Б. Копелиович (Владимир) в докладе "Двумерные отношения в словообразовании и морфемике" предложил уточнить сферу компетенции словообразовательного критерия при морфемной сегментации основы слова. Тенденция к сочетанию в адъективных сложениях "признаков, не взаимодействующих друг с другом", которая наглядно обнаруживает себя в структуре цветовых композитов в виде соположения цветовых и нецветовых основ, нашла отражение в докладе В.В. Краснянского (Орехово-Зуево) "Основные тенденции в развитии сложных адъективов, совмещающих разные признаки". При этом, по мнению докладчика, окказиональный характер описанных композитов не исключает закономерного для сложения "стремления к образованию синтезированного значения". В докладе Л.В. Рацибурской (Дзержинск) "Слова с уникальными частями в словообразовательной парадигме" отстаивается, вопреки сложившимся представлениям, мысль о системности уникальных словообразовательных формантов. С.С. Ежкова (Москва) в докладе "Парадигматические и синтагматические связи глагольных префиксов русского языка XVII века" основное внимание сконцентрировала на взаимозависимости внутренней синтагматики словесных конструкций "префикс + мотивирующий глагол" как на уровне формы, так и значения и парадигматических отношений в системе глагольных префиксов указанного периода русского языка. Об особой активности образования различных по стилистической окраске однословных и описательных оценочных наименований лиц говорилось в докладе А.С. Цуккерман (Владимир) "Об образовании номинаций лица в современном газетным тексте". Вполне доказательный языковой материал был представлен в сообщении О.Д. Лукониной (Дзержинск) "Отражение процесса утраты родовых различий у родоизменяемых слов на материале памятников деловой письменности XII–XV веков". В докладе Т.О. Гавриловой (Санкт-Петербург) "Категория рода в регистре русского языка Baby Talk. Синтагматический аспект" показаны особенности употребления родовых форм слов преимущественно адъективного типа в речи, обращенной к детям, в зависимости от контекстных условий.

На заседании секции "Общая лингвистика. Стилистика. Теория текста" Л.Л. Агафонова (Москва) в докладе «Смысловые языковые "исходы" количественности ("количество – сколько", "множество – какое")» представила семантику корреляционных отношений грамматической категории числа в языковой картине мира. В.П. Важенина (Владимир) рассмотрела двухакцентные, или гибридные, конструкции (термин М.М. Бахтина) как средство субъективации авторского повествования в современном американском коротком рассказе. А.К. Попова (Владимир) провела исследование антитезы в произведениях английских писателей (Ч. Диккенс, Р. Киплинг, Д. Голсуорси и др.) и пришла к выводу, что это один из основных способов семантической когезии текста. В.Б. Шавлюк (Нижний Новгород) представила термины с опорным компонентом "аорист" в литературе по исторической грамматике русского языка (*асигматический / несигматический / сигматический аорист, корневой / корневой тематический аорист, простой / сложный аорист* и под.). Р.В. Буробин (Владимир) доложил о реализации родообразующего принципа построения генетической родовой атрибутивной модели в готском языке. Т.А. Алиев (Владимир), сопоставив изданный текст "Хождения купца Федота в Персию" (М., 1958) с рукописью (РГБ, собр. Фадеева, ф. 312, № 62), обратил внимание на целый ряд существенных искажений первоисточника. В докладе М.В. Артамоновой (Владимир) «Непредметное имя существительное как средство выражения текстовой модальности в древнерусском языке (на материале "Поучения" Владимира Мономаха)» обсуждались вопросы семантической организации и смысловой целостности древнерусского текста.

А.Б. Копелиович, В.И. Фурашов,
М.В. Пименова, В.В. Носкова, В.М. Савина
(Владимир)

CONTENTS

O.N. Trubačev (Moscow). Instead of an introduction; V.M. Alpatov (Moscow). Fifty years of the journal "Voprosy Jazykoznanija"; O.V. Lukin (Yaroslavl). Discussions on the parts of speech and the journal "Voprosy Jazykoznanija" in the fifties; O.A. Lapteva, G.F. Blagova, M.M. Makovskij, G.V. Strokova (Moscow). How we worked at the Editorial Office of the journal "Voprosy Jazykoznanija"; G.F. Blagova (Moscow). Academician V.M. Žirmunskij as deputy editor of the journal "Voprosy Jazykoznanija" and his role in the preparation of the "Dialectal Atlas of the Turkic languages"; I.I. Kovtunova (Moscou). On the indirect use of direct speech in the works of V.V. Vinogradov (From the history of Russian linguistic thought); G.V. Strokova (Moscow). On the history of our everyday life at the Editorial Office of the journal "Voprosy Jazykoznanija"; **From the history of science:** N.I. Tolstoj. Church Slavonic and Russian: interrelation and symbiosis; O.N. Nikitin (Moscow). The Moscow Dialectal Commision as recollected by D.N. Ušakov, N.N. Durnovo and A.M. Seliščev (unknown pages from the history of the Moscow linguistic school); **Reviews:** V.V. Potapov (Moscow). Multilevel strategy in linguistic gender studies; D.I. Edel'man (Moscow). *I.M. Steblin-Kamenskij.* Etymological dictionary of the Vahan language; A.V. Zelenin (Moscow). *L.P. Krysin.* Explanatory dictionary of foreign words; V.D. Devkin (Moscow). *W. Müller.* Das Gegenwart-Wörterbuch. Ein Kontrastwörterbuch mit Gebrauchshinweisen; L.L. Šestakova (Moscow). *N.A. Koževnikova, Z.Yu. Petrova.* Materials for a Dictionary of metaphors and comparisons in the Russian literature of the XIX–XX centuries. Fascicle I: "Birds". **Scientific life.**

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 29.10.2001. Подписано к печати 03.12.2001. Формат 70 × 100 $^1/_{16}$
Офсетная печать. Усл.-печ.л. 13,0. Усл.-кр.-отт. 19,2 тыс. Уч.-изд.л. 15,8. Бум.л. 5,0
Тираж 1451 экз. Зак. 5083
Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Отделение литературы и языка РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-25-16

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6